

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 1/2021

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Дерябина М.А., канд. экон. наук
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор, зам. руководителя департамента
финансовых рынков и банков Финансового
университета при Правительстве РФ

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Архипов А.И.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, первый заместитель
директора по науке Института экономики РАН

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Дорошенко М.Е.

доктор экономических наук, профессор, зам. зав. кафедрой
прикладной институциональной экономики экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ивашенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономики инноваций экономического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Караваяева И.В.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
ВРИО директора Института научной информации по общественным
науками (ИНИОН) РАН, профессор МГИМО МИД России

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной
работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, директор Института экономических
исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Сорокин Д.Е.

член-корреспондент РАН, руководитель Департамента экономической
теории Финансового университета при Правительстве РФ

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем
рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития
науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 1/2021

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки),
- 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам
деятельности) (экономические науки),
- 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки),
- 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Смотрницкая И.И., Черных С.И.

Организационные инновации в сфере государственного управления..... 9

Белоусов Ю.В.

Цифровая экономика: понятие и тенденции развития 26

Козлова С.В., Грибанова О.М.

Актуальные проблемы повышения эффективности управления государственным имуществом на федеральном и региональном уровнях в России..... 44

Кубишин Е.С., Седлов А.П., Соболева И.В.

Бедность в России: методология измерения и международные сравнения 56

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Сухарев О.С.

Неошумпетерианское направление в экономической науке: современные исследования 71

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Мельянцев В.А., Адрова И.С.

Основные факторы экономического роста Индонезии – четвертой экономики Азии 86

Мищенко Я.В.

10 лет после аварии на АЭС «Фукусима»: энергетические кризисы в новейшей истории Японии и пути их преодоления 107

Симонян Р.Х.

Перспективы развития арктического сотрудничества России и ЕС (на примере программы «Коларктик 2014–2020»)..... 125

Голубкин А.В., Князев Ю.К.

Необходимость диверсификации внешнеэкономических связей стран Центрально-Восточной Европы. 141

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Ши Шаодун

Динамика и проблемы развития системы образования в КНР 161

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зеленоборская Л.В.

Институт экономики РАН в 2020 г. 175

Караваева И.В.

Риски развития российских регионов в условиях пандемии:
дискуссия на международной научно-практической
конференции «IV Сенчаговские чтения. Социально-экономическая
безопасность: сфера государственного регулирования и область
научного знания» 182

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Smotritskaya I.I., Chernykh S.I.	
Organizational Innovations in the Sphere of Public Administration . . .	9
Belousov Yu.V.	
Digital Economy: Concept and Trends of Development.	26
Kozlova S.V., Gribanova O.M.	
Actual Issues of Improving the Effectiveness of State Property Management at the Federal and Regional Levels in Russia	44
Kubishin E.S., Sedlov A.P., Soboleva I.V.	
Poverty in Russia: Measurement Methodology and International Comparisons	56

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

Sukharev O.S.	
Neo-Schumpeterian Direction in Economic Science: Modern Research. .	71

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL RELATIONS

Melyantsev V.A., Adrova I.S.	
Main Factors of Economic Growth in Indonesia – the Fourth Economy of Asia.	86
Mishchenko Ya.V.	
10 Years after the Accident at the Fukushima Nuclear Power Plant: Energy Crises in the Recent History of Japan and Ways to Overcome Them.	107
Simonyan R.H.	
Prospects for the Development of Arctic Cooperation between Russia and the EU (on the Example of the «Kolarctic 2014–2020» Program). . .	125
Golubkin A.V., Knyazev Yu.K.	
The Need to Diversify Foreign Economic Relations of the Countries of Central and Eastern Europe	141

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

Shi Shaodong

Dynamics and Problems of the Development of the Educational
System in the PRC 161

SCIENTIFIC LIFE

Zelenoborskaya L.V.

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS)
in 2020. 175

Karavaeva I.V.

Risks of the Development of Russian Regions in the Context
of a Pandemic Discussion at the International Scientific and Practical
Conference “IV Senchagov Readings. Socio-Economic Security:
the Sphere of State Regulation and the Field of Scientific Knowledge” ... 182

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

И.И. СМОТРИЦКАЯ

доктор экономических наук, руководитель Центра исследования проблем
государственного управления ФГБУН Институт экономики РАН

С.И. ЧЕРНЫХ

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье исследуются актуальные проблемы имплантации организационных инноваций в сферу государственного управления. Рассматриваются институциональные аспекты организационных инноваций, выделены базовые принципы и основные виды. Проанализировано одно из ключевых направлений внедрения инноваций, обеспечивающих повышение качества государственных услуг, развитие новых форм управления, связанное с процессом цифровизации и деятельностью электронного правительства. Показано, что несмотря на достижение определенных успехов в цифровизации и создание предпосылок для перехода к цифровому правительству, Россия ослабила свои позиции в мировом рейтинге развития электронного правительства EGDI. Особое внимание уделено оценке инноваций в сфере управления наукой, организации деятельности институтов развития. Результаты проведенной оценки позволили выявить проблемы как стратегического, так и институционального характера, а также предложить концептуальные подходы к обоснованию внедрения организационных инноваций.

Ключевые слова: *инновационное развитие, организационные инновации, государственное управление, цифровизация, электронное правительство, организационные изменения.*

JEL: H10, H50, O11, O30.

DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-9-25.

Введение

На современном этапе экономическая модель, построенная на основе непрерывного процесса инновационного обновления, не имеет альтернативы для обеспечения устойчивого социально-экономического развития. Такая модель, по мнению экспертного сообщества,

предполагает наличие, как минимум, двух фундаментальных предпосылок. Во-первых, развитие экономики и рост доходов основных слоев населения происходит, в первую очередь, за счет перманентного обновления и расширения качественных характеристик товаров и услуг, частоты и эффективности инновационной деятельности. Во-вторых, необходима национальная научно-технологическая и промышленная база, способная постоянно генерировать инновации и трансформировать их в продукты, обладающие стабильным спросом на рынке. У нас в стране, к сожалению, эти фундаментальные предпосылки в полной мере не сформированы [1, с. 5]. Ключевая роль в исправлении сложившейся ситуации принадлежит государству и, согласно действующему законодательству, государственная поддержка инновационной деятельности осуществляется на основе следующих принципов:

- программный подход и измеримость целей при планировании и реализации мер государственной поддержки;
- доступность государственной поддержки на всех стадиях инновационной деятельности, в том числе для субъектов малого и среднего предпринимательства;
- опережающее развитие инновационной инфраструктуры;
- публичность оказания государственной поддержки инновационной деятельности посредством размещения информации об оказываемых мерах государственной поддержки инновационной деятельности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;
- приоритетность дальнейшего развития результатов инновационной деятельности;
- защита частных интересов и поощрение частной инициативы;
- приоритетное использование рыночных инструментов и инструментов государственно-частного партнерства для стимулирования инновационной деятельности;
- обеспечение эффективности государственной поддержки инновационной деятельности для целей социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации;
- целевой характер использования бюджетных средств на государственную поддержку инновационной деятельности¹.

Вместе с тем государство при реализации своих управленческих функций также не может оставаться в стороне от инновационных процессов, внедрения организационных инноваций для повышения

¹ Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (ред. от 08.12.2020). Ст. 16.1. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/3efc5814354e82f6976247c4f2bea336760098be.

качества государственного управления. Нельзя сформировать эффективную национальную инновационную систему без инновационного обновления системы государственного управления, устранения существующих в данной сфере дисфункций и выстраивания новой парадигмы во взаимоотношениях государства и общества.

Базовые положения

Как известно, основным международным методологическим руководством для учета и анализа инноваций и инновационной деятельности является *Руководство Осло* Организации экономического сотрудничества и развития. Хотя в данном документе рассматриваются инновации только в предпринимательском секторе, его положения, на наш взгляд, можно вполне экстраполировать и на сферу государственного управления.

Инновации в 3-м издании Руководства Осло подразделяются на четыре типа: продуктовые, процессные, маркетинговые и организационные. Под организационной инновацией понимается имплементация нового метода организации и управления ведением бизнеса, организации рабочих мест или внешних хозяйственных связей². Они направлены на повышение эффективности деятельности компаний за счет оптимизации административных расходов, роста производительности труда и снижения транзакционных издержек. Следует отметить, что изменения, основанные на уже использующихся организационных методах, не считаются инновациями. В соответствии с данным подходом разработку управленческих стратегий мы не будем рассматривать как инновацию, только *организационные изменения, воплотившие управленческую стратегию в деловую практику, являются инновацией*.

Что касается *организационных инноваций в системе государственного управления*, то, основываясь на обобщении ранее проведенных по этой тематике исследований [2; 3], можно выделить следующие основные виды:

- инновации, обеспечивающие повышение качества предоставляемых государством услуг;
- новые формы управления, например: электронное правительство, управление на основе единых информационных платформ, широкого участия населения, «горизонтальное» управление, интерактивное формирование политики;

² Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. 3-е изд. Совместная публикация ОЭСР и Евростата. Перевод на русский язык. М.: ЦИСН, 2010. docviewer.yandex.ru/view/553885980/?page=1&.

- изменение организации деятельности существующих государственных учреждений и/или создание новых;
- организация новых рабочих мест и методов руководства.

Анализируя российский опыт внедрения организационных инноваций в сферу государственного управления, на наш взгляд, следует вспомнить положения Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ в декабре 2011 г. (далее – Стратегия ИР) и оказавшейся практически «не у дел» с принятием в декабре 2016 г. более статусной Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2030 г. (утверждена Указом Президента РФ, далее – Стратегия НТР)³.

Во-первых, отметим, что в Стратегии ИР (раздел III) заложены основы стратегического планирования в сфере инновационного развития, которые через три года будут с некоторыми поправками реализованы в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Правда, сама Стратегия ИР в отличие от Стратегии НТР, так и не стала документом стратегического планирования.

Во-вторых, в Стратегии ИР есть раздел VIII «Инновационное государство», содержащий подразделы «Внедрение инноваций в системе государственного управления», «Инновации в общественном секторе, инфраструктурных отраслях и социальной сфере», «Государственные закупки», а в приложениях представлены соответствующие перечень основных мероприятий по реализации и целевые индикаторы. В рассматриваемом документе отмечается, что система государственного управления и предоставления государственных услуг населению должна быть модернизирована в соответствии с требованиями инновационного развития. Выделим следующие ключевые положения:

- внедрение инновационных технологий в том числе в рамках создания электронного правительства, пересмотр способов и инструментов предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций;
- повышение качества предоставления государственных услуг за счет широкого внедрения принципа «одного окна», в соответствии с которым у граждан появится возможность получения полного комплекса услуг в одном месте;
- модернизация системы переподготовки и повышения квалификации государственных служащих через обеспечение освоения

³ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. static.government.ru/media/files/4qRZEpm161xctpb156a3ibUMjILtn9oA.pdf; Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642. www.kremlin.ru/acts/bank/41449.

современных информационных и управленческих технологий, в том числе технологий электронного документооборота, управления знаниями, а также механизмов государственной поддержки инноваций и закупок инновационной продукции;

- открытость системы государственной власти, в том числе в плане обеспечения иностранных пользователей необходимым объемом актуальной информации о реализуемой политике;
- создание эффективной системы обратной связи, позволяющей государству корректировать проводимую политику на основе информации о ее результативности, полученной от населения и институтов гражданского общества;
- разработка концепций инновационного развития в сферах образования, здравоохранения, культуры, социального обслуживания населения, жилищного строительства и коммунального хозяйства, агропромышленного комплекса, физической культуры, спорта и туризма, а также обеспечение отражения приоритетов инновационного развития в составе стратегий и государственных программ развития соответствующих секторов экономики и социальной сферы;
- формирование в Российской Федерации комплексной федеральной контрактной системы, включающей не только стадию размещения заказа, но и стадию планирования и контроля за исполнением контрактов;
- расширение способов и процедур осуществления закупок, учитывающих специфику инновационной продукции путем корректировки законодательства Российской Федерации о закупках товаров, работ, услуг для государственных нужд с минимизацией коррупционных рисков за счет повышения прозрачности всей процедуры размещения заказа.

При этом в Стратегии ИР речь идет, по нашему мнению, не просто об инновационном, а об *инклюзивном государстве*, которое «должно гарантировать справедливость и уважение закона, поддерживать креативность, инновационность, развитие проинклюзивных учреждений и недопущение неравенства в правоприменении» [4, с. 24]. По окончании 2020 г. можно констатировать, что стратегическая задача формирования такого государства не реализована, как не достигнуто и большинство целевых индикаторов, зафиксированных в Стратегии ИР. Более того, в 2016 году разработчики Стратегии НТР отказались от размещения в данном концептуальном документе каких-либо целевых индикаторов.

Вместе с тем ряд отмеченных в Стратегии ИР организационных инноваций получили активное развитие, имплементированы в практическую деятельность для повышения эффективности и качества государственного управления.

Электронное правительство и повышение качества государственных услуг

Основной целью внедрения организационных инноваций является повышение качества государственного управления, что в значительной мере связывается с процессом цифровизации государственных функций, использованием информационно – коммуникационных технологий при оказании государственных услуг, организации взаимодействия государства и общества. Данный подход нашел отражение в создании и реализации проекта «электронного правительства», этапы развития и содержательное наполнение которого подробно рассмотрены авторами ранее в публикациях [5; 6; 7].

Термин «электронное правительство» (далее ЭП) предполагает значительную область применения цифровых технологий в сфере государственного управления. Эволюция концепции понятия «электронного правительства» в начале нынешнего века представлена в докладах Организации Объединенных Наций и Всемирного банка. В одном из первых докладов «Сравнительный анализ электронного правительства: глобальная перспектива, определяющая прогресс стран – членов ООН» 2003 года дается понятие ЭП в широком смысле – как использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в государственном управлении. А также раскрывается узкая трактовка ЭП как использование информационной среды (интернет) для предоставления информации и государственных услуг гражданам [8, с. 122].

В более поздних докладах ООН происходит концептуальное развитие понятия «электронное правительство», уточнение роли и функций государственных институтов, раскрывается новая тенденция развития модели ЭП – переход к стратегии «цифрового правительства». В докладе ВЭБ 2016 г. «Цифровое правительство 2020: перспективы для России» отмечается, что развитые страны переходят к следующему этапу внедрения новых инновационных форм государственного управления – к так называемой стадии «цифрового правительства». Эта стадия подразумевает полный перевод государственных услуг в цифровой формат от обращения до исполнения, обеспечение трансформации административных процессов на основе принципа «цифровые по умолчанию», построение новой организационной структуры для цифрового правительства и создание институциональной основы для его разработки и реализации [9, с. 6].

В 2020 г. вышел доклад «Исследование ООН: электронное правительство 2020», который завершил 20-летний период изучения развития электронного правительства. В докладе подчеркивается, что в условиях глобальной пандемии COVID-19 резко возросла роль электронного правительства, представление государственных услуг в цифровой

форме становится все более распространенным, поскольку социальное дистанцирование стимулирует онлайн-взаимодействие. В свою очередь, платформы электронного правительства дают возможность для управления кризисом более инновационными методами [10]. Результаты исследования показывают значительный рост цифровых услуг в мире. Однако переход к цифровому правительству более активно осуществляется в развитых странах, обладающих для этого необходимой цифровой инфраструктурой и научно-технологической базой.

Институционализация организационных инноваций в нашей стране нашла отражение в стратегии реформ, в принятии необходимых нормативно-правовых норм, регламентов, стандартов, формировании соответствующих «цифровых» институтов. Одним из основных направлений проводимых административных реформ стал поэтапный переход к реализации государственных функций и оказанию государственных услуг в электронной форме. Для достижения этой цели была принята федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 гг.)», которая предусматривала создание институциональных и информационно-технологических условий для формирования системы электронной торговли и перевода государственных и муниципальных закупок в электронную форму.

В 2008 г. Президентом РФ была утверждена «Стратегия развития информационного общества», определившая цели, задачи, принципы и основные направления государственной политики в области использования и развития информационных и телекоммуникационных технологий, а в 2010 г. принята новая государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)», а также ряд других региональных и ведомственных программ, которые оказали существенное влияние на уровень использования ИКТ в сфере государственного управления.

Стратегия внедрения организационных инноваций в сферу государственного управления посредством имплантации системы электронного документооборота, предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме привело к повышению качества государственных услуг. Так, по оценке Минэкономразвития РФ уровень удовлетворения граждан качеством предоставляемых государственных услуг достиг в 2017 г. 86,4%⁴.

Современный этап развития организационных инноваций связан с принятием Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О националь-

⁴ Об итогах деятельности Минэкономразвития России за 2017 год и задачах на 2018 год. economy.gov.ru/wps/wcm/connect/f01dc68e-302b-4c30-ac5d-e75ec48f6df6/doklad20182019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=f01dc68e-302b-4c30-ac5d-e75ec48f6df6.

ных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.»⁵, где поставлены задачи, которые необходимо выполнить правительству страны в рамках национального проекта (программа) «Цифровая экономика Российской Федерации» для ускоренного внедрения цифровых технологий в экономику и социальную сферу. Реализация данного национального проекта предполагает формирование и развитие «цифрового правительства», структура которого включает: единый цифровой портал и единые данные для совместного использования; межведомственные сервисы и государственную инфраструктуру для совместного использования; улучшенные сенсорные сети; аналитику; кибербезопасность и конфиденциальность.

Следует отметить, что отдельные принципы предоставления услуг и элементы цифрового правительства уже реализованы на практике или находятся на стадии активного формирования. За последние несколько лет созданы цифровые платформы федерального и регионального уровня, которые сопоставимы с аналогичными платформами в ведущих странах. Так, с 2009 г. работает Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), на котором размещается весь комплекс необходимой нормативно-правовой информации для граждан, формы заявок, через который проводятся различные платежи. Активно развивается организация межведомственного электронного документооборота для деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти. Предусмотрено создание единой платформы для обмена информацией между государством, гражданами, коммерческими и некоммерческими организациями, разработка и утверждение национальных стандартов обработки массивов больших данных. Очевидно, что реализация данных инноваций требует пересмотра принципов организации выполнения государственных функций.

В настоящее время, наиболее авторитетным международным показателем, оценивающим уровень и качество развития электронного правительства, является Индекс развития электронного правительства Организации Объединенных Наций (The UN Global E-Government Development Index), который разрабатывается раз в два года для 193 стран – членов ООН. Индекс развития электронного правительства (EGDI) представляет собой сводный индекс, основанный на средневзвешенном значении трех стандартных индексов. Это индекс телекоммуникационной инфраструктуры (ТИ), основанный на данных Международного союза электросвязи, Индекс человеческого капитала

⁵ Указ Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». government.ru/projects/selection/741/35675.

(НСИ), основанный на данных ООН по вопросам образования, науки и культуры, и Индекс онлайн-услуг (OSI), основанный на данных независимого социологического опроса. В ходе опроса оценивается ряд функций онлайн-услуг, в том числе: масштаб и открытость государственных данных, электронное участие, многоканальная доставка услуг, услуги мобильной связи, уровень использования и цифровые барьеры, а также новые формы участия посредством применения ИКТ.

В 2016 г. индикатор развития российского электронного правительства оценивался как высокий, при этом у 29 стран – лидеров в мире индикатор развития электронного правительства имел показатель «очень высокий». Через два года (2018 г.) Россия впервые вошла в группу стран с «очень высоким» индексом развития электронного правительства, но в 2020 году позиция России снизилась на 4 пункта с 32 до 36 в общем мировом рейтинге. При этом, как следует из данных, представленных в таблице 1, значение EGDИ выросло и составило 0,8244 (при максимальном значении индекса – 1), что позволило нашей стране сохранить место в группе с самими высокими показателями индекса в Европе. Однако активный рост роли и значения электронного правительства в мире требует от нашей страны повышения эффективности процесса цифровизации государственного управления для адекватного ответа на возникающие глобальные вызовы и риски.

Перспективы развития организационных инноваций в сфере государственного управления следуют из Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года». Среди национальных целей развития нашей страны – цифровая трансформация в том числе сферы государственного управления. Реализация этой национальной цели предполагает достижение следующих целевых показателей к 2030 г.:

- достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления;
- увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95%;
- рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», до 97%;
- увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в четыре раза по сравнению с показателем 2019 г.⁶

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года». Пункт 2. www.kremlin.ru/acts/bank/45726.

Таблица 1

Страны Европы с самыми высокими показателями EGD

Страна	Позиция EGDI в мировом рейтинге	Пока- затель OSI	Пока- затель HCI	Пока- затель ТИ	EGDI (2020)	EGDI (2018)
Дания	1	0,9706	0,9588	0,9979	0,9758	0,9150
Эстония	3	0,9941	0,9266	0,9212	0,9473	0,8476
Финляндия	4	0,9706	0,9549	0,9101	0,9452	0,8815
Швеция	6	0,9000	0,9471	0,9625	0,9365	0,8882
Великобритания	7	0,9588	0,9292	0,9195	0,9358	0,8999
Нидерланды	10	0,9059	0,9349	0,9276	0,9928	0,8757
Исландия	12	0,7941	0,9525	0,9838	0,9101	0,8316
Норвегия	13	0,8765	0,9392	0,9034	0,9064	0,8557
Австрия	15	0,9471	0,9032	0,8240	0,8914	0,8301
Швейцария	16	0,8294	0,8946	0,9482	0,8907	0,8520
Испания	17	0,8882	0,8989	0,8531	0,8801	0,8415
Франция	19	0,8529	0,8612	0,8719	0,8718	0,8790
Польша	24	0,8588	0,9001	0,8005	0,8531	0,7926
Германия	25	0,7353	0,9362	0,8856	0,8524	0,8765
Ирландия	27	0,7706	0,9494	0,8100	0,8433	0,8287
Португалия	35	0,8353	0,8463	0,7948	0,8255	0,8031
Российская Федерация	36	0,8176	0,8833	0,7723	0,8244	0,7969
Италия	37	0,8294	0,8466	0,7932	0,8231	0,8209
Чехия	39	0,7235	0,9030	0,8140	0,8135	0,7084

Источник: составлено авторами по: данные доклада «Исследования ООН: Электронное правительство 2020» Нью-Йорк. 2020. С. 50–52. publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20-%20Russian.pdf.

Для государства цифровая зрелость заключается в способности прозрачно и эффективно регулировать, исполнять функции и предоставлять государственные услуги, содействовать объединению гражданского сообщества, своевременно решать социальные вопросы. Система государственного управления должна стать более результативной, открытой и ориентированной на потребности бизнеса и граждан, что поможет России войти в число лидеров мировой экономики.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сделать вывод, что внедрение организационных инноваций, обеспечивающих повышение качества государственных услуг и развитие новых форм управления стало возможным благодаря широкому распространению ИКТ. Динамика данного процесса в большой степени связана с реализацией принятой стратегии цифровых преобразований.

Обновление существующих государственных организаций и создание новых: тренд на оптимизацию

Изменение организации деятельности существующих государственных учреждений и/или создание новых является одним из основных видов организационных инноваций. Именно по этому направлению, по мнению авторов, имеются серьезные изъяны в плане соответствия инноваций задачам устранения дисфункций государственного управления. В первую очередь, обратимся к близкой нам научно-образовательной сфере и жесткой академической реформе в рамках Федерального закона от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий науки и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В результате реформы академические научные организации стали подведомственны специально созданному федеральному органу исполнительной власти – Федеральному агентству научных организаций (ФАНО России), а Российская академия наук, лишивший управленческих функций по отношению к своим НИИ, получила статус федерального государственного бюджетного учреждения. В мае 2018 г. ФАНО было упразднено, а его управленческие функции переданы Министерству науки и высшего образования РФ, которое образовалось в результате реорганизации Министерства образования и науки РФ (с выделением также Министерства просвещения РФ).

Итогом данной реформы стала «министерская чехарда», сопровождающаяся избыточным бюрократизмом в управлении наукой. Как отмечает зам. президента РАН В. Иванов: «За последние восемь лет сменились три курирующих научную сферу вице-премьера. Профильное министерство возглавляет четвертый министр. При этом с приходом нового министра меняется команда. То есть фактически раз в два года происходит управленческий коллапс, теряется преемственность, новая команда не отвечает за деятельность предшественников. В таких условиях трудно выстроить и реализовать сколько-нибудь целостную продуманную политику» [11, с. 3].

Кроме того, с 2014 г. в рамках так называемой реструктуризации идет объединение научных организаций зачастую разного профиля под лозунгом оптимизации ресурсов и управленческих функций. Например, Вологодский научный центр РАН был создан в 2017 г. путем присоединения к Институту социально-экономического развития территорий РАН Северо-Западного НИИ молочного и лугопастбищного хозяйства. Открытым остается вопрос: будет ли это способствовать ускорению социально-экономического развития Вологодской области и укреплению ее продовольственной базы? Такие же процессы оптимизации путем «слияний и поглощений» идут и в сфере высшего образования.

«Обновления» затрагивают и *государственные фонды поддержки науки*. В начале декабря 2020 г. руководителями Российского научного фонда (РНФ) и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) было подписано соглашение об основных принципах объединения фондов, фактически же речь идет о поглощении РФФИ со стороны РНФ. Напомним, что в 2016 г. произошло слияние РФФИ с Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) под эгидой первого. Реализация новой организационной инновации в области грантового финансирования приведет к появлению фонда-монополиста, что соответствует современному тренду по сокращению числа объектов государственного управления.

Одним из ярких примеров организационных инноваций является масштабная оптимизация *институтов развития* (всего их 40), начатая Правительством РФ в конце 2020 г., что для ряда организаций означает поглощение. Восемь институтов развития отходят под управление ВЭБ. РФ, а другие будут объединены с учетом их функционала. Эксперты считают, что благодаря такому реформированию произойдет консолидация денежных, управленческих и технологических ресурсов институтов развития, что должно повысить оперативность решения поставленных перед ними задач: «сокращается цепочка принятия решений, различных согласований. Такая политика в целом позволит правительству принимать оперативные стратегии развития, направлять освобожденные ресурсы на направления, которые в них больше нуждаются в конкретный момент. Это сделает структуру институтов развития более подвижной, менее бюрократизированной, что отвечает задачам текущего времени»⁷.

Вместе с тем возникают сомнения, что получится обеспечить большую открытость и прозрачность деятельности институтов развития (созданных по инициативе государства и получающих бюджетные ресурсы), если головной для ряда из них будет организация, на которую в полной мере не распространяются механизмы государственного контроля. Например, Госкорпорация ВЭБ.РФ не входит в «сферу» контроля со стороны Счетной палаты РФ и сама определяет на конкурсной основе аудиторскую организацию для проверки годовой финансовой отчетности. Ранее деятельность институтов развития, в результате оптимизации попавших «под крыло» ВЭБ.РФ, вызывала много вопросов со стороны Счетной палаты по фактам нецелевого использования выделяемых средств, теперь эти организации будут защищены от излишнего внимания со стороны контролирующих органов.

⁷ Эксперт-онлайн. 23.11.2020. yandex.ru/turbo/expert.ru/h/2020/11/23/chubajs-ne-ushel-pod-shuvalova/?promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.

Следует отметить, что несмотря на уже достаточно долгое функционирование государственных институтов развития в нашей стране, общая законодательная база по ним отсутствует. Более того, нет четкого нормативного определения самого понятия «институт развития». Восполнить данный законодательный пробел предложил глава Торгово-промышленной палаты РФ С. Катырин, подчеркнув, что в законе об институтах развития должно быть установлено, «каким образом они организуются, как они работают, перед кем они отчитываются, как участвует в этом бизнес и так далее»⁸. По мнению авторов, данную инициативу можно только приветствовать.

В российском нормативно-правовом поле, связанном с организационными инновациями в системе государственного правления, складывается определенный парадокс: с одной стороны, работающие более десятка лет, аналогичные по своим целям и задачам структуры, не имеют единого базового закона. С другой стороны, принимаются законодательные акты о новых учреждениях, которые только планируется создавать в перспективе. В качестве примера можно привести *публично-правовые компании*. Данный термин был внесен в Гражданский кодекс РФ Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ, а более чем через два года был принят Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Общей целью создания такого вида некоммерческих организаций объявлено более гибкое и эффективное участие государства в тех сферах экономической деятельности, где использование существующих хозяйственных форм невозможно или является ограниченным. Также при помощи публично-правовых компаний государство планирует ужесточить контроль за целевым использованием государственного имущества⁹. Процесс создания таких компаний идет очень медленно: на конец 2020 г. их было зарегистрировано, по нашим данным, всего четыре.

Таким образом, негативную роль при внедрении организационных инноваций играет медленная разработка соответствующей нормативной базы, несвоевременные корректировки существующих и (или) принятие новых нормативных актов, в том числе определяющих принципиальную возможность использования новых управленческих технологий.

⁸ В России предлагают разработать закон об институтах развития // Парламентская газета. 29.01.2021. www.pnp.ru/economics/v-rossii-predlagayut-razrabotat-zakon-ob-institutakh-razvitiya.html.

⁹ Институциональные аспекты низкой эффективности системы управления государственным имуществом подробно рассмотрены в работах сотрудников Центра исследования проблем государственного управления ИЭ РАН: см. [12; 13].

Возвращаясь к современной тенденции оптимизации государственных учреждений отметим, что нас ждут серьезные перемены на уровне федеральных органов исполнительной власти. В конце 2020 г. было принято решение о реформировании Федерального агентства связи (Россвязь) и Федерального агентства печати (Роспечать) – их функции перейдут Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Список других подлежащих ликвидации агентств пока окончательно не утвержден. Но самым экстраординарным шагом может стать расформирование Министерства экономического развития РФ, которое ведет свою историю с 1991 г. и фактически является правопреемником Госплана СССР. Функции Минэкономразвития планируется передать другим профильным ведомствам – Министерству промышленности и торговли, Министерству сельского хозяйства, Министерству строительства и жилищно-коммунального хозяйства и прочим структурам¹⁰. Насколько оправданной будет эта организационная инновация на таком высоком уровне покажет время.

Заключение

Недостаточно эффективное государственное управление названо Стратегией экономической безопасности РФ на период до 2030 года в числе 25 ключевых вызовов и угроз экономической безопасности страны. Существующие дисфункции в сфере государственного управления выступают в качестве фундаментальных институциональных рисков, имеющих стратегический характер, так как они влияют на механизмы целеполагания, определения задач и базовых принципов государственного управления. Кроме того, сейчас для страны обозначились новые вызовы, связанные с адаптацией к формирующейся в результате пандемии COVID-19 новой социально-экономической реальности. В таких условиях особенно актуальным становится обеспечение оптимального соотношения традиционного государственного управления на макроуровне с антикризисным прямым вмешательством в экономику, прямого администрирования с развитием новых инновационных форм и технологий государственного управления. Достижение этой цели будет серьезно затруднено без внедрения организационных инноваций для повышения эффективности и качества реализации государством управленческих функций. Как справедливо отмечал признанный специалист в области организации управления Б.З. Мильнер, к инновациям следует подходить «как к первостепенной

¹⁰ Путин решает судьбу Минэкономразвития / Octagon Media. 02.02.2021. zen.yandex.ru/media/octagon_media/putin-reshaet-sudbu-minekonomrazvitiia-601951c82d3708189c04549e.

задаче управления, как к новой ценности, воспринимаемой потребителем. Это предполагает хорошо организованный, систематический и постоянный поиск новых возможностей...» [14, с. 15].

Вместе с тем, ускоренное внедрение организационных инноваций в такую сложную сферу, как государственное управление, даже несмотря на наличие политической воли, технологий, финансовых ресурсов, не всегда возможно, так как представляет собой достаточно длительный процесс, характеризующийся соответствующими этапами, целями и предпосылками. Кроме того, эффективность от таких инноваций, как правило, возникает не в условиях, когда их внедрение становится самоцелью (как, на наш взгляд, в случае с тотальной оптимизацией), а когда управленческие решения рассматриваются как средство реализации конкретных социальных, экономических и политических задач, оптимизации возникающих стратегических глобальных рисков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миндели Л.Э., Черных С.И., Иванова Н.И. и др. Инвестиции в инновации: проблемы и тенденции. М.: ИПРАН РАН, 2011.
2. Князев С.Н., Ганчеренок И.И. Управление инновациями и инновации в управлении // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2007. № 4. С. 27–32.
3. Павлова К.О. Инновационное государственное управление и построение вертикали исполнительной власти // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2010. № 2. С. 26–32.
4. Мончиньска Э. Государство в условиях цифровой экономики // Мир перемен. 2018. № 3. С. 10–25.
5. Смотрицкая И.И. Государственное управление в условиях развития цифровой экономики: стратегические вызовы и риски // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 4. С. 60–72.
6. Смотрицкая И.И., Черных С.И. Современные тенденции цифровой трансформации государственного управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 22–36.
7. Институты государственного управления в контексте стратегических вызовов российской экономики: монография / Под ред. И.И. Смотрицкой, С.В. Козловой. СПб.: Алетейя, 2020.
8. Павлутенкова М.Ю. Электронное правительство как вектор инновационных государственных преобразований в России // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2016. № 4. С. 121–128.
9. Цифровое правительство 2020: перспективы для России // The World Bank. 2016. pubdocs.worldbank.org/en/473131460040867925/Digital-Government-Russia-2020-RUS.pdf.
10. Доклад «Исследование ООН: Электронное правительство 2020», Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. Нью-Йорк. 2020. publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20-%20Russian.pdf.

11. Волчкова Н. Шире взгляд. Что не так в отношении власти к науке // Поиск. 2020. № 51.
12. Козлова С.В. Управление государственным и муниципальным имуществом: сможет ли новый закон преодолеть институциональные ловушки? // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 5. С. 24–42.
13. Козлова С.В., Братченко С.А., Звягинцев П.С. Управление государственным имуществом в современной России: эволюция концепций, инструментов, механизмов. Доклад. М.: ИЭ РАН, 2019.
14. Мильнер Б.З. Организационные проблемы создания инноваций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2011. № 4. С. 14–31.

REFERENCES

1. Mindeli L.E., Chernykh S.I., Ivanova N.I. et al. Investment in innovation: problems and trends M., 2011. (In Russ.).
2. Knyazev S. N., Gancherenok I. I. Management of innovations and innovations in management // Vestnik of Moscow University. Series 21, Governance (State and society). 2007. No. 4. P. 27–32. (In Russ.).
3. Pavlova K. O. Innovative state management and building the vertical of executive power // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2010. No. 2. P. 26–32. (In Russ.).
4. Monchinska E. The state in the conditions of the digital economy // A world of change. 2018. No. 3. P. 10–25. (In Russ.).
5. Smotritskaya I.I. Public administration in the conditions of development of the digital economy: strategic challenges and risks // ETAP: economic theory, analysis, practice. 2018. No. 4. P. 60–72. (In Russ.).
6. Smotritskaya I.I., Chernykh S.I. Modern trends of digital transformation of public administration // Vestnik of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 5. P. 22–36. (In Russ.).
7. Public Administration Institutions in the Context of Strategic Challenges of the Russian Economy / Ed. by I.I. Smotritskaya, S.V. Kozlova. SPb, 2020. (In Russ.).
8. Pavlyutenkova M. Yu. E-government as a vector of innovative state transformations in Russia / // Vestnik RUDN, series "Politologiya". 2016. No. 4. P. 121–128. (In Russ.).
9. Digital Government 2020: Prospects for Russia // The World Bank. 2016. (In Russ.) <http://pubdocs.worldbank.org/en/473131460040867925/Digital-Government-Russia-2020-RUS.pdf>.
10. Report "UN Study: E-Government 2020", UN Department of Economic and Social Affairs. New York. 2020. (In Russ.).
11. Volchkova N. Get a wider view. What is wrong with the attitude of power to science // Search. 2020. № 51. (In Russ.).
12. Kozlova S.V. State and municipal property management: will the new law be able to overcome the institutional traps? // Vestnik of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 5. P. 24–42. (In Russ.).
13. Kozlova S.V., Bratchenko S.A., Zvyagintsev P.S. State property management in modern Russia: the evolution of concepts, tools, and mechanisms. Report. M. IE RAS, 2019. (In Russ.).
14. Milner B. Z. Organizational problems of creating innovations // Vestnik of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2011. No. 4. P. 14–31. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHORS

Smotritskaya Irina Ivanovna – Doctor of Economic Sciences, The Main Scientific Associate, Head of the Center for Public Administration Studies of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
irinasmot@yandex.ru

Chernykh Sergey Innokentievich – Doctor of Economic Sciences, Professor, The Main Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
serge-chernn@yandex.ru

ORGANIZATIONAL INNOVATIONS IN THE SPHERE OF PUBLIC ADMINISTRATION

The article examines the actual problems of implantation of organizational innovations in the sphere of public administration. The article considers the institutional aspects of organizational innovations, the basic principles and main types were highlighted. One of the key areas of innovation that enhances the quality of public services, was analyzed, and it also enhances the development of new forms of governance, associated with the process of digitization and e-government activities. It was shown that, despite the achievement of certain successes in digitalization and the creation of prerequisites for the transition to digital government, Russia has weakened its position in the world ranking of e-government development EGDI. Special attention is paid to the evaluation of innovations in the sphere of science management, the organization of the activities of development institutions. The results of the assessment allowed us to identify problems of both strategic and institutional nature, as well as to propose conceptual approaches to justify the introduction of organizational innovations.

Keywords: *innovative development, organizational innovations, public administration, digitalization, e-government, organizational changes.*

JEL: H10, H50, O11, O30.

Ю.В. БЕЛОУСОВ

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
ФГБУ Научно-исследовательский финансовый институт
Министерства финансов Российской Федерации

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ПОНЯТИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается понятие цифровой экономики, а также анализируются тенденции в социально-экономической жизни общества, вызванные развитием цифровой экономики. Цифровая экономика порождена совершенствованием средств производства, которые приобрели новый важнейший элемент – автоматизированный (цифровой) блок управления. Это обусловило значительные изменения в экономической деятельности людей. Средства труда становятся все более сложными, включают в себя множество датчиков и микропроцессоров, а труд с использованием таких средств производства становится все более простым и даже примитивным. В результате происходит изменение направлений развития рабочей силы. С одной стороны, наблюдается рост квалификации работников, занятых проектированием и созданием новых автоматизированных средств труда. С другой стороны, требования к квалификации труда во многих сферах деятельности резко снижаются.

Ключевые слова: *цифровая экономика, средства труда, экономическая деятельность, целенаправленность, квалификация.*

JEL: O33.

DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-26-43.

Введение

В XXI в. цифровая экономика стала ведущим фактором мирового развития. При этом цифровая экономика развивается настолько стремительно, что теория не успевает дать ответы на многие актуальные вопросы, поставленные практикой. Например, как изменится рынок труда под воздействием цифровой экономики? Если ориентироваться на исследование ОЭСР 2016 г. [11], то можно не особенно волноваться по поводу безработицы в будущем. Авторы доклада делают вывод, что автоматизация и роботизация могут вытеснить только 9% рабочих мест в США. Похожее исследование провели специалисты PricewaterhouseCoopers [21]. По их расчетам в зоне риска потери работы в США оказываются 38% работников. То есть прогнозируется катастрофическая ситуация на рынке труда. McKinsey и некоторые

другие экономисты дают усредненную оценку [9; 10]. Всего же диапазон прогнозов ликвидации рабочих мест под воздействием автоматизации и роботизации варьируется от 9 до 47%.

Основные теоретические проблемы цифровой экономики порождены тем, что в понятие цифровая экономика разные специалисты вкладывают различный смысл. Вследствие этого отсутствует общепринятое понимание самого термина «цифровая экономика». В результате появляются принципиально различные оценки роли цифровой экономики в современном мире, уровня и перспектив ее развития, влияния цифровой экономики на социальные и политические процессы.

Автор настоящей статьи (в соавторстве) уж обращался к методологическим вопросам трактовки термина «цифровая экономика» [3]. Ниже будет дано доработанное определение цифровой экономики с акцентом на изменении средств труда под воздействием развития цифровых технологий. Новая трактовка позволяет перейти к исследованию взаимосвязи таких факторов производства, как капитал (средства труда) и рабочая сила. Особое внимание уделяется новым тенденциям развития рабочей силы в результате распространения цифровых технологий и некоторым последствиям развития цифровой экономики для социально-экономических систем.

Понятие цифровой экономики

В экономической литературе можно обнаружить десятки дефиниций цифровой экономики. Вряд ли есть смысл анализировать все эти определения, учитывая, что такой анализ неоднократно осуществлялся [2; 4; 17]. Более интересно рассмотреть изменение в трактовках термина «цифровая экономика» в последние два десятилетия.

Первоначально цифровую экономику рассматривали как деятельность, связанную с информационными технологиями, Интернетом и электронной коммерцией [15; 22]. Такое определение цифровой экономики получило широкое распространение благодаря его использованию рядом международных организаций, таких как Мировой банк, ОСЭР, МВФ. Их интерес к указанной трактовке обусловлен тем, что массово стали проводиться расчеты вклада цифровой экономики в мировое развитие, сравниваться страны по уровню развития цифровой экономики и т.п. Благодаря определению цифровой экономики как набора нескольких отраслей, такие расчеты можно было легко осуществить [26; 34].

Рассмотренный подход справедливо подвергся жесткой критике. Так, Р. Аткинсон и А. МакКай [12] обратили внимание, что в 2006 г. 70% микропроцессоров в мировой экономике использовались в режиме

offline, при этом большая их часть применяется в промышленности и бытовых приборах. Таким образом они не попадают в расчеты, связанные с цифровой экономикой. Не попадают в эти расчеты и промышленные роботы, станки с ЧПУ (числовым программным управлением) и 3-D принтеры. Следует отметить, что сделать реальный расчет вклада цифровой экономики в мировой продукт невероятно сложно. Представим предприятие, на котором используются как промышленные роботы, так и устаревшие металлорежущие станки. Можно ли такое предприятие или выпускаемую им продукцию отнести к цифровой экономике? Вопрос сложный. Значительно проще вычленив несколько отраслей и на основе информации об этих отраслях произвести расчеты. Однако, иногда такие расчеты приводят к абсурдным результатам. Так, например, широкую популярность получило утверждение, что цифровая экономика стоит почти 3 триллиона долларов [20]. Такое впечатление, что цифровая экономика – какая-то вещь, которую хотят продать.

Определение цифровой экономики посредством перечня входящих в нее отраслей возможно. Это, так называемый, экстенсиональный тип дефиниции. Например, бюджетную систему России можно определить как совокупность бюджетов, а именно: федерального, бюджетов государственных внебюджетных фондов, консолидированных бюджетов субъектов федерации и территориальных фондов обязательного медицинского страхования. Из определения следует, что это не сумма, а совокупность бюджетов, с их взаимосвязями в форме межбюджетных трансфертов, и дается исчерпывающий перечень бюджетов. Бюджеты государственных корпораций, например, не входят в бюджетную систему. Для такого типа определений важно выделить критерии, по которым одни элементы попадают в определение, а другие – нет.

В случае с определением цифровой экономики через перечень отраслей, критериев для отбора конкретных отраслей нет. Поэтому такие определения перестали встречаться в научной литературе, однако продолжают широко использоваться в различных расчетах и исследованиях. Иногда это приводит к определенной путанице. Так, в докладе Мирового банка «Digital dividends» [34] отмечается, что отдача от цифровой экономики оказалась ниже ожидаемой. Но цифровая экономика в данном докладе сведена к интернету. Исходя из содержания доклада было бы логичным сделать вывод о том, что отдача от интернета оказалась ниже ожидаемой.

С течением времени популярность приобрело определение цифровой экономики как экономики, основанной на цифровых технологиях [13; 31]. Такое определение лишено недостатков первого, но никак не объясняет отличие цифровой экономики от нецифровой. Его вообще

трудно назвать определением. Кроме экстенсионального типа определений, есть еще интенциональный тип. Дефиниции интенционального типа строятся следующим образом: определяется родовое понятие, которое дополняется видовыми признаками объекта или явления.

Принципиально важным для определений подобного типа является обоснование критериев для выделения видовых признаков. Исходя из этого, требуется четко определить критерий, по которому цифровые технологии следует отличать от нецифровых. Однако в научной литературе сторонники определения цифровой экономики как экономики, основанной на цифровых технологиях, таких критериев не называют. Поэтому возникает много вопросов. Например, основан ли бухгалтерский учет на цифровых технологиях? Если да, ведь в бухучете нет ничего, кроме цифр, то родоначальником цифровой экономики можно считать Луку Пачоли, разработавшего основные принципы бухучета в XV в.

Следующим шагом в уточнении понятия «цифровая экономика» стало усложнение определения данного термина. В качестве примера приведем трактовку, предложенную авторитетными специалистами в сфере цифровой экономики Р. Бухтом и Р. Хиксом [17]. В основе их позиции лежит исследование С. Бренена и Д. Крейса [14], которые предложили разделить понятия «цифровизация» и «оцифровка». Используя данное положение, Р. Бухт и Р. Хикс разработали трехуровневое определение цифровой экономики:

- первый уровень – это цифровой сектор экономики, который включает в себя телекоммуникации, программное обеспечение, ИТ-консалтинг и производство вычислительной техники;
- второй уровень – это цифровая экономика, которая включает в себя цифровой сектор, а также платформенные решения и цифровые услуги;
- третий уровень – это цифровизированная экономика, которая включает в себя цифровую экономику, а также сетевой бизнес и электронную торговлю.

В целом авторы определяют цифровую экономику как часть общего объема производства, которая целиком или в основном произведена на базе цифровых технологий фирмами, бизнес-модель которых основывается на цифровых продуктах или услугах. Авторы признают расплывчатость данного определения. Причина этой расплывчатости, по мнению Р. Бухта и Р. Хикса, обусловлена тем, что цифровые (информационные) технологии все больше проникают в различные отрасли экономики и цифровая экономика все больше становится просто экономикой. Точка зрения, что цифровая экономика все больше переплетается с традиционной экономикой, стала довольно распространенной, начиная примерно с 2015 г. [32; 33]. Это можно считать третьим этапом в развитии трактовки цифровой экономики.

В настоящее время мы наблюдаем четвертый этап в разработке дефиниции «цифровая экономика». Столкнувшись с отсутствием общепринятого понимания цифровой экономики, многие ученые и аналитики отказались от этого термина вообще¹. Они стали использовать термин «цифровая трансформация», который позволяет исследовать отдельные процессы и явления, связанные с цифровыми технологиями, не углубляясь в существо проблемы. Такие исследования безусловно нужны. Однако без содержательного анализа сущности цифровой экономики, вряд ли можно понять тенденции ее развития.

Экономика цифровая и нецифровая

Для определения цифровой экономики ключевым является нахождение критериев, по которым цифровую экономику можно отделить от другой, нецифровой экономики. Слово экономика является родовым в термине «цифровая экономика», цифровая – видовым признаком. Методологической ошибкой некоторых авторов определений цифровой экономики является то, что акцент в исследовании был сделан на анализе видового признака. Если выделять цифровую экономику, то причины ее обособления от нецифровой экономики следует искать в родовом признаке, в самой экономике.

Экономику мы рассматриваем как деятельность людей по производству, распределению и потреблению материальных и нематериальных благ. Следовательно, нужно обнаружить, какие изменения произошли в деятельности людей под воздействием цифровых технологий. Требуется в самой экономике найти параметры, которые появились именно под воздействием цифровых технологий. Эти параметры могут быть критериями для вычленения цифровой экономики из родового понятия «экономика».

Отличий в экономической деятельности, обусловленных цифровыми технологиями, можно обнаружить, как минимум, два. Одно отличие касается такого фактора производства, как капитал, второе – рабочей силы.

В экономической деятельности человека принимают участие сам человек как субъект деятельности, а также предметы и средства труда. На начальном этапе развития человечества люди либо непо-

¹ Любопытно сравнить два содержательных доклада OECD: «Digital Economy Outlook» 2017 г. и «Measuring the Digital Transformation: A Roadmap for the Future» 2019 г. [27; 28]. В первом докладе широко используется термин «цифровая экономика». Авторы второго доклада старательно этого термина избегают и используют вместо него понятие «цифровая трансформация».

средственно воздействовали на предмет труда, либо использовали простейшие средства труда. В человеке, как работнике, в это время наибольшую ценность имела физическая сила. Такую деятельность лишь условно можно назвать экономикой, так как реальная экономическая деятельность возникает по мере развития разделения труда.

Со временем появляются более сложные средства труда. Например, ремесленник-гончар использует для производства кувшинов гончарный круг. Физическая сила, при этом, отходит на второй план, а важнейшее значение приобретает опыт. Опыт нарабатывается постепенно и передается из поколения в поколение. Ремесленник-гончар ничего не знает о химических и физических процессах, но благодаря опыту он использует только определенные виды глины, делает обжиг при определенной температуре и так далее.

На следующем этапе развития экономической деятельности появляются средства труда, использующие не физическую силу человека, а паровую или электрическую энергию. Работник изготавливает те же кувшины при помощи механических станков. Человек не просто использует механические средства труда, он ими управляет. Физическая сила становится третьестепенным качеством, опыт отходит на второй план, а на первый план выходят знания. Массовое использование паровых машин, начавшееся с промышленной революции в Англии, потребовало резко повысить уровень образования населения [1].

Следующий важный этап развития средств труда начался в конце XX в. Электрические средства труда стали оснащаться датчиками, процессорами и другими приборами, которые могут заменить человека в процессе производства. Для изготовления кувшинов не нужен гончар, нужен просто автоматизированный станок, на котором требуется установить специальную программу. Для работы на таком станке не требуется ни физическая сила, ни опыт, ни знания. Физическая сила зашита в тело станка, а опыт и знания запрограммированы в специальном блоке управления. Именно наличие автоматизированного блока управления является принципиальной особенностью современных средств труда. Человек перестает непосредственно воздействовать на средства труда, он использует только автоматизированный блок управления. Естественно, что все эти автоматизированные блоки состоят из множества датчиков и микропроцессоров, то есть являются продуктом цифровых технологий.

Таким образом можно выделить критерий, по которому цифровую экономику возможно отделить от нецифровой: это наличие автоматизированных блоков управления в средствах труда.

Изменения в средствах труда обусловили и второе важное отличие цифровой экономики от нецифровой. Под воздействием этих изме-

нение иной стала и сама экономическая деятельность людей. Человеческая деятельность всегда является целенаправленной. В экономике человек, начиная трудовой процесс, обязательно представляет результат своего труда, то есть цель, которую он планирует достичь. Цель – это идеальный образ конечного результата деятельности. Конечный результат конкретен, а его идеальный образ абстрактен. Иными словами, цель – это модель конечного результата.

Вернемся к деятельности гончара-ремесленника. В процессе труда он стремится реализовать цель своей деятельности, изготовить кувшин. Образ этого кувшина, который делает ремесленник, есть в его голове. То есть он создает мыслимую модель конечного результата, например кувшин, который он раньше делал или где-то видел. Такая модель является эмпирической (воображаемой, умозрительной, иконической).

На следующем этапе развития средств труда, при использовании механических и электрических машин, эмпирическая модель конечного результата становится невозможной. Требуется более четко сформировать цель конечного результата, чтобы под эту модель настроить оборудование. Соответственно меняется форма целеполагающей деятельности людей. Работник начинает использовать не эмпирические модели, а аналоговые (натурные, физические, материальные). Это может быть образец готового изделия или его чертеж. Такое требование является обязательным для массового производства.

Дальнейший этап развития средств труда требует преобразование модели в цифровой вид. Так, в 3D-принтере или станке с ЧПУ, натурная модель преобразуется в цифровой формат, после чего начинается само производство. На данном этапе цель задается в форме цифровой (математической) модели. При этом модель задается не самим работником, а некоторым внешним субъектом экономической деятельности. Сам работник, обслуживающий станок с числовым программным управлением, может даже не знать, какую деталь изготовит станок. Еще раз можно отметить, что для этого не требуется ни физическая сила, ни опыт, ни знания. Задача работника состоит в установке заготовки на станке и выборе необходимой программы обработки. Деятельность человека в данном случае лишается своей важнейшей сущностной характеристики – целеполагания.

В целом цифровая экономика – это деятельность людей по производству, распределению и потреблению материальных и нематериальных благ, при которой человек воздействует на автоматизированный блок управления средствами труда.

Цифровая экономика и некоторые тенденции развития факторов производства

Цифровая экономика существенно изменила некоторые тенденции, которые определяли экономическое развитие в течение длительного времени. Если рассматривать такой фактор производства, как капитал, то можно отметить значительные изменения в средствах труда. Они стали оснащаться автоматизированными блоками управления, основанными на цифровых технологиях. Это означает некоторое изменение тенденции. С течением времени средства труда постоянно совершенствовались и становились все сложнее. Соответственно, все сложнее было управлять средствами труда. Современные средства труда, основанные на цифровых технологиях, стали еще более сложными, но при этом управление ими упростилось, причем существенно.

Однако более значительное изменение тенденции развития коснулось такого фактора производства, как рабочая сила. До настоящего времени требования к квалификации рабочей силы постоянно повышались. Сначала квалификация росла за счет накопления опыта, в дальнейшем – за счет образования и знаний. Данная тенденция была господствующей до конца XX в. Однако цифровые технологии в значительной степени развернули направление данной тенденции в противоположную сторону.

Можно рассмотреть любую отрасль, которая основана на цифровых технологиях. Для простоты рассмотрим довольно простые виды человеческой деятельности. Начнем с такой деятельности как фотографирование². Пока люди пользовались фотоаппаратами, основанными на аналоговых технологиях, изготовлением фотографий занималось не так уж много людей. И дело даже не в дороговизне занятия фотографией. Процесс фотографирования и изготовления фотографий требовал значительных знаний и практического опыта. Необходимо было установить на фотоаппарате экспозицию, навести на резкость, проявить фотопленку, напечатать фотографии с использованием фотоувеличителя и так далее. Когда появились цифровые фотоаппараты, требования к квалификации фотографа максимально снизились. На фотоаппаратах-мыльницах была вообще только одна кнопка. Но это не мешало делать фотографии приемлемого качества. Затем стали исчезать и сами фотоаппараты, их заменили смартфоны. Требования к квалификации фотографа снизились практически до нуля и фотографированием сейчас занимаются миллиарды людей.

² В данном случае речь не идет о профессиональной художественной или рекламной фотографии.

Рассмотрим другой вид деятельности, труд водителя автомобиля. Еще в конце XX в. водитель должен был многое знать и уметь. Но постепенно в автомобиле стали появляться цифровые устройства: системы курсовой устойчивости и парктроники, датчики света и навигаторы, и так далее. Соответственно, требования к квалификации водителя стали снижаться пока не исчезли совсем при использовании автомобиля без водителя.

Можно привести множество других примеров. Но в любом случае мы можем наблюдать одну и ту же картину. Средства труда стали оснащаться автоматизированными блоками управления, включающими с себя множество датчиков и процессоров, объединенных программным обеспечением. Сами технические устройства стали значительно более сложными, но управлять ими намного проще. В результате, вместо роста квалификации мы имеем тенденции к примитивизации трудовой деятельности человека. Простой вопрос: нужно ли кассиру супермаркета знать таблицу умножения? Ответ на него вызывает тревогу и озабоченность. Если согласиться с Ф. Энгельсом, что труд сделал из обезьяны человека, то не находимся ли мы в начале обратного пути?

Однако в цифровой экономике не все так просто. Квалификация для получения качественных фотографий, конечно, нужна. И знания нужны, и опыт. Но это квалификация, опыт и знания не самого фотографа, а тех, кто проектирует цифровое устройство для фотографии. Причем требования к квалификации и знаниям разработчиков цифровых устройств значительно выросли.

Таким образом, если в доцифровую эпоху был один вектор развития рабочей силы, то сегодня мы наблюдаем два противоположно направленных вектора. Часть работников приобретает все более высокую квалификацию и обеспечивает разработку новых цифровых устройств. Другая часть работников использует эти цифровые устройства в быту или на производстве, и для этого не требуются ни квалификация, ни знания.

Некоторые последствия развития цифровой экономики

Самые непредсказуемые последствия может иметь обусловленная автоматизацией тенденция к примитивизации труда, которая в настоящее время набирает силу. Высказанные ниже гипотезы являются спорными и далеко не все с ними согласятся, но игнорировать потенциально возможные негативные последствия вряд ли целесообразно.

Первое, на что следует обратить внимание, это воздействие цифровой экономики на занятость. Некоторые специалисты предсказывают увеличение безработицы с развитием цифровой экономики. По их мнению, роботы будут вытеснять людей из многих видов экономической

деятельности. Другие специалисты отрицают такую проблему. По их мнению, возникнут новые виды деятельности, которые привлекут рабочую силу, вытесненную из традиционных отраслей экономики. Разное видение существует и по поводу возможностей автоматизации рабочих мест. Так Л. Неделькоска и Г. Квинтини [25] считают, что автоматизация в принципе может охватить не более 14% рабочих мест. С. Фрей и М. Осборн [19] называют значительно большую цифру – 50%.

Данная проблема имеет для экономической науки первостепенное значение, однако в целях настоящей статьи акцентируем внимание на несколько ином ее аспекте. А именно, как цифровая экономика влияет на структуру занятости с точки зрения уровня квалификации труда. Условно выделим три группы работников: с высокой, средней и низкой квалификацией. Рассмотрим, какие изменения происходят в структуре занятости под воздействием цифровой экономики.

Согласно исследованиям ОЭСР 2019-2020 гг. по проблемам перспектив занятости за период с 1995 г. по 2018 г. доля работников высокой квалификации в странах ОЭСР выросла примерно на 9%. Несколько неожиданно выросла на 3% и доля работников, занятых низкоквалифицированным трудом. При этом доля среднеквалифицированного труда сократилась на 11% [29]. Таким образом происходит поляризация труда в условиях развития цифровой экономики.

Подобные выводы содержатся и в исследовании компании McKinsey [16]. По мнению специалистов этой компании, несмотря на некоторое снижение спроса на низкоквалифицированный труд, он является стабильно востребованным³. Более того, на период по крайней мере до 2030 г., доля низкоквалифицированного труда будет превышать долю труда квалифицированного. Одновременно, наблюдается тенденция к повышению спроса на квалифицированный труд, особенно на специалистов с высокими когнитивными (креативность), социальными и эмоциональными навыками. Это сопровождается увеличением разрыва между квалифицированным и неквалифицированным трудом.

В перспективе, с развитием цифровой экономики, разрыв может приобрести еще большие масштабы. Это обусловлено тем, что высококвалифицированный труд может не опасаться конкуренции со стороны роботов. Низкоквалифицированный труд может быть автоматизирован уже сегодня⁴. Здесь на первый план выходят экономи-

³ Отметим, что не все ученые разделяют позицию McKinsey о снижении спроса на неквалифицированную рабочую силу при развитии автоматизации и роботизации [18].

⁴ Далеко не все виды трудовой деятельности невысокой квалификации могут быть автоматизированы. Вряд ли в ближайшие десятилетия появятся, например, робот-парикмахер.

ческие факторы. В настоящее время роботы обходятся дороже, чем работники низкой квалификации. Но стоимость роботов постоянно снижается, поэтому неквалифицированным работникам предстоит жесткая конкуренция с цифровыми автоматизированными машинами. По всей вероятности, низкоквалифицированные работники вынуждены будут соглашаться на пониженную оплату, чтобы не потерять работу вообще.

В подтверждении данной тенденции можно привести некоторые данные по стране, которая является лидером цифрового развития, – США. В последние десятилетия наблюдается значительный рост доходов наиболее обеспеченной группы населения США. Например, доля в национальном доходе 1% наиболее обеспеченных американцев выросла с 1980 г. по 2016 г. в два раза [30]. Одновременно, средняя реальная заработная плата в стране за последние 30 лет не увеличилась, а у наименее обеспеченных – даже уменьшилась [24]. Это при том, что производительность труда за это время существенно выросла.

В настоящее время автоматизация ударила не по низкооплачиваемым работникам, а по специалистам со средней квалификацией. Они имеют достаточно высокую оплату, поэтому их выгодно заменить роботами. Приведенные выше данные показывают, что такой процесс уже начался. Однако следует обратить внимание на то, что данные приведены по экономически развитым странам, которые являются членами ОЭСР. В этих странах довольно высокий уровень заработных плат. В менее развитых странах с низким уровнем оплаты труда роботизация и автоматизация труда экономически невыгодны. Поэтому можно наблюдать большие различия в темпах проникновения цифровой экономики в хозяйственную жизнь различных стран.

Уровень оплаты труда является важнейшим, но не единственным фактором, влияющим на темпы роста цифровой экономики в разных странах. Отдельные государства выбрали цифровую экономику в качестве главного приоритета в экономической политике. В первую очередь это относится к Китаю. Несмотря на низкую среднюю заработную плату, в Китае несколько десятилетий назад был взят курс именно на цифровую экономику. Это во многом обусловлено низким уровнем образования и квалификации, характерным для Китая в конце XX в. Китай сам не производил цифровое оборудование, но активно содействовал его покупке и распространению в экономике. Как отмечалось выше, работа на автоматизированном оборудовании не требует высокой квалификации. Не удивительно, что вчерашние сельские жители с невысоким образованием стали производить компьютеры Apple и другие современные изделия. Именно цифровая экономика лежит в основе высоких темпов развития Китая. Но руководство страны на этом не успокоилось. Стала проводиться политика не

только использования цифровых устройств в экономике, но и их проектирования и производства⁵. В настоящее время Китай стал одним из лидеров по уровню развития цифровой экономики, и это несмотря на невысокий по меркам развитых стран уровень оплаты труда⁶.

Цифровая экономика дала шанс развивающимся странам, а не только Китаю, значительно ускорить свое социально-экономическое развитие⁷. Во многих из этих стран преобладает именно низкоквалифицированная рабочая сила, которая массово может быть задействована для работы на станках с ЧПУ и подобном оборудовании. Однако далеко не все этим шансом воспользовались. Основной проблемой стала нехватка финансовых средств на приобретение современного цифрового оборудования. Китай так же первоначально испытывал дефицит финансовых средств, но он создал условия для массового привлечения иностранного капитала. Некоторые страны смогли заинтересовать иностранных инвесторов, другим это не удалось. В результате можно наблюдать усиление неравенства между странами под влиянием цифровой экономики⁸.

Следует отметить, что процесс примитивизации труда оказывает влияние и на традиционную политику. Чем ниже квалификация труда, тем больше шансов прихода к власти популистских политиков и партий. При этом государственное управление становится все более сложным. В результате сегодня можно наблюдать некоторые тенденции, которые могут крайне негативно повлиять на мировое экономическое развитие. Например, проблема государственных долгов, которые в ряде стран достигли огромных величин и продолжают расти.

⁵ Следует обратить внимание на рост качества высшего образования в Китае. В последнем рейтинге лучших университетов мира THE World University Rankings-2020 6 китайских университетов попали в первую сотню (лучший из российских университетов, МГУ, на 189 месте).

⁶ Опыт Китая ставит под сомнение широко распространенное мнение, что успех в современной экономике приходит к тем странам, которые активно инвестируют средства в человеческий капитал. Данная позиция, например, изложена в Докладе о мировом развитии 2019 г. «Изменение характера труда» Всемирного банка (doi:10.1596/978-1-4648-1328-3). Однако Китай добился поразительных успехов при крайне низких инвестициях в человеческий капитал. Это сегодня Китай активно развивает образование и здравоохранение, так как стремится быть не только успешным, но стать лидером мирового экономического развития. Трактовка Мирового банка была актуальной для XX века. В XXI веке она не подтверждается данными.

⁷ Некоторые исследователи отмечают, что благодаря цифровым технологиям некоторые страны могут перепрыгнуть через несколько ступенек в своем развитии. Так, отдельные африканские страны перешли к мобильной телефонной связи минуя стадию проводной [7].

⁸ То, что цифровая экономика усиливает и без того значительное неравенство между странами, отмечают многие исследователи [5; 6; 8].

Вполне возможно, что в дальнейшем потребуются корректировка политических систем в странах с высокой долей низкоквалифицированного труда. Речь идет не только о развивающихся странах, но и о тех, где в структуре экономики высокая доля цифровых средств труда. Граждане непосредственно влияют на государственную политику через механизмы выборов и референдумов. При этом значительная часть электората плохо представляет себе сущность государственного управления. С ростом примитивизации труда эта проблема будет только усугубляться.

В XXI в. произошло существенное усиление популизма в политике. Согласно исследованию, проведенному в 2018 г. английской газетой «Guardian» [23] в 31 европейской стране, голосование за политиков, придерживающихся популистской риторики, выросло с 7% в 1998 г. до более чем 25% в 2018 г. Конечно, на это повлияли многие факторы, такие, как, например, проблемы миграции, но изменения в характере труда могли также сказаться. Возможным выходом из данной ситуации могут быть определенные ограничения в праве на голосование. Например, возможен допуск к избирательным урнам только тех граждан, которые прослушали определенный курс о государственном управлении. Не должно быть никаких ограничений для участия в таких курсах, но если человек не разбирается в политической и экономической ситуации в стране и не желает посещать курс по государственному управлению, его голос на выборах или при проведении референдума вряд ли принесет пользу обществу. Но это сложный вопрос и касается достаточно отдаленной перспективы.

Заключение

Цифровая экономика находится только на начальном этапе своего развития. Однако уже сегодня страны с высоким уровнем проникновения цифровой экономики начинают задумываться о потенциально негативных экономических и социальных последствиях. Так, для нивелирования высокого уровня безработицы предлагаются такие механизмы, как безусловный базовый доход, гарантированный минимальный доход или сокращение продолжительности рабочего времени. В некоторых странах даже проводятся эксперименты по созданию подобных механизмов, в том числе и в Российской Федерации.

Хотя Россию сегодня нельзя назвать страной с развитой цифровой экономикой. Показательна ситуация, складывающаяся в машиностроительных отраслях, выпускающих оборудование для цифровой экономики. Если в СССР в 1990 г. было произведено 16 700 металлоре-

жущих станков с числовым программным управлением⁹, то в России в 2018 г. – 497 штук¹⁰. Значительно отстает Россия от развитых стран и по использованию промышленных роботов. В 2018 г. в Сингапуре на 10 тысяч работников приходилось 830 промышленных роботов, Республике Корея – 774, в Германии – 338, в США – 217, в Китае – 140, а в Российской Федерации только 5¹¹. Все это свидетельствует об отставании России в сфере цифровых технологий.

Причин сложившейся ситуации много. Главной является низкий уровень заработной платы в стране. Импортные роботы, а своих в России практически не производят, стоят дорого. Поэтому замена низкооплачиваемых рабочих на роботов приносит убытки. Среди других причин выделим довольно парадоксальную. Для оборудования, основанного на современных цифровых технологиях, в России слишком образованная рабочая сила. Квалифицированный работник не соглашается на примитивный труд, который требуется для цифрового оборудования. В то же время, в Российской Федерации недостаточно высококвалифицированных специалистов, необходимых для разработки и проектирования новых цифровых устройств. Можно сказать, что средний уровень квалификации российских работников соответствует средствам труда доцифрового периода развития экономики.

Будем надеяться, что большое внимание, которое уделяется на правительственном уровне развитию цифровых технологий, сможет изменить ситуацию к лучшему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллен Р. Глобальная экономическая история: Краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
2. Басаев З.В. Цифровизация экономики: Россия в контексте глобальной трансформации // Мир новой экономики. 2018. № 12-4. С. 32–38.
3. Белоусов Ю.В., Тимофеева О.И. Методология определения цифровой экономики // Мир новой экономики. 2019. Т. 13. № 4. С. 79–89.
4. Головенчик Г.Г. Цифровизация белорусской экономики в современных условиях глобализации. Минск: Издательский центр БГУ, 2019.
5. Гринспен А. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. Moscow: Альпина Паблишер, 2017.

⁹ Российский статистический ежегодник, 2003. www.gks.ru/bgd/regl/b03_13/IssWWW.exe/Stg/d030/i030420r.htm.

¹⁰ Российский статистический ежегодник, 2019. rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_13/Main.htm.

¹¹ International Federation of Robotics. World Robotics 2019. Industrial Robots. ifr.org/downloads/press2018/IFR%20World%20Robotics%20Presentation%20-%202018%20Sept%202019.pdf

6. Ли, К.-Ф. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2019.
7. Росс А. Индустрии будущего. М.: Издательство АСТ, 2017.
8. Стиглиц Дж. Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М.: Альпина Паблишер, 2020.
9. Фрэнк М., Периг П., Принг Б. Что делать, когда машины научатся делать все: Как роботы и искусственный интеллект изменят жизнь и работу. М.: Эксмо, 2019.
10. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017.
11. Arntzi M., Gregoryi T., Zierahn U. The risk of automation for jobs in OECD countries. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. No. 189. OECD Publishing, Paris. 14 May 2016. doi.org/10.1787/5jlz9h56dvq7-en.
12. Atkinson R., McKay A. What is the digital economy? Government Technology. 2007. April. <https://www.govtech.com/dc/articles/What-Is-the-Digital-Economy.html>.
13. BCS. The digital economy. London: British Computer Society. 2014. www.bcs.org/policy-and-influence.
14. Brennen S., Kreiss D. Digitalization and Digitization. Culture Digitally. 8 September, 2014. culturedigitally.org/2014/09/digitalization-and-digitization.
15. Brynjolfsson E., Kahin B. Understanding the digital economy: Data, tools, and research. Massachusetts, and London, England: The MIT Press, 2000.
16. Bughin J., Hazan E., Lund S., Dahlstrom P., Wiesinger A., Subramaniam A. Skill shift automation and the future of the workforce. McKinsey Global Institute (MGI) Discussion Paper, May, 2018. www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/skill-shift-automation-and-the-future-of-the-workforce.
17. Bukht R., Heeks R. Defining, conceptualising and measuring the digital economy. The University of Manchester. Global Development Institute. Working Paper Series, Paper No. 68. 2017. hummedia.manchester.ac.uk/institutes/gdi/publications/workingpapers/di/di_wp68.pdf.
18. Fleming P. Robots and organization studies: Why robots might not want to steal your job // Organization Studies. 2019. Vol. 40. Iss. 1, 1 January. P. 23–38.
19. Frey C., Osborne M. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 114. Iss. P. 254–280.
20. Gada K. The digital economy in 5 minutes // Forbes. 2016. Jun 16.
21. Hawksworth J., Berriman R., Cameron E. Will robots really steal our jobs? An international analysis of the potential long term impact of automation. PricewaterhouseCoopers. 2018. www.pwc.co.uk/economic-services/assets/international-impact-of-automation-feb-2018.pdf.
22. Khan F. Information society in global age. New Delhi: APH Publishing, 2002.
23. Lewis P., Clarke S., Barr C., Holder J., Kommenda N. Revealed: one in four Europeans vote populist // Guardian. 2018. 20 Nov.
24. Mishel L., Gould T., Bivens J. Wage Stagnation in Nine Charts. Economic Policy Institute. 2015. January 6. www.epi.org/publication/charting-wage-stagnation.
25. Nedelkoska L., Quintini G. Automation, skills use and training. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. 2018. № 202. doi.org/10.1787/2e2f4eea-en.
26. OECD. The digital economy. 2012. www.oecd.org/daf/competition/The-Digital-Economy-2012.pdf.

27. OECD Digital Economy Outlook 2017. OECD Publishing, Paris, 2017. doi.org/10.1787/9789264276284-en.
28. OECD. "A measurement roadmap for the future", in measuring the digital transformation: A roadmap for the future. OECD Publishing, Paris, 2019. dx.doi.org/10.1787/9789264311992-en.
29. OECD Employment Outlook 2020: Worker Security and the COVID-19 Crisis, OECD Publishing, Paris, 2020. doi.org/10.1787/1686c758-en.
30. Porter E., Russell K. It's an unequal world. It Doesn't have to be // The New York Times. 14.12.2017.
31. UNCTAD. The world investment report 2017: Investment and the digital economy. Geneva: United Nations, 2017.
32. UNCTAD. Digital economy report 2019. Value creation and capture: Implications for developing countries. Geneva: United Nations, 2019.
33. Van Gorp N., Batura O. Challenges for competition policy in a digitalised economy. European Parliament, 2015. www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/542235/IPOL_STU(2015)542235_EN.pdf.
34. World Bank. World development report 2016: Digital dividends. International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank, 2016.

REFERENCES

1. Allen R. Global Economic History: A Very Short Introduction. M.: Gaidar Institute Publishing, 2017. (In Russ.).
2. Basaev Z.V. Digitalization of the Economy: Russia in the Context of Global Transformation // World of New Economy. 2018. No. 12-4. P. 32–38. (In Russ.).
3. Belousov Yu.V., Timofeeva O.I. Methodology for determining the digital economy // World of a new economy. 2019. Vol. 13. No. 4. P. 79–89. (In Russ.).
4. Golovenchik G. G. Digitalization of the Belarusian economy in modern conditions of globalization. Minsk: BSU Publishing Center, 2019. (In Russ.).
5. Greenspan A. The Age of Turbulence: Adventures in a New World. Moscow: Alpina Publisher, 2017. (In Russ.).
6. Lee K.-F. AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order. M.: Mann, Ivanov, Ferber, 2019. (In Russ.).
7. Ross A. Industries of the future. M.: AST Publishing House, 2017. (In Russ.).
8. Stiglitz J. People, Power and Profit: Progressive Capitalism in an Age of Mass Discontent. M.: Alpina Publisher, 2020. (In Russ.).
9. Frank M., Rochrig P., Prong B. What to do when machines learn to do everything: How robots and artificial intelligence will change life and work. M.: Eksmo, 2019. (In Russ.).
10. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. M.: Publishing house "E", 2017. (In Russ.).
11. Arntzi M., Gregoryi T., Zierahni U. The risk of automation for jobs in OECD countries. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. No. 189. OECD Publishing, Paris. 14 May 2016. doi.org/10.1787/5jlz9h56dvq7-en.
12. Atkinson R., McKay A. What is the digital economy? Government Technology. 2007. April. www.govtech.com/dc/articles/What-Is-the-Digital-Economy.html.
13. BCS. The digital economy. London: British Computer Society. 2014. www.bcs.org/policy-and-influence.
14. Brennen S., Kreiss D. Digitalization and Digitization. Culture Digitally. 8 September, 2014. http://culturedigitally.org/2014/09/digitalization-and-digitization.

15. Brynjolfsson E., Kahin B. Understanding the digital economy: Data, tools, and research. Massachusetts, and London, England: The MIT Press, 2000.
16. Bughin J., Hazan E., Lund S., Dahlstrom P., Wiesinger A., Subramaniam A. Skill shift automation and the future of the workforce. McKinsey Global Institute (MGI) Discussion Paper, May, 2018. www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/skill-shift-automation-and-the-future-of-the-workforce.
17. Bukht R., Heeks R. Defining, conceptualising and measuring the digital economy. The University of Manchester. Global Development Institute. Working Paper Series, Paper No. 68. 2017. hummedia.manchester.ac.uk/institutes/gdi/publications/workingpapers/di/di_wp68.pdf.
18. Fleming P. Robots and organization studies: Why robots might not want to steal your job // Organization Studies. 2019. Vol. 40. Iss. 1. 1 January. P. 23–38.
19. Frey C., Osborne M. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 114. Iss. P. 254–280.
20. Gada K. The digital economy in 5 minutes // Forbes. 2016. Jun 16.
21. Hawksworth J., Berriman R., Cameron E. Will robots really steal our jobs? An international analysis of the potential long term impact of automation. PricewaterhouseCoopers. 2018. www.pwc.co.uk/economic-services/assets/international-impact-of-automation-feb-2018.pdf.
22. Khan F. Information society in global age. New Delhi: APH Publishing, 2002.
23. Lewis P., Clarke S., Barr C., Holder J., Kommenda N. Revealed: one in four Europeans vote populist // Guardian. 2018. 20 Nov.
24. Mishel L., Gould T., Bivens J. Wage Stagnation in Nine Charts. Economic Policy Institute. 2015. January 6. www.epi.org/publication/charting-wage-stagnation.
25. Nedelkoska L., Quintini G. Automation, skills use and training. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. 2018. № 202. doi.org/10.1787/2e2f4eea-en.
26. OECD. The digital economy. 2012. <http://www.oecd.org/daf/competition/The-Digital-Economy-2012.pdf>
27. OECD Digital Economy Outlook 2017. OECD Publishing, Paris, 2017. doi.org/10.1787/9789264276284-en.
28. OECD. “A measurement roadmap for the future”, in measuring the digital transformation: A roadmap for the future. OECD Publishing, Paris, 2019. dx.doi.org/10.1787/9789264311992-en.
29. OECD Employment Outlook 2020: Worker Security and the COVID-19 Crisis, OECD Publishing, Paris, 2020. doi.org/10.1787/1686c758-en
30. Porter E., Russell K. It’s an unequal world. It Doesn’t have to be // The New York Times. 14.12.2017.
31. UNCTAD. The world investment report 2017: Investment and the digital economy. Geneva: United Nations, 2017.
32. UNCTAD. Digital economy report 2019. Value creation and capture: Implications for developing countries. Geneva: United Nations, 2019.
33. Van Gorp N., Batura O. Challenges for competition policy in a digitalised economy. European Parliament, 2015. [www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/542235/IPOL_STU\(2015\)542235_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/542235/IPOL_STU(2015)542235_EN.pdf).
34. World Bank. World development report 2016: Digital dividends. International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank, 2016.

ABOUT THE AUTHOR

Belousov Yuriy Viktorovich – Candidate of Economic Sciences, Senior Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Scientific and Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia
belousov@nifi.ru

DIGITAL ECONOMY: CONCEPT AND TRENDS OF DEVELOPMENT

This article considers the concept of digital economy and also analyzes some trends in the socio-economic life of society, caused by the development of the digital economy over recent decades. The digital economy, as such, is triggered by the evolving means of production, which have acquired a new essential element – an automated (digital) control unit. This evolution led to significant changes in the economic activities of people. The instruments of labor become more and more complex with many sensors and microprocessors, while the labor, using such means of production, becomes simpler, not to say primitive. As a result, the vector of labor force development changes. On the one hand, during the past decades, the proficiency level of workers, involved in design and development of new automated instruments of labor, improves. On the other hand, the requirements to the proficiency level of labor are dumbed down, in many spheres of activity.

Such trends lead to increasing inequality. The inequality is evolving not only among workers, but also between countries.

Keywords: *digital economy, instruments of labor, economic activities, goal-setting, qualifications.*

JEL: O33.

С.В. КОЗЛОВА

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

О.М. ГРИБАНОВА

научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ В РОССИИ

В статье анализируются актуальные проблемы совершенствования подходов к управлению государственным имуществом в контексте повышения эффективности государственного управления в современных российских реалиях. Отмечается необходимость поиска критериев, количественных и качественных показателей и индикаторов эффективности и качества государственного управления, адекватных сложности объекта управления и современным вызовам. Отмечен ряд важных аспектов взаимосвязи федерального и регионального уровней государственного управления, проанализированы современные официальные подходы к оценке эффективности управления государственным имуществом. Предложены направления повышения эффективности госуправления.

Ключевые слова: *эффективность государственного управления, управление государственным и муниципальным имуществом, критерии эффективности, оценка эффективности управления.*

JEL: H10, H50, H79, H82, O20.

DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-44-55.

Введение

В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в качестве приоритетов социально-экономического развития нашей страны были обозначены развитие человеческого капитала и улучшение качества жизни населения. В сложившихся на сегодняшний день условиях их реализация может быть обеспечена только при выходе российской экономики на траекторию

высоких и устойчивых темпов роста. Это, в свою очередь, требует увеличения потенциала экономики, совершенствования государственного управления всей социально-экономической системой нашей страны, в том числе управления государственной собственностью, как на федеральном, так и на региональном уровнях, повышения его эффективности и качества. На решение этих задач направлена и проводимая в настоящее время реформа государственного управления.

В новых геополитических и экономических условиях чрезвычайно возрастает роль определения вектора развития страны, исходя из *ее национально-государственных интересов*, и обеспечение устойчивости этого процесса. Примером, демонстрирующим отрицательные последствия реформирования экономики без учета этого важнейшего фактора, могут служить российские реформы начала 90-х годов, которые в течение значительного временного периода осуществлялись без четко заданных целевых установок, направленных на эволюционное развитие России. Массовая приватизация государственной собственности рассматривалась как необходимое условие развития рыночной экономики, что вполне соответствует классическим концептуальным подходам к рынку. Однако этого оказалось недостаточно: механизмы перехода к рынку и формы адаптации новых рыночных институтов в российских условиях не были подготовлены до начала перестройки. Процесс разгосударствления происходил стремительно, при отсутствии разработанной нормативно-правовой базы, обеспечивающей процесс передачи объектов государственной собственности в частные руки, как предполагалось тогда, с целью формирования «эффективного собственника» и создания социально ориентированной рыночной экономики. Формальное разгосударствление и передача контроля над собственностью не привели к достижению намеченной цели реформирования экономики России. В ходе приватизации применялась методика оценки продаваемого имущества, которая не позволяла реально оценить стоимость отчуждаемых государственных активов. К тому же, как отмечала Счетная палата РФ, при проведении массовой приватизации отсутствовала эффективная система государственного контроля [8], явно просматривались разнонаправленные групповые интересы на разных уровнях властных структур. Как следствие, в правовом аспекте та же частная собственность не была защищена, что повлекло за собой перманентный передел собственности, особенно на начальных этапах рыночных реформ. Это отрицательным образом повлияло на развитие экономики нашей страны, не обеспечив ни создания цивилизованного рыночного хозяйства, ни экономический рост. В этих условиях государство для улучшения сложившейся ситуации сочло необходимым усилить централизованное начало в управлении государственной собственностью.

Сама проблема повышения эффективности управления государственной собственностью в ходе российских реформ возникла в связи с необходимостью повысить результативность владения, пользования и распоряжения объектами государственного имущества в рамках институционально устанавливаемых правил и ограничений.

В нашем исследовании мы используем понятие не государственной собственности, а государственного имущества, чтобы исключить политэкономический аспект данной проблемы. При этом вопросы совершенствования подходов к управлению государственным имуществом, повышения эффективности его использования, на наш взгляд, в современных российских реалиях должны рассматриваться в контексте повышения эффективности государственного управления в целом.

Основные факторы, определяющие эффективность государственного управления

Государственная собственность в Российской Федерации подразделяется на собственность федеральную и собственность субъектов Федерации. Муниципальная собственность, согласно ст. 130 Конституции РФ, представляет собой отдельную, самостоятельную форму собственности. Государственная собственность функционирует в рамках государственного сектора экономики, материальной основой которого является имущество, находящееся в собственности органов публичной власти, а также используемое государственными предприятиями. В современной рыночной экономике государство, помимо выполнения своих законодательных, регулирующих, социальных и др. функций, само участвует в хозяйственной деятельности в качестве крупнейшего игрока на российском и международном рынках, являясь владельцем огромных материальных и финансовых активов, принадлежащих государству полностью либо на основе долевой или совместной собственности, которые могут использоваться с разными целями и в разных интересах.

Проблема повышения эффективности управления государственным имуществом также, на наш взгляд, связана с переходом к новому качеству государственного управления. Эти категории отличаются друг от друга, но связаны между собой, поэтому их целесообразно рассматривать совместно. Решение этой сложной задачи невозможно без учета трансформации всего социально-экономического пространства в процессе рыночных реформ, изменения самих субъектов экономической деятельности, формальных и неформальных институтов. Без анализа накопившихся на сегодняшний день проблем в сфере государственного управления и их причин повысить эффективность и качество управления не получится.

«С институциональной точки зрения качество государственного управления – это качество системы государственного управления,

способность института государственного управления формулировать и затем обеспечивать достижение таких целей государственного управления, которые соответствуют интересам, целям и задачам государства, а также обеспечивают эффективную реализацию государственных функций и решение государственных проблем» [7, с. 89].

Ввиду сложности вопроса о соотношении эффективности и качества государственного управления, мы отмечаем различия этих категорий, но не углубляемся в рамках данной статьи в эту проблему. Так как в официальных методических подходах и документах речь идет об эффективности и об оценке эффективности управления государственной собственностью, то мы также придерживаемся данной формулировки.

На данном этапе исследования для нас важным является выделение факторов, определяющих эффективность государственного управления, рассматриваемого как систему в рамках продолжающей формироваться институциональной среды российской экономики. Уровень эффективности государственного управления как института влияет в конечном итоге на эффективность использования государственного имущества, что и является предметом нашего исследования. Мы выделили следующие определяющие факторы.

Временной фактор. Важнейшим моментом при реформировании системы государственного управления является учет принципиальных изменений в функционировании самой социально-экономической системы. Одним из них является *временной фактор*. Возрастающая скорость трансформационных процессов в экономике, обусловленных научно-техническим прогрессом и появлением высоких технологий, потребовала разработки новых подходов к оценке динамики развития социально-экономической системы и мониторинг его вектора.

Введение количественных или качественных индикаторов, с помощью которых можно будет осуществлять мониторинг степени приближения к заданной цели, в том числе и в рамках госпрограмм (например, в сфере образования, здравоохранения, приватизации государственной собственности и т. п.), позволит оценить процесс реализации программы, достигнутые на определенном временном интервале промежуточные результаты, и вектор развития системы – к цели или от нее, а в случае ее подмены обнаружить эту подмену. Для нашего исследования эффективности и качества госуправления важно учитывать, что в базовом и целевом сценарии прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года заложена реализация структурных мер экономической политики, направленных на достижение национальных целей развития и других приоритетов, установленных Указом № 204.

С 2018 г. Правительство РФ внедрило новый элемент в систему управления, который *направлен на достижение понятных и измеримых*

результатов, - национальные программы. Механизм работы с национальными программами стал одним из важнейших в системе принятия государственных управленческих решений. Перечень мер и инструментов государственной политики в увязке с целевыми траекториями показателей достижения национальных целей развития содержатся в утвержденном Правительством РФ «Едином плане по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года».

Учет различных уровней государственного управления. В условиях быстрых изменений экономического пространства увеличилась вероятность возникновения дисфункций в сфере государственного управления и значимость их влияния, как результат рассогласования между функционированием отдельных компонентов системы и изменения связей между ними. Возросшие риски недостижения заданных целей развития и параметров в условиях нестабильности мировой экономики и институциональной среды внутри страны потребовали поиска новых показателей, адекватных сложности объекта управления. Кроме того, сам процесс глобализации неизбежно влечет за собой изменение функциональных связей, как внешних, так и внутренних. Также и переход на новый, более высокий уровень развития системы (например, переход на более высокий технологический уклад) потребует изменения не только функциональных связей внутри системы, но и внешних связей для ее устойчивого развития.

Принципиально важным моментом является тот факт, что старые методы управления уже не смогут обеспечить не только стабильность, но и выживаемость системы в быстро меняющемся мире. В этих условиях возрастает ответственность разных уровней власти за недостижение поставленных целей развития в результате возникших внешних и внутренних угроз или реализовавшихся рисков, а также и за подмену самих целей, осознанную или не осознанную. В контексте вышесказанного становится понятным возросшее значение разработки адекватных современным вызовам критериев оценки эффективности, результативности и качества функционирования системы на всех ее уровнях и используемых для оценки индикаторов.

Модернизация системы государственного управления предполагает широкое распространение проектных принципов управления, цифровизацию процессов принятия решений и их поддержки, а также расширение платформенных решений в разных секторах экономики. Это потребует обеспечения нормативного регулирования отношений в сфере цифровой экономики, создания глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных преимущественно на основе отечественных разработок, создания отечественных сквозных цифровых технологий и их внедрения, а также платформенных решений в сферах государственного управления.

Мезоуровень как новое пространство деятельности крупных и сверхкрупных хозяйственных структур в XXI веке

За последние десятилетия произошел резкий рост сложности мирового и российского социально-экономического пространства. Это связано с созданием мощных кластеров, транснациональных и отраслевых корпораций, в которых государству, как правило, принадлежит большая часть материальных или финансовых активов. Он объединяет в себе крупные и сверхкрупные национально-экономические системы, сочетающие коммерческие цели предприятий с общественными целями федеральных ведомств и имеющие, таким образом, природу, отличную от природы обыкновенных предприятий и компаний [1].

Мезоуровень рассматривается как система с выделением «четырех основных составляющих»: отраслевая экономика (отрасли и подотрасли); межотраслевая мезоэкономика (территориальные вертикальные комплексы и надотраслевые комплексы типа АПК и ВПК); региональная мезоэкономика (регионы, предприятия); межрегиональная мезоэкономика (территориальные социально-экономические образования) [6, с. 9]. Мезоуровень — это своего рода «пространство формирования устойчивых, в том числе институциональных связей между объектами» [3, с. 25]. На этом уровне стали массово образовываться сетевые горизонтальные связи, «различного рода устойчивые сетевые формы взаимодействия» [4, с. 20–21], что изменило в целом соотношение вертикальных иерархических и сетевых связей.

Дальнейшее развитие мезоэкономики сетевых структур связано с рассмотрением платформенных рынков в качестве объектов мезоуровня... Среди признаков институциональности платформ выделяются «наличие правил (например, присоединение к платформе)....» [5, с. 32]. «Введение среднего звена в систему «макроэкономика — мезоэкономика — микроэкономика» придает экономике в целом необходимые целостность и устойчивость» [1, с. 146]. «В числе базовых принципов эффективности в теории управления центральное место принадлежит принципу иерархической соподчиненности в деятельности систем и подсистем различных уровней. Приоритетными являются цели, задачи, критерии функционирования главной системы... Успешность, качество и эффективность работы систем более низких уровней иерархии, в том числе обеспечивающих подсистем, определяется мерой их содействия достижению целей и решению задач главной системы» [2, с. 33].

На наш взгляд, совершенствование системы управления государственным имуществом необходимо влечет за собой включение наряду с макро- и микроуровнями управления мезоуровня, на котором в современных условиях формируются новые правила и создаются

новые институты, происходит изменение функциональных вертикальных и горизонтальных связей.

Проблемы совершенствования государственного управления всей социально-экономической системой и повышения его эффективности неразрывно связаны с повышением эффективности управления государственным имуществом на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Учет изменившегося социально-экономического пространства требует разработки новых законодательных актов и новых подходов к оценке эффективности управления этим имуществом. И здесь мы хотели бы остановиться на наиболее важных аспектах.

Управление государственным имуществом и официальные методические подходы к оценке его эффективности

Неадекватность существующей институциональной среды современным вызовам *требует новых принципов, механизмов и разных подходов к управлению изменившимися объектами управления*. В рамках реформы всей системы государственного управления правительство России уделяет особое внимание проблемам совершенствования управления государственным имуществом, так как вопросы эффективности, связанные с использованием государственного и муниципального имущества, возникают постоянно. До 2020 г. критериев определения эффективности, установленных на федеральном уровне правовыми актами, которые можно было бы взять за основу регионам и муниципальным образованиям, не было. Чтобы устранить пробел в правовом регулировании по данному направлению, в октябре 2020 г. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 2645-р была утверждена методика определения критериев оптимальности состава государственного и муниципального имущества и показателей эффективности управления и распоряжения им. Для федеральных органов власти принятая методика при управлении и распоряжении имуществом является обязательным требованием, а для исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления - рекомендательным. Данная методика разработана в целях реализации Подпрограммы «Управление федеральным имуществом» Государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» и Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг.

Коротко обозначим основные положения принятого методического документа. В методике определяются критерии оптимальности состава государственного и муниципального имущества (за исключением имущества, сведения о котором отнесены к государственной

тайне), а также определены показатели эффективности управления и распоряжения государственным и муниципальным имуществом.

В первую очередь, это *показатели экономической эффективности*, принятые с целью увеличения доходов бюджетов за счет оптимизации расходов на содержание государственного и муниципального имущества, вовлечения в коммерческий оборот государственной (муниципальной) инфраструктуры, сокращения доли участия публично-правовых образований в хозяйственных обществах, действующих на конкурентных рынках.

Также методика предусматривает систему показателей оценки оптимальности состава и эффективности использования имущества публично-правовых образований по следующим категориям: акции (доли) хозяйственных обществ; недвижимое имущество, закрепленное за государственными (муниципальными) унитарными предприятиями; недвижимое имущество, закрепленное за государственными (муниципальными) учреждениями, и недвижимое имущество казны. Показатели эффективности определены по каждой категории имущества и в зависимости от значения показателя эффективности (если показатель ниже установленных пороговых значений) собственнику имущества рекомендуется предпринять определенные действия, разработанные для каждой категории имущества.

Что касается недвижимого имущества казны публично-правового образования, то здесь ориентируются на *показатели социально-экономической эффективности* – единственным критерием оптимальности состава и количества объектов казны публично-правового образования в методике обозначено использование его для реализации функций и полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления. Методикой определены показатели эффективности использования недвижимого имущества казны публично-правового образования и бальная шкала их измерения. Пороговые значения некоторых показателей эффективности должны определяться уполномоченными органами власти в сфере управления и распоряжения государственным (муниципальным) имуществом. В методике также определены показатели эффективности приватизации имущества казны. Оператором системы торгов госимуществом, согласно Постановлению от 19 ноября 2020 г. № 1876, назначено Федеральное казначейство.

Так как государство участвует в госкомпаниях и институтах развития, то нам важны критерии эффективности для оценки и их деятельности. Например, распоряжением от 28 декабря 2020 г. № 3579-р утверждены методические рекомендации по ключевым показателям эффективности для госкорпораций и институтов развития - их работу начнут оценивать по ключевым показателям эффективности (КПЭ). От их достижения также будет зависеть уровень вознаграждения топ-менеджеров. Методические рекомендации по расчету этих параметров утвердил Председа-

тель Правительства Михаил Мишустин. КПЭ разделены на две группы: финансовые, характеризующие прибыльность организации, и отраслевые, связанные с национальными целями развития. К первой группе относятся коэффициенты рентабельности инвестированного или собственного капитала, динамика выручки, доход акционеров. Ко второй – количество созданных рабочих мест, объем привлеченных инвестиций, бюджетная эффективность, вклад в несырьевой неэнергетический экспорт. В эту группу также разрешается включать специализированные КПЭ, в их числе – бесперебойность и безопасность предоставления услуг. Внедрение системы КПЭ позволит более точно оценивать деятельность госкомпаний, а также регулировать вознаграждение топ-менеджеров в зависимости от достижения заданных параметров.

Отраслевые КПЭ для каждой организации будет определять ее руководящий орган по согласованию с профильными министерствами и ведомствами.

С учетом специфики деятельности компании распределят по четырем категориям: действующие на конкурентном рынке, естественные монополии и инфраструктурные компании, финансовые организации, институты развития. Такая разбивка поможет лучше рассчитать КПЭ для каждой структуры в отдельности. Решение о внедрении КПЭ принято в продолжение реформы институтов развития, о ее старте Михаил Мишустин объявил 23 ноября 2020 г.

Отсюда можно сделать вывод о сочетании экономических и социальных критериев в оценке госкомпаний и институтов развития.

Правительство утвердило требования к содержанию отчетов о ключевых показателях эффективности госкомпаний и «дорожные карты» оптимизации институтов развития. Согласно Постановлению от 31 декабря 2020 г. № 2447 и Распоряжению от 31 декабря 2020 года №3710-р, Госкомпаниям будут публиковать информацию о достижении ключевых показателей эффективности (КПЭ), отражающих результативность их работы. Постановление об этом подписал Председатель Правительства Михаил Мишустин. Документ фиксирует требования к форме и содержанию таких отчетов. В них необходимо включать перечень ключевых показателей эффективности и порядок их расчета, плановые и фактические показатели, причины отклонения от заданных значений. Такие отчеты госкомпаний начнут публиковать за 2021 г.

Таким образом, представляется, что тренд трансформаций официальных подходов к критериям эффективности управления государственной собственностью смещается в сторону включения в показатели эффективности, наравне с экономическими, социальных индикаторов. Цель преобразований – сделать использование данного имущества более эффективным для всего общества и переориентировать использование его на достижение национальных целей развития.

Заключение

Для повышения эффективности и перехода к новому качеству управления государственным имуществом в современных геополитических и экономических условиях, на наш взгляд, необходимы:

- учет кардинальных изменений самого объекта управления;
- учет временных факторов из-за возросшей скорости процессов трансформации всей социально-экономической системы;
- включение мезоуровня в систему государственного управления экономикой наряду с макро- и микроуровнями, как специфического пространства, на котором главным образом функционируют крупные государственные структуры, создаются сетевые взаимодействия между игроками на конкурентном рынке, формируются формальные и неформальные институты;
- взаимодействие федерального и регионального уровней при управлении госимуществом для нивелирования различий в подходах и одновременно для учета особенностей регионов;
- широкое использование новых цифровых технологий и платформенных решений, позволяющих отслеживать динамику и направления быстроразвивающихся процессов в экономике для своевременного реагирования на возникающие риски и дисфункции процесса управления;
- определение оптимального объема государственной собственности, являющейся материальной основой для выполнения государством своих функций, использования государственных активов для реализации намеченных стратегических целей развития страны и решения задач пространственного развития и структурной перестройки экономики.
- инвентаризация госактивов предприятий с госучастием перед определением целевой функции управления (с учетом обременений);
- разработка социально-экономических критериев эффективности, с акцентом на социальную составляющую, в отношении использования государственного имущества;
- формирование новых принципов управления предприятиями с государственным участием (например, управление активами с разным долевым участием государства);
- совершенствование законодательной базы в контексте формирования прав частной собственности и механизмов ее защиты; реальных (де-факто) и формальных (де-юре) прав собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клейнер Г.Б. Мезоэкономическая одиссея: между Сциллой макроэкономики и Харибдой микроэкономики // Вопросы экономики. 2020. № 10. С. 144–153.
2. Соловьев М.М., Кошкин Л.И. Проблемы оценки эффективности управления государственной собственностью // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. № 4. С. 32–46.
3. Мезоэкономика: элементы новой парадигмы: Монография // Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер. М.: ИЭ РАН, 2020.
4. Марков Л.С., Ягольницер М.А. Мезоэкономические системы: проблемы типологии // Регион: Экономика и социология. 2008. № 1. С. 18–44.
5. Гареев Т.Р. Платформенные рынки: место в теории развития мезоэкономических систем и вызовов пространственным исследованиям // Балтийский регион. Т. 10. № 2. С. 26–38.
6. Мезоэкономика развития / Под ред. Г.Б. Клейнера. М.: Наука, 2011.
7. Братченко С.А. Качество государственного управления: содержание понятия // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 80–94.
8. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы. М.: Счетная палата Российской Федерации, 2004 г.

REFERENCES

1. Kleiner G.B. Meseconomical odyssey: between the Scylla of macroeconomics and the Charybdis of microeconomics // Economic issues. 2020. No. 10. Pp. 144–153. (In Russ.).
2. Solov'ev M.M., Koshkin L.I. Issues of evaluating the effectiveness of state property management // Management in Russia and abroad. 2008. No. 4. Pp. 32–46. (In Russ.).
3. Mayevsky V.I., Kirdina-Chandler S.G. (ed) Meseconomics: Elements of a new paradigm. M.: IE RAS, 2020. (In Russ.).
4. Markov L.S., Yagolnitser M.A. Meso-economic systems: the problem of typology // Region: Economics and Sociology. 2008. No. 1. Pp. 18–44. (In Russ.).
5. Gareev T.R. Platform markets: a place in the theory of development of mesoeconomical systems and challenges to spatial research // Baltic region. Vol. 10. No. 2. Pp. 26–38. (In Russ.).
6. Meso-Economics of development / Ed. by G.B. Kleiner. M.: Nauka, 2011. (In Russ.).
7. Bratchenko S.A. The quality of state governance: the content of the concept // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 6. Pp. 80–94. (In Russ.).
8. Analysis of the processes of state property privatization in the Russian Federation for 1993–2003. M.: Accounts Chamber of the Russian Federation Publishing, 2004. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHORS

Kozlova Svetlana Vyacheslavovna – Doctor of Economic Sciences, Leading Scientific Associate, Head of Sector of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
svk1020@mail.ru

Gribanova Olga Mikhailovna – Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
erast707@gmail.com

ACTUAL ISSUES OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF STATE PROPERTY MANAGEMENT AT THE FEDERAL AND REGIONAL LEVELS IN RUSSIA

The article analyzes some actual issues of improving state property management in the context of improving the effectiveness of state administration in modern Russian realities. There is a need to search for criteria, quantitative and qualitative indicators of the effectiveness and quality of state administration that are adequate to the complexity of the management object and to modern challenges. A number of important aspects of the relationship between the federal and regional levels of state administration are highlighted; current official approaches to evaluate the effectiveness of state property management are analyzed. Some recommendations towards improving the effectiveness of state administration are formulated.

Keywords: *effectiveness, state administration, management of state and municipal property, effectiveness criteria, evaluating management effectiveness.*

JEL: H10, H50, H79, H82, O20.

Е.С. КУБИШИН

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

А.П. СЕДЛОВ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

И.В. СОБОЛЕВА

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

БЕДНОСТЬ В РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЯ ИЗМЕРЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СРАВНЕНИЯ

В статье рассмотрены основные подходы к оценке масштабов и параметров бедности, отмечена их разная функциональная направленность и цели, исследована их применимость в российских условиях. Дана оценка параметров российской бедности в глобальном контексте с позиций различных подходов к ее измерению, выделены факторы, обусловившие специфику социально-демографических характеристик бедности в России, подчеркнута особая роль оплаты труда в формировании ее параметров. Обсуждаются направления и возможные меры сокращения и профилактики бедности в стране, подчеркнута необходимость комплексного подхода к решению данной проблемы.

Ключевые слова: абсолютная бедность, относительная бедность, малоимущее население, неравенство доходов, критерии бедности, прожиточный минимум, депривации, уровень бедности, меры профилактики бедности, пособия по бедности.

JEL: D31, D63, E21, E64, I32, J31.

DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-56-70

Проблема бедности – один из наиболее болезненных аспектов существования современного общества. Она непосредственно связана с проблемой неравенства во всех его формах и проявлениях: от глобального и территориального – между странами и регионами и внутри них, до социального – между группами населения с различным статусом в обществе и разным уровнем материального благосостояния. Многомерность и многофакторность связей неравенства и доходов и их уровни изучаются и оцениваются на основе как теоретических, так принятыми практикой подходов. При этом каждый из существующих подходов отражает специфические стороны степени удовлетворения ключевых для человеческого развития жизненных потребностей наименее обеспеченных и наиболее уязвимых групп общества.

Подходы к оценке бедности в современной России

Платформой для оценки масштабов бедности и путей ее снижения является выбор критериев и методов расчета соответствующих показателей, которые, как правило, определены поставленными целями и задачами анализа. Чаще всего применяются подходы, основанные на оценках размеров денежных доходов, реже – более сложные, учитывающие потребительские возможности получаемых доходов и социальные аспекты бедности.

При исследованиях как в России, так и в большинстве стран широко используют концепцию абсолютной бедности. Эта концепция основана на сопоставлении доходов (расходов) населения и определенного тем или иным способом минимума средств существования.

Абсолютную бедность принято выражать в контексте черты бедности, методология расчета которой была предложена в начале XX в. английским социологом С. Роунтри [1, р. 298]. Черта бедности определяется как уровень дохода или потребления, при снижении которого человек или семья будут не в состоянии покупать необходимые для поддержания жизни продукты и другие предметы первой необходимости в минимально необходимых количествах. К бедным относят лиц и семьи со среднедушевыми доходами ниже установленного прожиточного минимума.

Методология расчетов бедности, основы которой заложил Роунтри, нашла продолжение в трудах многих исследователей и практических работников. Существенный вклад в разработку показателей абсолютной бедности и прожиточного минимума внесли отечественные экономисты [2; 3; 4]. Многие авторы аргументированно обратили внимание на методологические разночтения в определениях и расчетах показателя абсолютной бедности с соответствующими критериями, используемыми в развитых странах [5; 6]. В ряде практических работ бедность стала рассматриваться как фактор развития человеческого потенциала, а понятие абсолютной бедности дополнено методологией расчета ее экстремального значения, которое определяется как количество бедных, имеющих доходы менее 50% от прожиточного минимума в данной стране [7].

Подход, используемый для расчетов абсолютной монетарной бедности, ориентирован на нормативы физического выживания человека. Вместе с тем, очевидно, что потребности современного человека значительно шире и должны отражать растущий уровень материальной обеспеченности большинства населения, а бедность следует рассматривать в общем контексте дифференциации доходов и потребностей человеческого развития с использованием широкого круга социальных индикаторов. Повышается значение обеспеченности жильем,

медицинского обслуживания, доступности образования. Для сравнительных оценок уровня удовлетворения этих и других потребностей используется широкий круг показателей относительной бедности. Следует отметить, что для оценки недостаточности доходов Росстат не оперирует понятием «бедность», предпочитая использовать более строгий термин «малоимущее население», что, на наш взгляд, вполне оправданно. Острота бедности не может быть оценена исключительно на основе показателя располагаемых доходов семьи, в особенности если при этом не принимать во внимание показатели дифференциации доходов в обществе в целом.

Концепция относительной бедности основана на оценке соответствия доходов или расходов населения их медианным значениям. В рамках концепции выделяются два направления: относительная монетарная бедность и относительная немонетарная бедность (концепция относительных деприваций). Первое основывается на оценке соответствия среднедушевых доходов или расходов населения их медианным значениям. Второе рассматривает бедность как недостаточность ресурсов, необходимых для обеспечения складывающихся в данном обществе стандартов потребления. В соответствии с международными стандартами в число индикаторов немонетарной бедности входят низкий уровень потребления товаров и услуг первой необходимости, низкое качество питания, затрудненный доступ к социально значимым благам образования и здравоохранения, плохие жилищные условия [8].

В настоящее время по инициативе Минтруда России предусматривается радикальное изменение методологии расчета прожиточного минимума. До последнего времени он устанавливался на основе потребительской корзины и представлял собой стоимостную оценку фиксированного набора продуктов питания, сумму расходов (в соотношении со стоимостью минимального набора продуктов питания) на непродовольственные товары и услуги (одежда, обувь, товары культурно-бытового и хозяйственного назначения, предметы первой необходимости, лекарства, расходы на жилье, передвижение и т.п.), минимально необходимых для жизни, а также обязательные платежи и сборы. Прожиточный минимум определялся ежеквартально как в целом по России, так и в субъектах Российской Федерации для трех основных социально-демографических групп населения: трудоспособного населения, пенсионеров и детей. С 2021 г. он увязывается не с продовольственной корзиной, а с удельными показателями доходов. Иными словами, предлагается переход от концепции абсолютной к концепции относительной бедности.

В соответствии с предложением специалистов Минтруда, величина прожиточного минимума на 2021 г. будет составлять 44,2% от меди-

анного среднедушевого дохода за 2019 г. (11653 руб.)¹, при этом прожиточный минимум будет определяться ежегодно². Переход к официальному измерению бедности на основе относительных показателей, с одной стороны, снимает весьма острую для России проблему скудости минимальной потребительской корзины и регулярного запаздывания ее пересмотра. С другой стороны, как будет показано ниже, предлагаемая доходная планка для отнесения к бедным существенно уступает, применяемой в социально-ориентированных европейских странах.

Масштабы и динамика бедности в социально-демографических измерениях

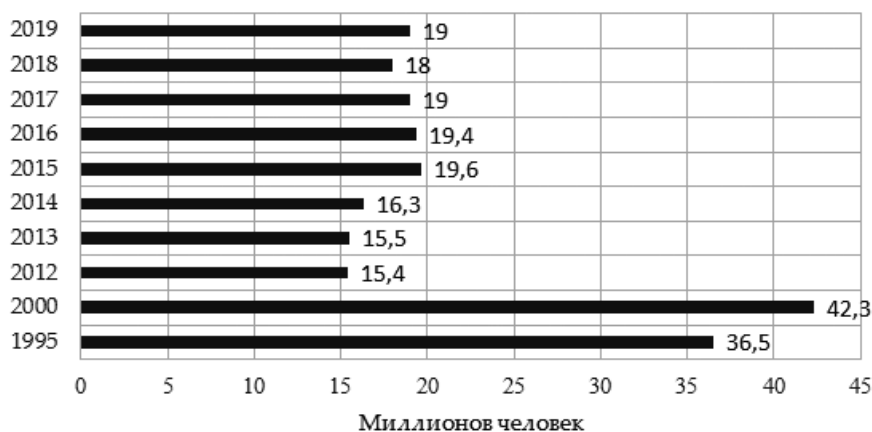
Оценивая динамику уровня бедности, следует констатировать ее связь с темпами экономического роста. Численность граждан, уровень доходов которых ниже прожиточного минимума, достигла максимальных значений в 90-е годы прошлого века в период спада, обусловленного перестройкой и либерализацией экономики. В 1995 г. за чертой бедности, по данным Росстата, находились 36,5 млн россиян, а к 2000 г. их число увеличилось до 42,3 млн человек. До минимальных значений показатель абсолютной бедности опустился в период стабильного развития экономики после кризиса 2009 г. В 2012 г. численность россиян с доходом ниже прожиточного минимума составила лишь 15,4 млн человек (10,7% населения). Однако с этого момента численность бедных вновь стала расти, увеличившись до 19 млн человек (12,3% населения) в 2019 г. (см. рис.). Отмеченная отрицательная динамика прежде всего обусловлена системными факторами – продолжительной стагнацией экономики на фоне западных санкций. Но определенная роль в росте показателя принадлежит субъективному фактору – изменению фактической величины прожиточного минимума, который решением Правительства РФ увеличился почти в два раза: с 6510 руб. в 2012 г. до 12130 руб. в 2020 г.

О характеристиках монетарной бедности можно судить по данным проводимых Росстатом выборочных наблюдений доходов населения (последние опубликованные данные относятся к 2018 г.)³. Территориально бедные (в терминологии Росстата – малоимущее население) –

¹ RBK.RU. 19 октября 2020 г. www.rbc.ru/economics/24/09/2020/5f6c63f99a79475b66757139.

² Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 года № 2406 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации на 2021 год». government.ru/news/41287.

³ Социально-экономические индикаторы бедности в 2013-2019 гг. Статистический бюллетень. Росстат. 2020. rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_110/Main.htm.

Источник: составлено авторами по: данные Росстата, размещенные на сайте: rosinfostat.ru/uroven-bednosti.

Рис. Динамика численности бедных в России.

это преимущественно сельские жители (51,4%), проживающие в подавляющем большинстве в сельских поселениях с числом жителей от 200 до 5 тыс. и более (98% сельской бедноты). Бедные из числа горожан проживают в основном в районных центрах и малых городах с населением менее 50 тыс. человек. Более 90% бедных домохозяйств имеют детей моложе 18 лет, в том числе 20,4% – 1 ребенка, 35,1% – двух детей, 35,0% – трех. При этом почти треть (30,8%) имеют детей до 3-х лет. В возрастном разрезе более половины бедных составляют трудоспособные – 53,7%. Причем женщин среди них на 1,9 процентных пункта больше, чем мужчин. Дети моложе 16 лет составляют 40% малоимущих и 6,5% – это лица в возрасте старше трудоспособного. В последней группе мужчин почти в 3 раза меньше, чем женщин, что связано в основном с большей продолжительностью жизни последних.

По социально-экономическому статусу почти треть населения с доходами ниже прожиточного минимума (31%) приходится на «работающих бедных», из которых только 0,8% – работающие пенсионеры. Чуть меньше (29,2%) – это лица, незанятые в экономике, из которых неработающие пенсионеры – 8,2%. Такое соотношение подтверждает, что продолжение работы после достижения пенсионного возраста и одновременное получение пенсии и заработной платы в российских условиях является мощным и эффективным рычагом противодействия бедности и механизмом повышения благосостояния как самих пенсионеров, так и их семей.

Главным фактором, способствующим сохранению довольно значительных масштабов бедности, является низкая оплата труда, особенно в организациях и на предприятиях государственного и муниципального сектора – это без малого 40% общего числа занятых. Как видно

из таблицы, доля работников, получающих менее одного МРОТ, на государственных и муниципальных предприятиях в 4 раза больше, чем на предприятиях негосударственной формы собственности. Тех, кто получает от одного до двух МРОТ, больше в 1,7 раза, тогда как зарабатывающих от 100 до 500 тыс. рублей в месяц в 2 раза меньше, а тех, чей заработок превышает полмиллиона рублей в месяц, на государственных и муниципальных предприятиях нет вообще. Наши расчеты показывают, что на негосударственных предприятиях средняя заработная плата выше почти на 40%.

Таблица

Распределение численности работников организаций различных форм собственности по размерам начисленной заработной платы (%)

Категория работников по размеру начисленной зарплаты (руб.)	Доля работников по формам собственности	
	государственная и муниципальная	негосударственная
менее 11280,0 (менее МРОТ)	4,5	1,1
11280,1 – 22560,0 (1-2 МРОТ)	28,2	16,4
22560,1 – 29300,0	16,0	13,7
29300,1 – 100000,0	46,6	58,8
100000,1 – 500000,0	4,7	9,6
свыше 500000,0	0,0	0,4

Источник: рассчитано авторами по: Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы (данным выборочного обследования, проведенного Росстатом (апрель 2019 г.). rosstat.gov.ru/compendium/document/13268?print=1.

Поскольку на долю оплаты труда наемных работников с учетом ее скрытой части устойчиво приходится почти 60% денежных доходов населения (в 2019 г., согласно данным Росстата, 58,1%), а доходы от собственности и от предпринимательской деятельности смещены в сторону наиболее обеспеченных слоев населения, именно поддержание достойного уровня заработной платы, в том числе путем сглаживания ее неоправданной дифференциации, является необходимым условием смягчения бедности.

Российская бедность в сравнительной перспективе

В зависимости от утвердившейся модели социальной политики различные государства делают выбор в пользу разных подходов к измерению бедности. Для стран с либеральными экономическими традициями и соответствующей моделью социальной политики

в большей мере характерно использование разнообразных индикаторов абсолютной бедности. До последнего времени по этому пути шла и Россия. Основное отличие западных стран с либеральной моделью от России состоит в более высоких стандартах потребления (например, в США прожиточный минимум составляет 1060 долл. в месяц⁴). В большинстве этих стран в расчеты минимальной потребительской корзины включены такие жизненно необходимые в современных условиях блага, как покупка компьютера и оплата мобильной связи. Российские реалии позволяют Росстату производить расчеты потребительской корзины, включающей современные стандарты, лишь для аналитических целей.

Показатели абсолютной бедности используются современными международными институтами для сравнительных оценок по странам с различным уровнем экономического развития. С 1990 г. Всемирный банк предложил измерять уровень бедности по группе 15 беднейших стран мира с учетом валютных курсов и паритета покупательной способности. В дальнейшем метод трансформировался в расчеты по странам с доходами ниже средних, средними и выше средних, для которых с 2010 г. была установлена планка соответственно в 3,2, 5,5 и 21,7 долл. США в день.

Следует отметить, что методы оценок, проводившихся в России по методологии Всемирного банка, вызывают вопросы. Анализ полученных данных за последнее десятилетие позволил выявить, что динамика показателя по годам идет в диссонанс с динамикой развития национальной экономики, что не позволяет адекватно оценивать причины бедности. Так, по данным Всемирного банка, в 2010 г. в России 0,1% населения жили меньше чем на 1,9 долл. в день. Такое же значение показателя было отмечено и в 2012 г., но уже с новым порогом бедности в 3,2 долл. в день. С 2013 г. наиболее бедной категорией россиян, согласно методике Всемирного банка, стали те, кто жил менее чем на 5,5 долл. в день – это 2,5% населения в 2013 г., 2,4% – в 2014 г. и 2,7% – в 2015 г.⁵ Проведенный анализ показал, что значение показателя бедности в динамике не отразило наивысший подъем экономики в 2012–2013 гг., а близкое к нулю его значение (0,1%) в течение продолжительного периода указывает на системные статистические погрешности в расчетах.

Вызывает вопросы и несоответствие значения уровня бедности и довольно низкого курса рубля к американскому доллару. Так, по данным Всемирного банка в 2018 г. лишь 2% населения России имели

⁴ От бедности до сытости иногда один шаг. Аргументы и Факты. № 28. 08/07/2020. aif.ru/gazeta/number/43989.

⁵ tass.ru/info/7525997.

доходы менее 5,5 долл. в день. В то же время простые расчеты показывают, что в месяц денежное выражение порога бедности в национальной валюте составило 10230 руб.⁶, то есть величину, близкую к прожиточному минимуму в России в 2018 г. (10287 руб.), когда по данным Росстата доходы ниже этого порога бедности имели 12,6% населения⁷. Понимая, что корректировка полученной величины на паритет покупательной способности национальной валюты не может не изменить показатель, все же отметим, что более чем шестикратный разрыв (12,6 и 2,0% населения) свидетельствует о неверно выбранной методологии или некорректно проведенных полевых обследованиях семей с различным уровнем доходов, которые легли в основу расчета показателя по стране в целом. По-видимому, эти соображения послужили одним из аргументов для прекращения деятельности Всемирного банка по совершенствованию статистики в России.

Дополнительные сомнения в целесообразности практического использования международных стандартов для оценки бедности в России возникают на фоне волатильности и более чем 15% падения курса национальной валюты к доллару, отмеченного в сентябре–октябре 2020 г.⁸ При этом валюты других развивающихся стран пострадали в период пандемии в меньшей степени, а значит, в сравнениях российская бедность теряет больше, чем, например, другие страны БРИКС.

Приведенные аргументы дают основание считать, что национальная система нормативного измерения уровня и динамики бедности в России, при всех ее недостатках, оказалась более объективной, чем оценки, произведенные по методологии Всемирного банка. Тем не менее следует констатировать, что рассматриваемые подходы имеют разную функциональную направленность и цели анализа: национальный подход ориентирован на расчет прожиточного минимума, тогда как подход Всемирного банка позволяет производить международные сравнения.

Концепция относительной бедности широко применяется в странах ОЭСР и ЕС, а также в ряде стран СНГ. В качестве черты относительной бедности используется располагаемый эквивалентный доход (сумма всех доходов всех членов домохозяйства), составляющий не менее 60% медианного располагаемого дохода. Такая пороговая величина рассматривается как уровень дохода, доста-

⁶ $5,5 \times 62$ (среднегодовое значение курса руб. к долл. США на ММВБ в 2018 г.) $\times 30$ (дней) = 10230.

⁷ Социально-экономические индикаторы бедности в 2013-2019 гг. Росстат: 2020. Табл.1.8.

⁸ На ММВБ в этот период курс составил 75–78 руб. за доллар США. При этом падение курса рубля связано с резким снижением цен на нефть, определяющих состояние экономики России.

точный для обеспечения приемлемого уровня жизни. Доход ниже 40% медианного на члена домохозяйства считается крайней бедностью, ниже 50% – бедностью, ниже 60% – нуждаемостью, или чертой риска бедности и социальной эксклюзии⁹. При таком подходе уровень бедности отражает социальную гармонию или противоречия, которые неизбежны и влияют на социальное развитие и перспективы воспроизводства национального человеческого потенциала. В качестве базы для официальных оценок используются медианные, средние значения абсолютной бедности по стране, а для исследовательских целей могут использоваться частные критерии или агрегированные показатели.

Если применить данный подход в России, то черта бедности поднимется выше официально установленного прожиточного минимума до уровня 15,8 тыс. руб. и будет отсекают уже не 19%, а 25% населения, т. е. малообеспеченным должен быть признан каждый четвертый россиянин. Поэтому не случайно, что планка, выбранная для официально устанавливаемого порога бедности при переходе к относительным показателям, в России значительно скромнее, чем в странах ЕС, где, по методологии ЕСА¹⁰, индивиды определяют потенциально бедным, если он имеет доход менее 50% среднедушевого значения по стране [9, с. 13]. Можно предположить, что рассчитывалась она именно с прицелом на сохранение показателей официальной бедности примерно в тех же пределах, в которые они вписываются при применении прежней методологии.

Значительно более высокий порог дает измерение бедности и методом субъективных оценок. Такие оценки формируются на основе опросов респондентов, выявляющих их мнение в отношении собственного положения. Оценки субъективной бедности проводятся во многих постсоветских странах¹¹. В России применение этого метода отправляет за черту бедности половину населения страны. По данным Росстата, в 2019 г. 49% респондентов указали, что доходов семьи хватает только на еду, одежду и оплату коммунальных услуг, а покупка товаров длительного пользования сопряжена с трудностями.

Метод субъективных оценок позволяет определить субъективную черту бедности. Так, интернет-опрос, проведенный Общественной

⁹ Концептуальные и методические подходы к определению черты бедности в зарубежных странах. Аналитический центр при Правительстве РФ. mintrud.gov.ru/uploads/magicru-RUMinistry-0-1036-src-1543571981.2759.pdf.

¹⁰ Европейское статистическое агентство.

¹¹ Концептуальные и методические подходы к определению черты бедности в зарубежных странах. Аналитический центр при Правительстве РФ. mintrud.gov.ru/uploads/magicru-RUMinistry-0-1036-src-1543571981.2759.pdf.

палатой в 2017 г., показал, что россияне по ощущениям считают порогом бедности сумму в 20 тыс. рублей. В том же году, согласно исследованию ВЦИОМ, граждане России оценили порог бедности в стране в 15,5 тыс. рублей на одного члена семьи в месяц¹².

По данным проведенного Росстатом в 2018 г. последнего раунда Комплексного наблюдения условий жизни населения, более половины российских семей не имеют возможности справиться с непредвиденными расходами по ремонту жилья (вставить стекла, отремонтировать сантехнику, ликвидировать протечки крыши и т. д.) или заменить пришедшие в негодность предметы мебели. Вызывают вопросы оценки возможностей полноценного отдыха – половина семей вынуждены проводить отпуск дома, так как у них нет средств поехать куда-либо отдыхать хотя бы на неделю¹³. По европейским стандартам, наличие трех-четырех подобного рода лишений (деприваций) квалифицируется как социальное неблагополучие, требующее поддержки со стороны государства.

Не способствует намеченному сокращению бедности в России¹⁴ переход отраслей сферы социальных услуг на платную основу – по образцу американской либеральной модели. Следует иметь в виду, что платность таких услуг в ряде западных стран реализуется при весомых показателях ВВП и доходов на душу населения. Экономика России располагает значительно более скромными ресурсами. Поэтому расширение платности вполне предсказуемо гарантирует рост населения, неспособного оплачивать медицинские и образовательные услуги, и обусловит увеличение депривационной бедности.

В оценке относительной бедности по ряду ее критериев важное место отведено показателям дифференциации доходов населения, которые указывают на остроту недопотребления в нижних децильных группах населения на фоне соседствующей роскоши в высокодоходных странах. В мировом рейтинге Россия здесь занимает средние позиции, опережая страны третьего мира, где расслоение еще более велико, и уступая развитым странам с демократическими традициями и весьма умеренной дифференциацией доходов.

Экспертные оценки, статистические материалы, данные выборочных обследований дают основание для межстрановых сравнений и некоторых системных выводов. Так, в развитых странах ЕС различия между крайними децильными группами населения, как правило,

¹² Там же.

¹³ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2018. Росстат. Табл. 80. rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html.

¹⁴ Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». 21 июля 2020 года. kremlin.ru/acts/news/63728.

укладываются в 8–10 раз. При этом образцом современной социально-ориентированной экономики могут служить страны Северной Европы, где различия между самыми богатыми и самыми бедными часто оцениваются 4–6-кратным разрывом в доходах¹⁵. В развитых странах Европы относительно меньшая доля населения попадает в полярные группы бедных и богатых, и, соответственно, большая – в категорию среднего класса, который является ядром, генератором роста экономики и гарантом социального здоровья общества.

В государствах, где сильны либеральные экономические традиции, дифференциация доходов населения выше. Это прежде всего США, где наблюдается почти 20-кратная поляризация доходов крайних децильных групп населения (данные 2018 г.)¹⁶, а в мае 2019 г. было отмечено превышение уровня безопасного неравенства в распределении доходов в 40% по индексу Джини¹⁷. В России, по оценкам экспертов и данным выборочных обследований, отмечаются примерно такие же маркеры бедности и богатства, как в США: на начало 2018 г. индекс Джини составил 42%, увеличившись по сравнению с 1991–1992 гг. почти в 1,5 раза¹⁸.

Причиной резкого имущественного расслоения общества в России явилась шоковая «терапия» начала 90-х годов, которая привела к изменению структуры доходов населения: существенно снизилась доля доходов от трудовой деятельности большинства населения и соответственно возросла доля доходов от собственности незначительной части общества. Длительная стагнация экономики не обеспечила условий для создания сильного социального государства и снижения бедности населения. Консервации бедности в России способствовала также утрата ряда государственных гарантий гражданам (например, гарантий на жилье). Так, человеку, находящемуся у черты бедности, для приобретения жилья по льготной ипотеке, потребуется время, превышающее среднюю продолжительность жизни. Однако до практической реализации ипотечного займа в этом случае дело вообще не дойдет, так как коммерческий банк, оценивая кредитоспособность такого заемщика, скорее всего не предоставит ему необходимую сумму. Недоступными для многих граждан с доходами ниже средних становятся также платные услуги медицины и образования.

¹⁵ BUSINESSMAN.RU. yandex.ru/turbo/businessman.ru/s/new-cto-takoe-decilnyj-koefficient.html.

¹⁶ World Data Atlas. knoema.ru/atlas/topics/.

¹⁷ В США растет разрыв между богатыми и бедными. Российская газета. 15.07.2020. rg.ru/2020/07/15/v-ssha-rastet-razryv-mezhdu-bogatymi-i-bednymi.html.

¹⁸ По данным Росстата. journal.open-broker.ru/economy/koefficient-dzhini.

Перспективы и пути снижения бедности в России

Методологически идентификация и методы борьбы с бедностью определены спецификой категорий населения, подверженных данному явлению. Свод международных норм и стандартов, которым должны следовать национальные системы социальной защиты населения определен в Европейском кодексе социального обеспечения (ЕКСО), Европейской социальной хартии¹⁹, конвенциях МОТ, документах других международных организаций. Так, пересмотренный в 1990 г. ЕКСО, как и его предшественник (1964 г.), определяет европейские нормы социального обеспечения и устанавливает минимальные уровни защиты, которые ратифицировавшие страны должны соблюдать в таких областях, как пенсии, пособия по безработице и инвалидности, медицинская помощь и т. д. Наиболее важное отличие нового документа – более высокая степень социальной защиты, повышение уровня пособий и продолжительности срока их выплаты, появление новых видов пособий, более легкие условия их получения, большее количество профилактических мер и отсутствие любой дискриминации по половому признаку. Отметим, что в России принятие и ратификация международных документов проходит довольно тяжело. Например, Европейский кодекс социального обеспечения в нашей стране не ратифицирован, хотя многие его положения в реализуемой социальной политике учитываются.

Главные аспекты проблемы бедности в России, которые требуют внимания со стороны государства, это, во-первых, перебои с реализацией конституционно закрепленных прав граждан на достойную работу с достойной заработной платой; во-вторых, коммерциализация социальных отраслей, затрудняющая доступ по крайней мере половине населения страны к важнейшим социальным благам в сферах здравоохранения и образования. На сегодняшний день определены и два основных направления сокращения и профилактики бедности в России: повышение темпов и улучшение сбалансированности экономического роста и введение системы монетарного вспомоществования по принципу обеспечения гарантированного базового дохода. Очевидно, что альтернативы между этими направлениями нет – оба должны рассматриваться во взаимосвязи.

Национальные меры борьбы с бедностью могут быть основаны прежде всего на росте экономики, соответствующем росте налоговых отчислений в бюджет и создании эффективных рабочих мест. Вместе с тем снижение бедности может происходить и за счет перераспреде-

¹⁹ Хартия ратифицирована Россией в сентябре 2000 г., пересмотренная – в октябре 2009 г.

ния бюджетных ресурсов и последующего оказания адресной помощи малооплачиваемым категориям работников и неработающим членам общества. Экономическая природа пособий по бедности уже не один год является предметом активных дискуссий ученых и управленцев. Это направление социальной политики способствует снижению негативных настроений и социальной напряженности в обществе, однако требует значительных средств из федерального бюджета. Кроме того, гарантированные ежемесячные выплаты могут стать антистимулом трудовой деятельности реципиентов и одновременно увеличат нагрузку на работающих граждан, что может снизить благосостояние экономически активной части россиян. К этой же группе мер относится и предложение партии «Справедливая Россия» о введении продуктовых карточек для малоимущих. Такая идея высказывается уже не в первый раз и поддерживается многими специалистами и экспертами как способ сокращения расходов на продукты питания для бедных граждан. В некоторых странах подобная система поддержки граждан существует уже давно, а в некоторых она была введена в качестве меры поддержки в условиях пандемии и кризиса.

Приоритетной мерой борьбы с бедностью, на наш взгляд, является прекращение недооценки труда работников государственных и муниципальных предприятий и организаций, повышение оплаты их труда до уровня зарплаток работников негосударственного сектора (речь в данном случае идет не о работниках органов федеральной, региональной и муниципальной власти). Не менее важно, хотя бы поэтапно, вернуть замороженные индексации пенсий работающим пенсионерам, учитывая, что получаемые ими таким образом дополнительные доходы честно заработаны их трудом, и отнюдь не сделают их сверхбогатыми, не будут выводиться в офшоры, но будут способствовать поддержанию благосостояния не только самих пенсионеров, но и их семей. Средства на это (пока еще далеко не гигантские, учитывая, что индексация для этой категории пенсионеров прекращена в 2016 г.) при желании всегда можно изыскать.

Предлагаемые меры борьбы с бедностью помимо прямого назначения будут способствовать сбалансированному развитию национального человеческого потенциала, который в современных условиях становится важнейшим фактором не только экономического успеха, но и гармоничного социального развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rowntree B.S. Poverty: A Study in Town Life. Macmillan. 1901.
2. Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 33–44.
3. Разумов А.А., Ягодкина М.А. Бедность в современной России. М.: Формула права. 2007.
4. Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: ИСЭПН РАН. М: Студио. 2009.
5. Ржаницына Л.С., Соболева И.В. О методологии определения показателя прожиточного минимума // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 11–12. С. 98–108.
6. Сорокина В.А. Потребительская корзина России и стран Европы // Теория и практика современной науки. 2016. № 06-2 (12). С. 167–170.
7. Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ за 2010 / Под общей ред. С.Н. Бобылева. М.: ПРООН. 2010.
8. Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 88–95.
9. Шевяков А.Ю. Мифы и реалии социальной политики. М.: ИСЭПН РАН. 2011.

REFERENCES

1. Rowntree B.S. Poverty: A Study in Town Life. Macmillan. 1901.
2. Rimashevskaya N.M. Poverty and marginalization of the population // Sociological research. 2004. No. 4. S. 33–44. (In Russ.).
3. Razumov A.A., Yagodkina M.A. Poverty in modern Russia. M.: Formula of law. 2007. (In Russ.).
4. Ovcharova L.N. Theoretical and Practical Approaches to Assessing the Level, Profile and Factors of Poverty: Russian and International Experience. Moscow: ISEPN RAN. M: Studio. 2009. (In Russ.).
5. Rzhantsyna L.S., Soboleva I.V. On the methodology for determining the indicator of the subsistence minimum // Living standards of the population of the regions of Russia. 2012. No. 11–12. S. 98–108. (In Russ.).
6. Sorokina V.A. Consumer basket of Russia and European countries // Theory and practice of modern science. 2016. No. 06-2 (12). S. 167–170. (In Russ.).
7. Report on the development of human potential in the Russian Federation for 2010 / Ed. S.N. Bobylev. Moscow: UNDP. 2010. (In Russ.).
8. Davydova N.M. The deprivation approach in assessing poverty // Sociological studies. 2003. No. 6. P. 88–95. (In Russ.).
9. Shevyakov A.Yu. Myths and realities of social policy. Moscow: ISEPN RAN. 2011. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHORS

Kubishin Elena Sergeevna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
irasobol@gmail.com

Sedlov Alexey Pavlovich – Candidate of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
irasobol@gmail.com

Soboleva Irina Viktorovna – Doctor of Economic Sciences, the Main Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
irasobol@gmail.com

POVERTY IN RUSSIA: MEASUREMENT METHODOLOGY AND INTERNATIONAL COMPARISONS

The article considered key approaches to assessing the scale and parameters of poverty, their different functional orientation and goals were emphasized, and it examined their applicability in Russia. It provided an assessment of poverty parameters in Russia in the global context from the standpoint of various approaches to its measurement. The factors, contributing to the specificity of the socio-demographic characteristics of poverty in Russia were highlighted, and the special role of wages in the formation of poverty parameters was emphasized. Directions and possible measures for alleviating poverty are discussed, and the need for an integrated approach to solving this problem was emphasized.

Keywords: *absolute poverty, relative poverty, low-income population, income inequality, poverty criteria, subsistence minimum, deprivation, poverty rate, measures to prevent poverty, poverty benefits.*

JEL: D31, D63, E21, E64, I32, J31.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

О.С. СУХАРЕВ

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
ФГБУН Института экономики РАН

НЕОШУМПЕТЕРИАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом рассмотрения являются идеи Йозефа Шумпетера, развиваемые в проводимых экономических исследованиях, описывающих и объясняющих процессы инновационно-технологического развития. Методологию исследования составили сравнительный и таксономический анализ, позволившие выделить основные позиции неошумпетерианской экономики, отличающие ее от неоклассической теории, и показать как эти позиции развиваются российскими исследователями. Представлены результаты анализа различных работ в рамках данного экономического направления, показывающие, что значительное место в этих работах занимает оценка режимов технологического развития и влияния структуры «старые-новые» технологии на экономическую динамику. Тем самым в неошумпетерианских исследованиях учитывается связь микро и макроуровней экономической эволюции. Рассмотрен вклад российской экономической школы в развитие неошумпетерианского направления исследований, включая доктрину технологических укладов, макрогенераций, реализующих идею созидательного разрушения, структурные модели взаимодействия новаторов и консерваторов, предполагающие реализацию взаимного влияния эффектов созидательного разрушения и комбинаторного наращения. Предложен новый подход в рамках неошумпетерианского направления анализа, позволяющий вскрыть структуру изменений, выявляя причины и изменяющиеся веса факторов, их провоцирующих, прежде всего применительно к технологическому развитию.

Ключевые слова: неошумпетерианская теория, знания, инновации, созидательное разрушение, комбинаторное наращение, технологические уклады, новаторы, консерваторы, технологии.

JEL: A11, B25, B52.

DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-71-85

Новое шумпетерианское направление экономического анализа (неошумпетерианство) берет начало с фундаментальных работ Йозефа Шумпетера [6]. Оно объединяет современных исследователей, занимающихся проблемами инновационно-технологического и циклического развития, моделированием эволюционной динамики, изучаю-

щих влияние институтов на функционирование экономики, определяющих влияние предпринимателей на экономику [8; 9]. В этих работах находят широкое применение и развитие такие идеи Й. Шумпетера, как созидательное разрушение, представляющее собой процесс разрушения старой структуры и возникновения новой [6, с. 461–462], и зарождение новых комбинаций (новое благо, рынок, метод производства, технология, источник сырья, тип организации¹) рядом со старыми и заимствующими у них ресурсы [6, с. 132–133, 152, 332]. Подходы Шумпетера находят также развитие в работах по циклической динамике [6; 16], инновациям [7] и новому режиму распространения технологий, который наблюдается в современную эпоху [10].

Учитывая, что неошумпетерианство, развиваемое и российскими экономистами, до сих пор является перспективным направлением проведения исследований инновационных и технологических изменений, оценка его современного состояния представляется значимой и актуальной научной задачей. При ее решении был осуществлен обзор и анализ набора исследований текущего периода, что позволило выделить основные позиции современного неошумпетерианства за рубежом и отдельно изложить достижения современной российской экономической школы².

Неошумпетерианское направление, как и многие иные теоретические направления в экономической науке, не является однородным. В нем представлены инновационная теория, исследования институциональных изменений, влияющих на развитие технологий и инноваций, теория циклических колебаний, теория агентских взаимодействий, в частности, рассматривающая конкуренцию предпринимателей, эконометрическое моделирование роста и развития и др.

В рамках неошумпетерианства можно выделить следующие направления, которые на наш взгляд, являются стержневыми и образуют его каркас:

¹ Главным генератором такой деятельности становится предприниматель-новатор и конкуренция развертывается между этими предпринимателями по поводу перечисленных позиций.

² В Европе активно функционирует Международное научное общество Й. Шумпетера, выпускаются специализированные журналы. В России в 2003 г. проводился Международный симпозиум по эволюционной экономике, посвященный Й. Шумпетеру и неошумпетерианскому направлению экономической мысли (организаторы ИЭ РАН и ЦЭМИ РАН). С 2010 г. в Пермском национальном исследовательском политехническом университете ежегодно проводятся Шумпетеровские чтения, председателем которых был академик РАН А.И. Татаркин, а после его смерти – член-корр. РАН Е.В. Попов, сопредседателем – Хорст Хануш, возглавлявший Международное общество Й. Шумпетера.

- совершенствование методологии эволюционного анализа, учитывающей в отличие от неоклассической школы такие эффекты, как зависимость от прошлой траектории развития, обратные связи, гетерогенность на микроуровне, гиперселекцию (сверхотбор), самоорганизацию агентов [18];
- создание моделей экономического роста и развития, которые сводятся иногда к неоклассическим формулировкам, например, к модели Р. Солоу и ее модернизации как частного случая пространственной эконометрической модели [12], позволяющей учесть внутреннее и внешнее влияние НИОКР, или моделей, принимающих во внимание какой-либо из наиболее релевантных факторов: инновации и их диффузию, международный эффект НИОКР, инвестиции в НИОКР. Но имеются подходы, противопоставляющие, в частности, позиции Й. Шумпетера и А. Маршалла [17] по поводу возникновения инноваций (посредством фирм и предпринимателей у Шумпетера [6] и производственного процесса – у Маршалла), отстаивающие разделение технической и экономической эволюции, тем самым порождая своеобразную модель эволюции типа дихотомии;
- создание эволюционных моделей динамики, описывающих раздельно влияние эффектов комбинаторного наращивания и созидательного разрушения [13] либо показывающих связность этих эффектов, а также взаимодействующих групп агентов – новаторов и консерваторов [19];
- развитие теории длинноволновой динамики с целью исследования различий в характеристиках экономического роста и проведения международных сопоставлений, а также прогнозирования возникновения кризисов [11]. Причем в рамках этого направления учитывается взаимодействие старой и новой технологических комбинаций [11; 19], результат которого определяется структурными особенностями каждой страны, социальным обеспечением, знаниями и инновациями [14], моментом времени вхождения на данный участок длинной волны и условиями адаптации к технологическим изменениям – скоростью ввода новых технологий. Стало общим местом считать, что чем раньше будет осуществлен выход на новые технологические возможности и распространение технологических инноваций, тем показатели экономической динамики страны будут лучше, что скажется и на социальных показателях. Однако многоаспектность технологического развития современного мира, усиливающееся влияние комбинаторного эффекта могут приводить к тому, что по отдельным технологическим направлениям окажется выгоднее выждать, чем переходить на технологию, которая быстро устареет и заменится

еще более новой, если только первый переход не является обязательным для внедрения следующей более современной технологии;

- институциональные исследования взаимодействия фирм и агентов, особенно реализующих НИОКР и внедряющих новые технологии, обеспечивающих новые формы контрактации и организации инновационного бизнеса.

Описание происходящих в экономике изменений традиционно происходило посредством раскрытия эффекта созидательного разрушения. Причем этот эффект использовался во множестве моделей [7]. Однако, связывая микроуровень с макроуровнем экономической динамики, он весьма упрощенно представляет развитие, сводя ситуацию в экономике к тому, что ресурсы от старых комбинаций – технологий заимствуются, отвлекаются появляющимися новыми комбинациями – технологиями. Вместе с тем экономика вряд ли функционирует на границе возможностей, для которой и применим принцип созидательного разрушения. Ресурсы, как правило, используются не целиком, да и открываются новые виды ресурсов (новые материалы, химикаты, месторождения минералов и даже углеводородов). Кроме того, сами технологии, призванные обеспечивать экономию ресурсов, то есть понижающие материало- и энергоемкость функционирования экономики при большем выпуске, составляют своеобразный ресурс развития, поскольку их можно комбинировать и за счет этого получать более качественный результат, связанный с большей экономией или получением необычных свойств. Такие результаты не описываются исключительно эффектом созидательного разрушения. Здесь большую силу приобретает иной эффект – комбинаторного наращивания. Причем накопленное технологическое знание в разных областях человеческой деятельности составляет хорошую основу для его проявления. Развитие за счет данного эффекта не требует значительного отвлечения ресурсов от старых комбинаций – технологий. На практике действуют оба эффекта, определяя модель не только инновационного развития – появления новаторов, но и шире – экономической динамики, задаваемой сочетанием названных двух эффектов. Следовательно, по сочетанию эффектов и даже их взаимосвязи можно дать некую характеристику развития конкретных стран, сравнить общие характеристики их инновационной динамики с точки зрения влияния эффектов созидательного разрушения и комбинаторного наращивания.

Как видим, экономическое развитие приобретает ранее не обнаруживаемые свойства (проявление двух эффектов с усилением комбинаторного наращивания), что приводит к необходимости создания комплексной неошумпетерианской теории. Это связано с расширением роли инноваций различных видов и определяющим влиянием

их структуры на экономическую динамику не только на длительных, но и относительно коротких отрезках времени. Х. Хануш и А. Пук выступили по этому поводу с манифестом, обосновывающим общие контуры создания комплексной неошумпетерианской теории [15]. Их идея состояла в том, что, хотя именно технологические инновации порождают новизну, но на экономическую динамику оказывают существенное влияние различные виды инноваций – и это необходимо учитывать. По сути, речь идет не просто о влиянии на темп динамики инноваций, а о влиянии структуры инноваций. В связи с этим попытка распространить положения неошумпетерианской теории, связав их с динамикой известных макроэкономических параметров, означает движение в сторону «шумпетеровской макроэкономики». Само по себе это будет означать новую интеллектуальную комбинацию в рамках классической макроэкономики. В этом случае не только фирма или популяция фирм с их адаптацией могут учитываться на макроуровне, но динамика инноваций должна быть связана с основными инструментами государственной политики – бюджетно-налоговой и денежно-кредитной.

Обобщая отметим, что шумпетеровская теория роста отличается в положительном смысле от стандартных неоклассических моделей роста, по крайней мере, по следующим основным моментам:

- включает в рассмотрение сложившийся режим технологического развития, задаваемый структурой технологий;
- учитывает конкуренцию между старыми и новыми технологиями и шире – различными комбинациями в шумпетеровском смысле, агентами новаторами и консерваторами;
- позволяет связать микро- и макроэкономические уровни эволюции, представить популяционную динамику фирм и процессы изменений внутри фирмы, включая НИОКР, и изменение макроэкономических параметров, а также учесть эффекты сложившейся траектории движения;
- отграничивает проблему роста и развития, акцентируя внимание на том, что первое является условием второго, и рост возможен не только за счет инновационной, но и консервативной модели поведения агентов, а развитие при этом может иметь скромные характеристики [19].

Вклад российский экономической школы в развитие современной неошумпетерианской ветви экономической теории можно обозначить трудами Д.С. Львова, С.Ю. Глазьева, В.И. Маевского [1; 3; 4] и рядом других работ, рассматривающих структурные модели роста [5; 19].

В анализе технологической эволюции получила распространение идея представления агрегированных технологических совокупностей – контуров (укладов) [1; 3], обеспечивающих воспроизводство

определенного набора продуктов. Тем самым макроэкономический уровень предстает в виде выделения совокупности агрегатов, причем связанных, когда последующий агрегат появляется из предыдущего (идея созидательного разрушения), и характеризуется более высокой технологичностью (новой техникой и технологиями). Каждый такой замкнутый воспроизводственный контур выделяется по характерному набору отраслей, использующих энергию определенного вида и отдельных новых видов деятельности, если речь идет о новой технологической совокупности [1].

Технологически сопряженные производства образуют ядро технологического уклада [1]. Отрасли с этим связанные и реализующие формирование ядра, становятся основными или «несущими отраслями» уклада. Иное представление о технологическом укладе сводится к тому, что это сменяющие одно другое поколения техники, охватываемые реализацией одного технологического принципа [2].

На мой взгляд, это кардинально разные подходы. Если первый позволяет говорить о целых видах деятельности и представить макроэкономическую систему в виде набора укладов [1; 3], то второй касается только некой совокупности техники, реализующей одинаковые технологические принципы. Следовательно, техника, реализующая иные принципы, относится к другому укладу. Иными словами, во втором случае технологический уклад выделяется на основе технологического принципа. В таком случае, сколько можно выделить принципов, столько будет и укладов, если разработка техники этим принципам соответствует. При таком подходе неясно, как быть, если при создании техники используются и старые и новые принципы или несколько новых или старых принципов (без новых принципов), которые, комбинируясь, дают более совершенную технику.

Однако и первый подход выделения укладов на макроэкономическом уровне не снимает, например, проблемы, существования старых отраслей, но использующих, скажем цифровые технологии или робототехнику, и показывающих совершенно иное качество работы. Иными словами, новые технологии проникают в старые производства, преобразуя их, но, не меняя продукт. Например, при лесопереработке бумага или изделия из дерева остаются теми же – повышается технологичность их получения³. В нефтехимии или металлургии происходит то же самое. Однако технологичность этих видов деятельности может существенно возрасти при обновлении технологий. В этом смысле отраслевая разбивка, да еще в преломлении к энергетическому источнику, обладает вышеуказанным ограничением. Возникает

³ Технологическое обновление далеко не во всех случаях обеспечивает более высокое качество.

проблема инструментального свойства – как выделить технологический уклад так, чтобы это можно было применить при дальнейших расчетах и привязать меры экономической политики к такому таксономическому выделению. Как видим, и по поколениям техники в привязке к технологическим принципам, и с точки зрения контурного построения на макроуровне с учетом базисных отраслей, выделение требует некой конкретизации. Новые технологии обслуживают и старые отрасли, которые в таксономическом смысле относятся к предшествующим укладам. Видимо, группировка видов деятельности по тому, какие технологии используются и какие отрасли они образуют, будет своеобразным методом выделения укладов, по крайней мере, с оценкой валовой добавленной стоимости.

Мне представляется, что два подхода к выделению неких технологических этапов эволюции, будь то по принципам либо по базовым отраслям, не учитывают следующий прямой способ таксономии, который при определенных обстоятельствах (доступной статистике⁴) может оказаться весьма полезным. Речь идет об оценке появляющихся новых (передовых) технологий, используемых для создания конкретных потребительских благ (создание продуктов из используемых ресурсов). Эти технологии могут применяться в старых производствах, видоизменяя их функционирование, и тогда объем производства этих секторов требуется учитывать как тот объем, который создан на новых технологиях. В таком случае технологический уклад определяется масштабом применения новых передовых технологий, в том числе, реализующих и новые принципы. Более того, эти новые технологии могут быть построены, как вариант, на совокупности старых и новых принципов или только комбинировать старые принципы, которые дают неожиданный в технологическом смысле результат (позволяют повысить технологичность, что также можно отнести к новой ступени в технологическом развитии). Причем этот результат ранее не был предсказан, а возможность распознана, либо не хватило добавочных разработок, чтобы так сгруппировать применение старых известных в технологическом отношении принципов. В связи с выявленными обстоятельствами и с учетом приведенных аргументов, подход к выделению этапов технологической эволюции существенно изменяется и в некотором смысле пересматривается с тем, чтобы стать в инструментальном ключе пригодным для анализа и разработки экономической политики методом (и не только для регулирования научно-технологического развития, но и для анализа роста и развития).

Если исследователь сразу видит новые технологии, значит, что они известны, уже открыты, либо до открытия остается видимый интервал

⁴ Данная оговорка является принципиальной в рассматриваемом вопросе.

времени, или они по факту применяются. Их относительная новизна и оцениваемые перспективы выступают, по сути, единственным условием отнесения их к новому укладу. При этом не важно даже, какую долю применение этих технологий может занять в будущем в общей величине создаваемого продукта. Точные оценки здесь дать проблематично. Следовательно, многие виды деятельности, которых ранее не было, или их доля была мала, но они существовали, как, например, робототехника, можно отнести к новому технологическому укладу – пятому или шестому.

С точки зрения учета и дальнейшего анализа и разработки мер экономической политики представляется важным изменить классификационный подход, выделяющий крупные технологические совокупности, ориентируясь на конкретные технологии и создаваемый на них продукт, подлежащий учету. Нужно учитывать, что если выделены виды деятельности, отрасли, виды энергии, которые отнесены к тому или иному технологическому укладу, то на большом интервале времени, когда эта эволюция уже произошла, ретроспективное исследование может быть пригодно в описательных целях для анализа смены отраслей, секторов и появления новых технологических возможностей. Однако, если ориентироваться на будущее, на решение задачи управляемого распределения ресурсов и разработки мер политики, вряд ли такой таксономический прием будет успешен.

С позиции методологии таксономического анализа конечно возникает вопрос о классификации по конкретному применению технологий, позволяющих создавать продукт и исчислять тогда величину технологического уклада по создаваемой величине продукта. Новизну технологии более или менее корректно можно оценить относительно группировки секторов, видов деятельности или отраслей. Причем подобная таксономия, если дается по крупным агрегатам, привязанная к интервалам времени, смотрится как весьма условная, описывающая смену крупных хозяйственных образований и энергетических возможностей. Чтобы конкретно знать, какие технологии какую величину продукта позволяют произвести, необходимо располагать статистикой конкретного применения технологий в производстве. В таком случае уместен будет подход выделения производств на старых и новых технологиях.

Важно заметить, что при существующих сегодня классификациях – периодизации технологической эволюции по крупным событиям в технологическом мире – не учитывается то обстоятельство, что, например, в пятом технологическом укладе также могут появиться абсолютно новые технологии. Вид деятельности уже отнесен к этому пятому укладу фактически нормативно, а появилась новая технология в рамках этого вида деятельности, которую, по сути, следовало бы отнести к следующему шестому технологическому укладу.

Таким образом, на мой взгляд, представляется целесообразным выделять различные появляющиеся технологии и относить их к разным типам в привязке к отрезку времени, делая при этом попытку оценить объем производства продукции, созданной с применением технологий каждого типа. Принципы могут применяться различные, и старый по времени принцип не означает, что он хуже нового. Более того, старые технологии могут так быть встроены в производство, что без них вся производственная цепочка становится невозможной, а они, в свою очередь, достигли определенного пика в своем совершенствовании и не могут быть далее подвергнуты усовершенствованию. Старый же технологический принцип может просуществовать веками и не быть заменен, если он базируется на фундаментальном и неоспоримом знании. Видимо, какой-то безупречной точности в данном вопросе пока не удастся достигнуть, в том числе в силу наличия шумпетеровской триады – неопределенности, новизны и скачка. Аналогичные рассуждения применимы, например, для измерения «экономики знаний» как сектора на макроэкономическом уровне [5].

Для определения сектора «экономика знаний» применяется метод оценки по занятым с определенным уровнем образования (методика Евростата). Конечно, это только косвенная оценка. Но может быть применен и метод оценки созданной добавленной стоимости в видах деятельности, связанных сугубо с созданием и распространением знаний (наука, образование, НИОКР, высокие технологии). Применительно к технологической эволюции полезно четко выделять сами технологии – предмет, «носитель технологической эволюции». Далее можно смотреть, что с их помощью создается в различных видах деятельности, либо связать виды деятельности только с новыми технологиями, что будет явно менее точно в привязке к различным интервалам времени, нежели считать созданный на них продукт, переводя в единые цены. Далее, привязав технологии к базовым принципам, можно оценить, сколько создается благ с применением новых и старых технологий, какие технологические совокупности преобладают. Однако нужно отметить, что превосходство новых технологий в какой-то стране конечно говорит о более высокой, при прочих равных, технологичности их производства. Думаю, способ выделения этапов технологической эволюции именно по технологиям, а не видам деятельности или отраслям, представляющим составные конструкции, является в научном плане более обоснованным, а с точки зрения учета и разработки мер политики наиболее целесообразным и перспективным.

Допустим, удалось выделить n – видов технологий, сменяющих друг друга и оценить объем производства (Y_i) на каждом виде. Тогда общий объем производства составит: $Y = \sum Y_i (i = 1, \dots, n)$. Темп роста

экономики соответственно составит: $g = \sum g_i x_i$, где g_i – темп роста производства на технология i -го вида до n , x_i – доля производства продукта на технологиях i -го вида в общей величине продукта Y . Задача распределения инвестиций по технологиям различного вида представима так: $I = \sum I_i$ ($i = 1, \dots, n$), тогда $g_I = \sum g_{Ii} i_i$, где $i_i = I_i/I$ – доля инвестирования технологий i -го вида, g_{Ii} – темп роста инвестиций в i -й вид технологий. Причем g_I – это темп роста общей величины инвестиций в стране. Если его помножить на долю всей величины инвестиций в продукте Y , это даст общую величину вклада всех инвестиций в темп экономического роста. Следовательно, распределение инвестиций между технологиями влияет на общий темп роста инвестиций и на вклад в темп экономического роста. Конечно, в перспективе нужны будут модели, связывающие объем продукции, созданной на новых технологиях и на старых технологиях, с величиной инвестиций, выделяемых по каждому виду технологий, а также величиной инвестиций в НИОКР.

Данный подход позволит дифференцировать меры макроэкономической политики, которые уже не должны будут исходить из общего агрегатного представления о неких прошлых этапах эволюции технологий. Например, недостаточно фиксации, что технологии самого современного уклада в данной стране плохо развиты, так как могут быть технологические проблемы с развитием и технологий предыдущей стадии, что и явилось условием для возникновения проблем с самыми современными технологиями. Несмотря на постулат о дискретном характере новизны и появлении инноваций, такая связанность в области технологического развития прослеживается. Обозначенный подход представляется весьма полезным и закономерным также не только с точки зрения оценок развития новых технологий и их вклада в темп роста, но и для решения задачи управления инвестициями с учетом эмпирически установленного эффекта насыщения или пересмотра отдельных закономерностей функционирования техники и технологий. Как пример можно привести закон Мура, показывающий, что возможности совершенствования даже новой технологии ограничены ее природно-объективным потенциалом.

Чтобы развивалась новая техника и технологии, требуется обеспечить снижение затрат на их создание и применение и повысить потребность использования именно новых технических результатов в конкурентной борьбе. Это даст по цепочке импульс к совершенствованию и созданию техники, облегчающей труд человека и предоставляющей новые возможности в виде новых форм и видов интеллектуального труда. Следовательно, не только ресурс и кредитование (хотя формирование авансового капитала для новатора является лучшей формой промышленной политики), пополнение оборотными сред-

ствами, сокращение спекулятивных видов деятельности, но и снижение затрат и расширение потребности в наукоемких разработках является центральным направлением научно-технической политики экономического развития. Произведенный на новых технологиях продукт является важным параметром, демонстрирующим их распространение, но весьма ограниченным, ибо величина стоимости может оказаться ниже аналогичной величины стоимости, но тех значимых для экономики продуктов, которые делаются еще на старых технологиях. Поэтому важно измерять уровень распространения и величину технологичности производства, так как и в старых производствах могут применяться уже в каком-то масштабе новые технологии. Тем самым развитие доктрины технологических укладов видится с точки зрения ее детализации по типам технологий с соответствующим решением задач по учету.

Согласно концепции макрoгенерации [4], также построенной на реализации принципа созидательного разрушения, экономическое развитие представляется в виде конкуренции различных генераций валового продукта. Появление этих генераций имитировалось модельным образом посредством построения разностного уравнения⁵, имитирующего каждую генерацию [4, с. 26–29], причем новая генерация изымает продукт старых генераций. Этот процесс появления генераций напоминает процесс появления уклада и смены укладов, но он охватывает много меньший отрезок времени. К тому же выделение макрoгенерации привязано к валовому продукту. Однако моменты появления генераций, то есть прояснение появления новизны, а также влияние комбинаторного эффекта на непродолжительном отрезке времени (относительно технологического уклада), остаются без точных разъяснений, как и число макрoгенераций. Ввод и выбытие ВВП идентифицируются так, что воплощают схему Й. Шумпетера. Но вопрос, как действует такая схема применительно к произвольному набору макрoгенераций сохраняет свою актуальность. Кроме того, как известно, новая комбинация сосуществует со старой, то есть, далеко не всегда забирает у старой ресурс. Если какая-то величина труда может быть изъята в пользу новой комбинации, то капитал далеко не всегда может быть отвлечен от старой комбинации [6, с. 332]. Этот аспект может и должен быть учтен в перспективных исследованиях. Тем самым казалось бы, что данный подход применим для формирования экономической политики на новой базе неошумпетерианской теории. Однако учитывая, что остается не ясной смена числа генераций, видимо определить изменение инструментов макроэкономической

⁵ Формируется система дифференциальных уравнений, решаемых методом Рунге-Кутты.

политики при данной модели будет проблематично. Если продукт подразделен на генерации случайно и возникают они также случайно, то каким образом существует связь с технологической базой функционирования экономики?

Подводя итог, сформулируем две основные позиции, которые имеют принципиальное значение для развития неошумпетерианского направления экономического анализа, в том числе в России. Во-первых, неошумпетерианское направление анализа позволило включить исследования по влиянию технологической и институциональной структуры на экономический рост и развитие в общий каркас теорий роста. Во-вторых, российская экономическая школа, следующая неошумпетерианской традиции, создала концептуальный задел, а также ряд полезных моделей [19; 20; 21], которые позволяют существенно продвинуться в понимании влияния технологических изменений на развитие с выработкой рекомендаций для проводимой научно-технической и общей макроэкономической политики. Таким образом, наращивание усилий по дальнейшей разработке структурных моделей роста на базе идей Й. Шумпетера с учетом их современной модификации позволит прояснить многие, казалось бы, неразрешимые вопросы формирования новой модели развития российского хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Влaдар, 1993.
2. Гуриева Л.К. Концепция технологических укладов // Инновации. 2004. № 10. С. 70–75.
3. Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. № 5. С. 793–804.
4. Маевский В.И. Введение в эволюционную макроэкономику. М.: Япония сегодня, 1997.
5. Сухарев О.С. «Экономика знаний» и ее вклад в формирование темпов экономического роста // Общество и экономика. 2020. № 1. С. 22–37.
6. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.
7. Aghion P., Akcigit U., Howitt. P. Lessons from Schumpeterian Growth Theory // The American Economic Review. 2015. Vol. 105 (5). Pp. 94–99.
8. Andersen E.S. The Limits of Schumpeter's Business Cycles. Industry and Innovation. 2006. Vol. 13 (1). Pp. 107–116.
9. Block J.H., Fisch C.O., Praag M. The Schumpeterian entrepreneur: a review of the empirical evidence on the antecedents, behaviour and consequences of innovative entrepreneurship // Industry and Innovation. 2017. Vol. 24 (1). Pp. 61–95.
10. Carlsson B. Industrial Dynamics: A Review of the Literature 1990–2009 // Industrial Dynamics. 2016. Vol. 23 (1). Pp. 1–61.

11. *Castellacci F.* A Neo-Schumpeterian Approach to Why Growth Rates Differ // *Revue économique*? 2004. Vol. 55 (6). Pp. 1145–1169.
12. *Ertur C., Koch. W.* A contribution to the theory and empirics of Schumpeterian growth with worldwide interactions // *Interactions Journal of Economic Growth*. 2011. Vol. 16 (3). Pp. 215–255.
13. *Jati K.* A model of Schumpeterian dynamics // *Applied Economics Letters*. 2001. Vol. 8. Pp. 81–84.
14. *Hartmann D., Pyka A., Hanusch H.* Applying Comprehensive Neo-Schumpeterian Economics to Latin American Economies. // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2010. Vol. 21. Pp. 70–83.
15. *Hanusch, H., Pyka A.* “Manifesto” for Comprehensive Neo-Schumpeterian Economics // *History of Economic Ideas*. 2007. Vol. 15 (1). Pp. 23–41.
16. *Kingston W.* Schumpeter, Business Cycles and Co-evolution. // *Industry and Innovation*. 2006. Vol. 13 (1). Pp. 97–106.
17. *Rahmeyer F.* Schumpeter, Marshall, and Neo-Schumpeterian Evolutionary Economics: A Critical Stocktaking // *Journal of Economics and Statistics*. 2013. Vol. 233 (1). Pp. 39–64.
18. *Robert V., Yoguel G.* Complexity paths in neo-Schumpeterian evolutionary economics, structural change and development policies // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2016. Vol. 38. Pp. 3–14.
19. *Sukharev O.S.* Evolutionary macroeconomics in the Schumpeterian reading (towards a new system of interaction between the ‘innovator’ and the ‘conservative’) // *Economic issues*. 2003. № 11. Pp. 41–52.
20. *Sukharev O.S.* Theory of Economic Growth: Institutions, Structures, Technologies, Information. M.: URSS. 2019.
21. *Sukharev O.S.* Structural analysis of income and risk dynamics in models of economic growth. // *Quantitative Finance and Economics*. 2020. Vol.4(1). Pp. 1–18.

REFERENCES

1. *Glazyev S.Yu.* The theory of long-term technical and economic development. M.: Vladar, 1993. (In Russ.).
2. *Gurieva L.K.* The concept of technological structures // *Innovations*. 2004. No. 10. S. 70–75. (In Russ.).
3. *Lvov D.S., Glazyev S.Yu.* Theoretical and applied aspects of STP management // *Economics and Mathematical Methods*. 1986. No. 5. P. 793–804. (In Russ.).
4. *Maevsky V.I.* An introduction to evolutionary macroeconomics. Moscow: Japan Today, 1997. (In Russ.).
5. *Sukharev O.S.* “Knowledge economy” and its contribution to the formation of economic growth rates // *Society and Economy*. 2020. No. 1. S. 22–37. (In Russ.).
6. *Schumpeter J.A.* Economic development theory. Capitalism, socialism and democracy. M.: Eksmo, 2007. (In Russ.).
7. *Aghion P., Akcigit U., Howitt. P.* Lessons from Schumpeterian Growth Theory // *The American Economic Review*. 2015. Vol. 105 (5). Pp. 94–99.
8. *Andersen E.S.* The Limits of Schumpeter’s Business Cycles. *Industry and Innovation*. 2006. Vol. 13 (1). Pp. 107–116.

9. Block J.H., Fisch S.O., Praag M. The Schumpeterian entrepreneur: a review of the empirical evidence on the antecedents, behavior and consequences of innovative entrepreneurship // *Industry and Innovation*. 2017. Vol. 24 (1). Pp. 61–95.
10. Carlsson B. Industrial Dynamics: A Review of the Literature 1990–2009 // *Industrial Dynamics*. 2016. Vol. 23 (1). Pp. 1–61.
11. Castellacci F. A Neo-Schumpeterian Approach to Why Growth Rates Differ // *Revue économique*? 2004. Vol. 55 (6). Pp. 1145–1169.
12. Ertur C., Koch. W. A contribution to the theory and empirics of Schumpeterian growth with worldwide interactions // *Interactions Journal of Economic Growth*. 2011. Vol. 16 (3). Pp. 215–255.
13. Jati K. A model of Schumpeterian dynamics // *Applied Economics Letters*. 2001. Vol. 8. Pp. 81–84.
14. Hartmann D., Pyka A., Hanusch H. Applying Comprehensive Neo-Schumpeterian Economics to Latin American Economies. // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2010. Vol. 21. Pp. 70–83.
15. Hanusch, H., Pyka A. “Manifesto” for Comprehensive Neo-Schumpeterian Economics // *History of Economic Ideas*. 2007. Vol. 15 (1). Pp. 23–41.
16. Kingston W. Schumpeter, Business Cycles and Co-evolution // *Industry and Innovation*. 2006. Vol. 13 (1). Pp. 97–106.
17. Rahmeyer F. Schumpeter, Marshall, and Neo-Schumpeterian Evolutionary Economics: A Critical Stocktaking // *Journal of Economics and Statistics*. 2013. Vol. 233 (1). Pp. 39–64.
18. Robert V., Yoguel G. Complexity paths in neo-Schumpeterian evolutionary economics, structural change and development policies // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2016. Vol. 38. Pp. 3–14.
19. Sukharev O.S. Evolutionary macroeconomics in the Schumpeterian reading (towards a new system of interaction between the ‘innovator’ and the ‘conservative’) // *Economic issues*. 2003. No. 11. Pp. 41–52.
20. Sukharev O.S. *Theory of Economic Growth: Institutions, Structures, Technologies, Information*. M.: URSS. 2019.
21. Sukharev O.S. Structural analysis of income and risk dynamics in models of economic growth // *Quantitative Finance and Economics*. 2020. Vol. 4 (1). Pp. 1–18.

ABOUT THE AUTHOR

Sukharev Oleg Sergeevich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Main Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
o_sukharev@list.ru

NEO-SCHUMPETERIAN DIRECTION IN ECONOMIC SCIENCE: MODERN RESEARCH

The subject of consideration is the ideas of Joseph Schumpeter, developed in ongoing economic research, describing and explaining the processes of innovation and technological development. The research methodology was compiled by a comparative and taxonomic analysis, which made it possible to identify the main positions of neo-Schumpeterian economics that distinguish it from neoclassical theory, and to show how these positions are developed by Russian researchers. The results of the analysis of various works within

the framework of this economic direction are presented, showing that a significant place in these works is occupied by the assessment of the modes of technological development and the influence of the structure of "old-new" technologies on economic dynamics. Thus, neo-Schumpeterian studies take into account the relationship between the micro and macro levels of economic evolution. The contribution of the Russian economic school to the development of the neo-Schumpeterian direction of research is considered, including the doctrine of technological orders, macrogenerations that implement the idea of creative destruction, structural models of interaction between innovators and conservatives, suggesting the implementation of the mutual influence of the effects of creative destruction and combinatorial build-up. A new approach is proposed within the framework of the neo-Schumpeterian direction of analysis, which makes it possible to reveal the structure of changes, revealing the causes and changing weights of factors that provoke them, primarily in relation to technological development.

Keywords: *neo-Schumpeterian theory, knowledge, innovation, creative destruction, combinatorial build-up, technological orders, innovators, conservatives, technologies.*

JEL: A11, B25, B52.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ

доктор экономических наук, заслуженный профессор
МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой международных
экономических отношений ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова

И.С. АДРОВА

аспирантка кафедры международных экономических отношений
ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ИНДОНЕЗИИ – ЧЕТВЕРТОЙ ЭКОНОМИКИ АЗИИ

Мировой экономический рост все больше зависит от крупных развивающихся стран Азии, на долю которых в 2010-е годы пришлось более половины прироста глобального ВВП. В статье проанализированы важнейшие тенденции и факторы долговременного роста одной из крупнейших азиатских экономик – Индонезии. Хотя страна сильно пострадала от Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., она, тем не менее, проведя ряд существенных реформ, сравнительно быстро и устойчиво росла в последующие два десятилетия.

Ключевые слова: *Индонезия, факторы и модели экономического роста, пандемия, меры поддержки экономики, сравнительный анализ, социальные достижения и проблемы.*

JEL: O47, O53, O57.

DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106.

Одной из актуальных задач мировой экономической науки является выявление механизмов, способствовавших экономическому росту в странах, ранее очень бедных и отсталых, но вставших на путь развития и сумевших достичь значительных успехов.

Среди факторов, положительно влияющих на темпы экономического развития стран, наряду с такими, как сравнительно высокий уровень инвестиций в физический и человеческий капитал, динамичный рост внешнеэкономических связей (экспорт товаров и услуг, динамика ПИИ) относительно умеренный уровень неравенства в доходах, политическая стабильность, нередко выделяют и географический фактор,

а именно удаленность от экватора. Однако пример Индонезии (а также стран-соседей – Малайзии и Сингапура), вопреки мнению ряда исследователей¹, доказывает, что устойчивый рост в тропиках вполне возможен.

Сегодня Индонезия, о модели развития которой пойдет речь: а) самое большое островное государство, расположенное в экваториальном поясе; б) четвертая по численности населения и седьмая по объему ВВП в паритетах покупательной способности (ППС) страна мира; в) крупнейшая мусульманская страна, которая за годы независимости, сменив два авторитарных режима и перейдя на рубеже веков к более или менее устойчивой демократии, уже полвека растет сравнительно быстро и в целом² относительно стабильно (см. рис. 1, об этом также: [1; 2; 3, с. 97–99; 4, с. 82–93; 5, с. 94–97; 6, с. 13–2144.; 7; 8]).

Проблемы и достижения экономического развития Индонезии интересовали российских ученых³, начиная с 1960-х годов. Авторы данной статьи, учтя их исследования, а также рассчитав на базе новейших статистических данных международной и национальной статистики ряд эконометрических моделей и индексов развития, сделав межстрановые сопоставления с продвинутыми азиатскими государствами (Япония, Южная Корея и др.) и странами более сопоставимыми с Индонезией по уровню экономического развития (Филиппины), показывают на примере Республики Индонезии, что если системно и систематично проводить прагматичные реформы, то, несмотря на трудности и отдельные неудачи, можно за время, равное жизни одного-двух поколений людей, добиться значимого экономического и социального прогресса. По ряду ресурсно-экономических составляющих Индонезия отчасти схожа с Россией. Отдельные подходы к индустриализации крупнейшей экономики Юго-Восточной Азии могли бы быть применены и в нашей стране, предпринимавшей в последние годы ряд шагов к реиндустриализации.

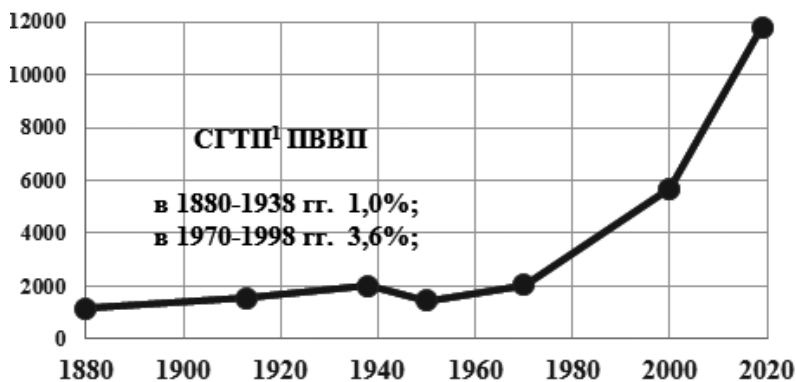
Следует отметить, что данная статья готовилась в период, когда широкое распространение коронавирусной инфекции, начавшееся в начале 2020 г., пошатнуло экономическое развитие практически всех стран мира. Пандемия COVID-19 спровоцировала самый серьезный за многие десятилетия глобальный экономический спад. Несмотря на

¹ Sachs J., Warner A. Economic Reform and the Process of Global Integration. Brookings Papers on Economic Activity, 1995; Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. The American Economic Review. Vol. 91. № 5. 2001; Истерли У. В поисках роста: приключения и злоключения экономистов в тропиках. М., 2006.

² За исключением 1998 г., на который пришелся Азиатский финансово-экономический кризис, и 2020 г., в который разразилась пандемия коронавируса.

³ См.: Пахомова Л.Ф., Рогожин А.А., Бойцов В.В., Попов А.В. и др.

динамичное, сравнительно устойчивое и эффективное развитие Индонезии в последние десятилетия, страна оказалась втянута в воронку экономического кризиса. Авторами уделяется отдельное внимание оценке влияния пандемии на экономику Республики Индонезии.

Примечание. СГТП – среднегодовой темп прироста.

Источник: рассчитано авторами по: The World Bank. World Development Indicators. databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#; The UNCTAD. Economic Trends. unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx (accessed 28.10.2020); Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris, OECD, 2003. Pp. 144–145, 184–185, 220–221; Van der Eng P. The Sources of Long-term Economic Growth in Indonesia, 1880–2008 // Explorations in Economic History. 2008. Vol. 47. N. 1. P. 304–306.

Рис. 1. Индонезия, 1880–2019 гг.: динамика подушевого ВВП, долл., ППС 2017 г.

Ключевые детерминанты экономического роста Индонезии

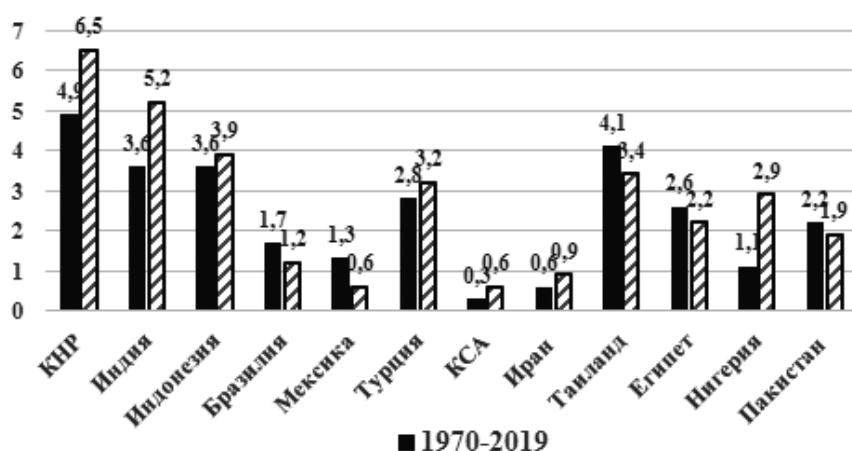
Характеризуя динамику экономического роста Индонезии в период после Азиатского финансового кризиса конца 1990-х гг., можно заметить, что среди первой дюжины наиболее крупных развивающихся стран – КНР, Индия, Бразилия, Мексика, Турция, королевство Саудовская Аравия, Иран, Таиланд, Египет, Нигерия, Пакистан – Индонезия оказалась одним из рекорсменов по результативности макроэкономических показателей, занимая, в частности, в 2008–2018 гг. третье место по среднегодовым темпам прироста (СГТП) подушевого ВВП (ПВВП) после Китая и Индии и первое – по их стабильности⁴.

Мирное развитие Индонезии началось после завершения вооруженной антиколониальной борьбы. В 1950–1960 гг. страна была одной из беднейших в мире, с огромным дефицитом бюджета и гиперинфляцией, иногда превышавшей 1500% в год. Сначала строилась либе-

⁴ Рассчитано автором по источникам к граф. 1.

ральная экономика (1950–1957 гг.), затем – направляемая экономика (1957–1965 гг.), наконец, экономическая демократия (1966–1998 гг.). В 1998 г. после ухода в отставку президента Сухарто был провозглашен курс на реформирование [9]. Несмотря на различие установок, неизменной чертой экономической политики во все эти периоды оставалась главенствующая роль государства в экономике, без которого осуществление догоняющего развития вряд ли было бы возможным.

Индонезия достигла значительных экономических успехов с конца 1960-х годов. В 3–4 раза увеличив СГТП ПВДП по сравнению с заключительным периодом колониального господства (в 1880–1938 гг. ~ 1%), Индонезия по его динамике в 1970–2019 гг.⁵ вошла в высший квартиль из дюжины развивающихся стран (см. рис. 2).

Примечание. КСА – королевство Саудовская Аравия.

Источник: рассчитано авторами по: источники к рис. 1.

Рис. 2. 12 крупных развивающихся стран: среднегодовой темп прироста (СГТП) подшевого ВВП, %

Безусловно, процесс модернизации экономики Индонезии проходил под влиянием множества специфических факторов (природных⁶, экономических, социально-политических и институциональных),

⁵ Нами учтен тот факт, что максимальный уровень ПВДП, достигнутый в колониальный период (по одним расчетам, в 1938 г., по другим – в 1941 г.), вследствие длительной фазы военно-политической нестабильности, был восстановлен лишь в начале 1970-х гг.

⁶ Свыше половины быстроразвивающихся стран (БРС) расположены не в умеренной климатической зоне, которая, как считается, более благоприятна для устойчивого роста и развития, а в тропиках, т.е. в той части планеты, где, как известно, весьма интенсивны и масштабны проявления природных катаклизмов и аномалий (тайфуны, цунами, наводнения и пр.).

которые в разной степени оказывали воздействие на формирование модели экономического развития страны. Сравнительно высокую устойчивость экономики Индонезии можно в известной мере объяснить проведением более или менее взвешенной макроэкономической политикой на протяжении последних десятилетий, которая менялась в зависимости от стратегических приоритетов. Так, например, в эпоху президента Сухарто важнейшим фактором оздоровления экономики стало обуздание инфляции. СГТП дефлятора ВВП, составлявший 123% в 1960–1965 гг. и 149% в 1965–1970 гг., после принятия командой макроэкономистов в правительстве Сухарто мер по стабилизации роста денежной массы в 1970–1998 гг. понизился почти в 10 (!) раз до 15%, а затем в постсухартовский период (в наших расчетах в 1999–2019 гг.) сократился в среднем на $\frac{2}{5}$ – до 8–9% (рассчитано по источникам к рис. 1).

После Азиатского финансового кризиса, из которого страна вышла с тяжелейшими последствиями⁷, индонезийская экономическая политика, ориентировавшаяся прежде всего на стабильность, сумела, возможно благодаря этому, обеспечить быстрый экономический рост, в результате чего в 1998–2019 гг. подушевой ВВП страны в паритетах покупательной способности (ППС) 2017 г. более чем удвоился – с 5,5 тыс. долл. до 11,8 тыс. долл.⁸

Следует отметить, что если в среднем и по развитым государствам, и по развивающимся странам показатель качества институтов в 2000–2019 гг. практически не изменился (оставаясь на уровне соответственно 85–86, 40–41%⁹), то в Индонезии он вырос в 1,5 раза (с 30–31 до 45–46%). В результате Индонезия, два десятилетия назад по рассматриваемому индикатору сильно отстававшая в целом от развивающихся стран, в конце 2010-х годов перегнала последних почти на $\frac{1}{5}$, в т. ч. по качеству регулирования экономики – на $\frac{1}{3}$ ¹⁰. При этом, что немаловажно, все еще заметно отставая по показателю обеспечения верховенства закона от Сингапура, Республики Корея, Малайзии (в 2020 г. соответственно 12, 17, 47-е место в глобальном рейтинге из 128 обследованных стран), она, занимая 59-е место, существенно опережала такие страны, как Бразилия, Индия, Таиланд, Вьетнам, КНР, Филиппины (соответственно 67, 69, 71, 85, 88, 91-е место)¹¹.

⁷ ВВП Индонезии, в т. ч. вследствие резкой девальвации рупии, упал с 227,3 млрд долл. США в 1996 г. до 95,5 млрд долл. США в 1998 г.

⁸ Рассчитано автором по источникам к рис. 1.

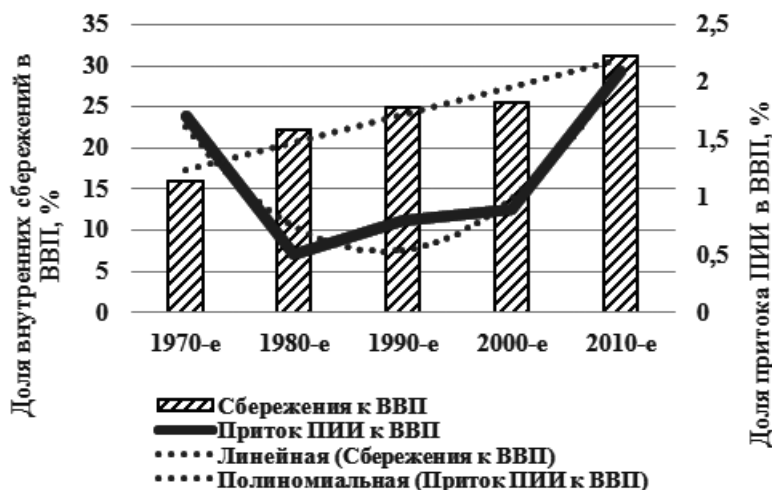
⁹ Показатель по странам мира меняется от 0 (минимальное значение) до 100.

¹⁰ См.: The World Bank. Worldwide Governance Indicators. info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports.

¹¹ См.: World Justice Project. Rule of Law Index, 2020. Washington, D.C., 2020. P. 6–7.

Более чем на $\frac{2}{5}$ повысился СГТП индекса экономической свободы – с 0,9% в 1980–2000 гг. до 1,3% в 2000–2020 гг. В 2020 г., отставая по этому показателю от Сингапура, Тайваня, Малайзии, Республики Корея и Таиланда (соответствующие места в глобальном рейтинге экономической свободы – 1, 11, 24, 25, 43), Индонезия (54-е место) заметно перегнала Филиппины, Турцию, КНР, Вьетнам, Индию и Бразилию (места в рейтинге: 70, 71, 103, 105, 120, 144)¹².

Проведенные реформы, способствовавшие в целом улучшению инвестиционного климата, обеспечению прав собственности, активизации деятельности в стране ТНК и хуацяо (выходцев из Китая)¹³, обусловили в тенденции повышение доли валовых сбережений и притока ПИИ в ВВП (см. рис. 3), что привело к росту (а не падению, как, например, в Японии) доли валовых капиталовложений в ВВП. При этом, рост последнего показателя в Индонезии оказался более высоким, чем в целом по развивающимся странам.

Источник: рассчитано авторами по: источники к рис. 1.

Рис. 3. Индонезия, 1970–2010-е гг.: динамика внутренних сбережений и притока ПИИ к ВВП, %.

¹² Составлено и рассчитано по: Fraser Institute. Economic Freedom of the World, 2020. Vancouver, 2020. P. 92; The Heritage Foundation. 2020 Index of Economic Freedom. Washington, D.C., 2020. www.heritage.org/index. (Accessed 30.10.2020).

¹³ В переводе с китайского хуацяо буквально означает «китайский эмигрант». В Индонезии на долю хуацяо, не превышающей 3–4% численности населения Индонезии, приходится, по оценкам, не менее $\frac{2}{3}$ ее крупных и средних частных компаний. Значительная роль китайской деловой общины в экономике Индонезии начиная с колониальных времен является существенным фактором в развитии экономики страны.

Но в развитии Индонезии есть ряд «узких мест». Хотя в последние десятилетия в Индонезии норма расширенного накопления (в % от ВВП) имела тенденцию к росту, *доля инвестиций в человеческий капитал в совокупных расходах на развитие физического и человеческого капитала в 2010-е годы (1/5) оказалась ниже, чем в среднем по развивающимся странам (1/3), НИС (свыше 2/5) и развитым государствам (1/2–3/5). Доля расходов на НИОКР в Индонезии (0,2% ВВП) меньше в 5–6 раз, чем в целом по РС (без КНР), в 10 раз, чем в КНР и в 13 раз, чем в развитых государствах (2,6% ВВП)*¹⁴.

Во второй половине 2010-х годов *доля населения с образованием не ниже среднего в общей его численности в возрасте от 15 до 64 лет в Индонезии (~ 1/2) была выше, чем, например, в Индии (2/5), но существенно ниже, чем в КНР (свыше 2/3), НИС и РГ (93–95%). При этом доля взрослого населения с высшим образованием в Индонезии, хотя и соответствовала среднему показателю в целом по развивающимся странам (7–9%), но была вдвое меньше, чем в таких странах, как Малайзия и Таиланд (15–17%) и вчетверо – чем в целом по развитым государствам и НИС (32–36%). В конце 2010-х годов охват населения Индонезии широкополосным интернетом (3–4%) был ниже соответственно в 3 и в 10 раз, чем в среднем по развивающимся странам (10–12%) и развитым государствам и НИС (34–36%)*¹⁵, а *число заявок на патенты в расчете на 1 млн человек в Индонезии (37 штук) было соответственно в 8, 28 и 100 раз меньше, чем в среднем по развивающимся странам (277 штук), развитым государствам (1012) и НИС (3633)*¹⁶. В 2019 г. по *индексу инновационного развития* Индонезия (74 место в мире из 141 из базы данных ВЭФ), обгоняя, например, Вьетнам (76), заметно отставала от Таиланда (50), Индии (35), Малайзии (30), КНР (24), Республики Корея (6)¹⁷. Это говорит о том, что Индонезия, совершив немалый рывок в индустриальном развитии, пока еще существенно отстает в инновационно-технологическом плане не только от развитых стран, но и от НИС.

Кроме того, в Индонезии, как, впрочем, и в ряде других развивающихся странах и развитых государствах, в последние десятилетия существенно углубилось социальное неравенство. Коэффициент Джини¹⁸ по распределению доходов¹⁹ увеличился в 1999–2018 гг. на 1/5 – с 0,31–0,32 до

¹⁴ Рассчитано автором по источникам к рис. 1.

¹⁵ The WEF. The Global Human Capital Report, 2017. Geneva. 2017. P. 58–189.

¹⁶ Рассчитано автором по источникам к рис. 1.

¹⁷ The WEF. Global Competitiveness Report, 2019. Geneva, 2019. Pp. 157, 280, 285, 325, 369, 563, 597.

¹⁸ Изменяется от 0 (всем поровну) до 1 (все достается одному).

¹⁹ По данным после уплаты налогов и предоставления субсидий.

0,38²⁰. Коэффициент Джини по распределению богатства в 2010-2019 гг. вырос с 0,77 до 0,83, оказавшись хотя и ниже, чем, например, в Таиланде и США (0,84–0,85), но на уровне с Африкой, Латинской Америкой и Индией (0,82–0,83) и намного выше, чем в Турции (0,79), Франции и КНР (0,69–0,70), Японии (0,63) и Республике Корея (0,61).

В рассматриваемый период доля богатств 1% самого обеспеченного населения в совокупном богатстве Индонезии увеличилась больше, чем в ряде других стран – с 32 до 45%, достигнув уровня, который ниже, чем, например, в Таиланде (50%), но выше, чем в Африке, Латинской Америке, Индии и Турции (38–43%), США (35%) и намного выше, чем во Франции (22%) и Японии (18%). Сказанное подтверждается и ростом в Индонезии в тот же период *коэффициента Пальма (КП)*²¹ по распределению богатства – с 33 до 49, который, правда, не достиг планки Таиланда, Африки, Индии и Латинской Америки (КП соответственно равны 55, 60, 68, 180), но выше, чем в Турции, Франции, КНР, РК и Японии (КП соответственно составили 28, 17, 11, 8, 5)²².

Увеличение неравенства в распределении дохода и богатства сверх определенного предела [10] (а Индонезия, по нашим оценкам достигла или уже весьма близка к нему [11, с. 16–17]), ограничивая эффективный спрос, возможности наращивания человеческого капитала и, как правило, сказываясь в долгосрочной перспективе негативно на инвестиционном климате, может начать сдерживать ее экономический рост.

В условиях 4-й промышленной революции и бурного развития технологий правительство Индонезии предпринимает меры по переориентации экономики из «ресурсной» в «экономику знаний»²³. В августе 2019 г., выступая в Парламенте Индонезии, президент Джоко Видодо подчеркнул, что в ближайшие годы большое внимание будет уделено развитию человеческого капитала, кадрового потенциала страны, улучшению качества подготовки специалистов, внедрению инноваций и новых технологий.

²⁰ Reducing Inequality in Indonesia // The World Bank. October 22, 2014. www.worldbank.org/en/country/indonesia/brief/reducing-inequality-in-indonesia (accessed 10.10.2020); The WEF. The Global Competitiveness Report, 2019. Geneva. 2019. P. 281.

²¹ Равен отношению потребления/доходов/богатства наиболее состоятельных 10% населения к сумме потребления/доходов/богатства наиболее бедных 40% населения.

²² Credit Suisse. Global Wealth Databook, 2010; 2019. Geneva.

²³ В настоящее время экономическое развитие Индонезии осуществляется в соответствии с 20-летним планом, охватывающим период с 2005 по 2025 г. Долгосрочный план экономического развития страны разбит на 5-летние среднесрочные периоды – Rencana Pembangunan Jangka Menengah Nasional (RPJMN), для каждого из которых установлены свои приоритетные направления. Текущий среднесрочный план развития – третья фаза долгосрочного плана (2015–2020 гг.), в частности, сосредоточен на развитии инфраструктуры и программах социальной помощи, связанных с образованием и здравоохранением.

Сопоставление важнейших показателей экономического развития Индонезии, Филиппин и Южной Кореи

Для оценки эффективности индонезийской модели экономического развития представляется весьма интересным провести сопоставительный анализ ряда показателей Индонезии за период 1980–2018 гг. в сравнении с другим крупными азиатскими странами: архипелагом ЮВА – Филиппинами, а также Республикой Корея (Южная Корея). Эти страны выбраны неслучайно. Филиппины – достаточно крупное государство (107 млн человек), в немалой мере похожее на Индонезию по географическому и островному расположению, наличию природных ресурсов и уровню экономического развития. Республика Корея – один из четырех «азиатских тигров», сумевшая в сжатые сроки превратиться из весьма бедной в технологически передовую страну, которая стала образцом для многих государств Юго-Восточной Азии [12]. Индонезия, догнав и перегнав по многим экономическим показателям Филиппины, за последние десятилетия предприняла ряд шагов по созданию эффективной экономики, примером которой является Южная Корея.

Таблица 1²⁴

Индонезия, Филиппины и Республика Корея, 1980–2018 гг.: среднегодовой темп прироста (СГТП) ВВП (%), доля капложений в ВВП (%) и их эффективность (относ. единицы)

	1980–2000 гг.			2000–2018 гг.			1980–2018 гг.		
	СГТП ВВП	Доля КВ в ВВП	Эффективность КВ	СГТП ВВП	Доля КВ в ВВП	Эффективность КВ	СГТП ВВП	Доля КВ в ВВП	Эффективность КВ
Индонезия	4,7	20	0,24	5,3	26	0,20	5,0	23	0,22
Филиппины	2,3	25	0,09	5,4	24	0,23	3,8	24,5	0,16
Респ. Корея	8,4	32	0,26	3,8	31	0,12	6,2	31,5	0,20

²⁴ Таблицы 1–3 рассчитаны авторами по: DataBank. World Development Indicators. databank.worldbank.org (accessed 14.06.2020); The World Bank. World Development Indicators, 2003. Washington, D.C., 2003. P. 43.

Таблица 2

**Индонезия, Филиппины и Республика Корея, 1980–2018 гг.:
среднегодовые темпы прироста ВВП и экспорта товаров и услуг,
и средняя доля последних в ВВП (%)**

	1980–2000 гг.			2000–2018 гг.			1980–2018 гг.		
	СГТП ВВП	СГТП экспорта товаров и услуг	Доля экспорта товаров и услуг в ВВП	СГТП ВВП	СГТП экспорта товаров и услуг	Доля экспорта товаров и услуг в ВВП	СГТП ВВП	СГТП экспорта товаров и услуг	Доля экспорта товаров и услуг в ВВП
Индонезия	4,7	4,7	0,36	5,3	5,4	0,31	5,0	5,0	0,33
Филиппины	2,3	5,6	0,38	5,4	6,4	0,41	3,8	4,4	0,39
Респ. Корея	8,4	13,1	0,32	3,8	7,2	0,40	6,2	10,1	0,35

Таблица 3

**Индонезия, Филиппины и Республика Корея, 1980–2018 гг.:
среднегодовые темпы прироста ВВП, основных факторных затрат
и совокупной факторной производительности (СФП), %**

	1980–2000 гг.				2000–2018 гг.				1980–2018 гг.			
	СГТП ВВП	СГТП занятости	СГТП КВ	СГТП СФП	СГТП ВВП	СГТП занятости	СГТП КВ	СГТП СФП	СГТП ВВП	СГТП занятости	СГТП КВ	СГТП СФП
Индонезия	4,7	2,7	5,3	1,1	5,3	1,8	6,6	1,9	5,0	2,3	5,9	1,5
Филиппины	2,3	2,8	1,8	–0,2	5,4	2,1	7,3	1,5	3,8	2,5	4,6	0,6
Респ. Корея	8,4	2,2	9,1	3,9	3,8	1,2	3,1	2,0	6,2	1,7	6,1	3,0

Примечание: 1. СГТП СФП получен разницей между СГТП ВВП и взвешенной суммой СГТП затрат труда и капитала по формуле: $r = y - (\alpha \cdot l + (1-\alpha) \cdot k)$, где y , l , k и r – СГТП ВВП, занятости, основного капитала (тренд роста которого близок к росту капиталовложений) и совокупной факторной производительности. 2. Средние показатели эластичности изменения ВВП по занятости (α) и капвложениям ($1-\alpha$) взяты равными, как и в ряде исследований по восточноазиатским странам, соответственно 0,65 и 0,35 (см.: [13, с. 208–209]).

За последние без малого четыре десятилетия Индонезия росла в целом (среднегодовой темп прироста ВВП ~ 5%) хотя и медленнее, чем Республика Корея, перешедшая из новых индустриальных стран (НИС) в группу развитых государств (6,2%), но на треть быстрее, чем экономика Филиппин (3,8%). Отставая по среднегодовым темпам прироста совокупной факторной производительности от Республики Корея вдвое (в среднем за почти сорок лет 3 п. п. и 1,5 п. п., соответственно), Индонезия по рассматриваемому показателю в 2,5 раза обгоняла Филиппины (1,5 и 0,6 п. п., соответственно), что в немалой мере вызвано более высокой эффективностью капиталовложений²⁵, которая в целом за период была выше не только, чем по Филиппинам (соответственно 0,22 и 0,16), но также и по Республике Корея (0,20); см. табл. 1 и 3).

Весьма интересная специфика Индонезии прослеживается в том, что среднегодовые темпы прироста экспорта товаров и услуг были далеки от рекордных, а вклад экспорта в прирост ВВП²⁶, во-первых, не вырос в 2000–2018 гг. по сравнению с 1980–2000 гг., а во-вторых, в целом за 1980–2018 гг. был сравнительно невысок – 33% (45% – по Филиппинам и 57% по Республике Корея) (см. табл. 2)²⁷. Одновременно по Индонезии СГТП СФП увеличился почти на $\frac{3}{4}$ – с 1,1 в 1980–2000 гг. до 1,9 в 2000–2018 гг. По этому показателю Индонезия в 2000–2018 гг. почти сравнялась с Южной Кореей (1,9 и 2 п. п., соответственно). При этом в Индонезии вклад совокупной факторной производительности в прирост ВВП увеличился в полтора раза – с менее $\frac{1}{4}$ (23–24%) в 1980–2000 гг. до более $\frac{1}{3}$ (35–36%) в 2000–2018 гг. (рассчитано по данным табл. 3). И хотя по этому важному параметру роста Индонезия все еще существенно отстает от Республики Кореи, где показатель близок к $\frac{1}{2}$, но уже значительно опередила Филиппины (в 2000–2018 гг. 27–28%).

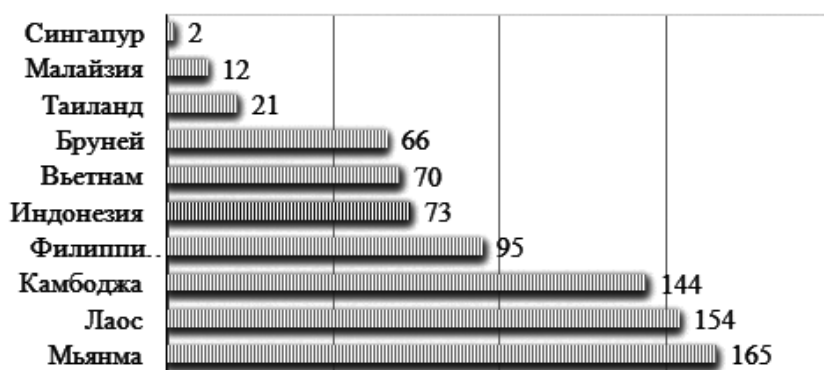
²⁵ Рассчитано как отношение СГТП ВВП к средней за период доле вложений в основной капитал в ВВП.

²⁶ Рассчитано по следующей формуле: $V = [a \cdot 0.5 (b_1 + b_2) : c] \cdot 100$, %, где V – вклад экспорта в прирост ВВП, a и c – среднегодовые темпы прироста экспорта и ВВП, b_1 и b_2 – доля экспорта товаров и услуг в ВВП соответственно в начале и конце периода.

²⁷ До Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. вовлеченность Индонезии во внешнюю торговлю стремительно возрастала. Однако уже в 2000-х годах степень участия Индонезии в мировой торговле постепенно снижается. Это связано с устранением тяжелейших последствий Азиатского кризиса и выбором нового курса развития экономики, в котором делается ставка на усиление протекционистских мер, импортозамещения и оказании поддержки местным предприятиям. Государственное регулирование экономики также усилилось и во время мирового финансового кризиса 2009 г. В последние десятилетия рост экономики Индонезии осуществляется за счет интенсификации усилий на развитие внутренней экономики, увеличения внутреннего потребления, тогда как зависимость от внешнего мира снижается (размер внешнего долга в 2000 г. составлял 94% к ВВП против 27% в 2010 г.).

Подчеркнем, что в целом за 1980–2018 гг. более высокий среднегодовой темп прироста ВВП в Индонезии по сравнению с Филиппинами (5 и 3,8 п. п., соответственно) объясняется на $\frac{1}{4}$ более высоким среднегодовым темпом прироста совокупных затрат основных факторов (3,5 и 3,2 п. п.) и на $\frac{3}{4}$ – значительно более высоким среднегодовым темпом прироста совокупной факторной производительности (1,5 и 0,6 п. п.). Также следует отметить, что хотя среднегодовым темпом прироста ВВП Индонезии и Филиппин почти сравнялись в последние два десятилетия, экономика Южного Архипелага росла эффективнее Северо-Восточного (среднегодовой темп прироста совокупной факторной производительности Республики Филиппины – 1,9 п. п., Индонезии – 1,5 п. п.; см. табл. 3).

Сравнительно высокие темпы подушевого ВВП, относительно высокая его стабильность, высокие темпы роста совокупной производительности в немалой мере зависят от качества институтов, ряд характеристик которых был приведен ранее. В дополнение к сказанному заметим, что индикатор эффективности государства²⁸ по Республике Филиппины вырос в 2000–2018 гг. с 50 до 55, т. е. на $\frac{1}{10}$, а в Индонезии – с 46 до 59, почти вдвое больше – на 28%. Отставая в 2000 г. от Филиппин по рассматриваемому индексу на 8% (или 4 п. п.), Индонезия перегнала их уже в 2018 г. на 7–8% (или 4 п. п.). В рейтинге стран по легкости ведения бизнеса Всемирного Банка Индонезия в течение двух лет подряд (2019–2020 гг.) занимает 73-е место из 190 исследуемых стран, а Филиппины 95-е (см. рис. 4).

Источник: рассчитано авторами по: Doing Business 2020. Comparing Business Regulation in 190 Economies. World Bank.

Рис 4. Место стран АСЕАН в рейтинге Ease of Doing Business 2020.

²⁸ Показатель изменяется от 0 (минимальное значение) до 100. См.: The World Bank. Worldwide Governance Indicators. info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports.

При том, что в 1980–2019 гг. среднегодовой темп прироста изменений в структуре занятости по Филиппинам (1,2%) выше, чем в Индонезии (1,0%), рост доли занятости в индустриальном секторе Индонезии оказался более высоким, чем в Республике Филиппины: в Индонезии – с 8% в 1960 г. до 15 в 1980 г., 17% в 2000 г. и 22–23% в 2019 г., а по Филиппинам, соответственно, изменился всего с 15 до 14, 16 и 19%²⁹.

Вместе с тем устойчивость роста ВВП по Индонезии существенно выше, чем по Филиппинам и Республике Корея. В 2001–2019 гг. коэффициент вариации темпов прироста рассматриваемого показателя равен соответственно 13, 33 и 41%. Резюмируя отметим, что Индонезия сравнительно устойчиво и эффективно движется вперед. Однако для сохранения достигнутого темпа ей, как представляется, придется сделать еще немало. Тем более что мир становится сложнее, возникают новые вызовы, а экономическая и политическая конкуренция в нем явно имеет тенденцию к нарастанию.

Оценка влияния пандемии COVID-19 на экономику Индонезии

Пандемия коронавируса 2020 г. и карантинные меры по ее сдерживанию оказали масштабное шоковое воздействие практически на все страны мира. Первые случаи заболеваний новой коронавирусной инфекцией в Индонезии были зафиксированы в начале марта 2020 г. Сегодня по количеству заболевших COVID-19 среди всех стран мира Индонезия замыкает двадцатку³⁰. Пандемия спровоцировала самый серьезный за многие десятилетия глобальный экономический спад. Согласно прогнозам Всемирного банка, в 2020 г. экономику планеты ждет сжатие на 5,2%, а темпы экономического роста в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе упадут в 2020 г. до 0,5% и окажутся на самом низком уровне с 1967 г.³¹

До объявления пандемии коронавируса прогнозы экспертов и правительства Индонезии относительно роста ВВП страны в 2020 г. были весьма оптимистичны (5,1–5,5%). Согласно опубликованным в декабре 2020 г. прогнозам Всемирного банка, по итогам 2020 г. экономика Индонезии сократится на 2,2%. Однако следует подчеркнуть, что по

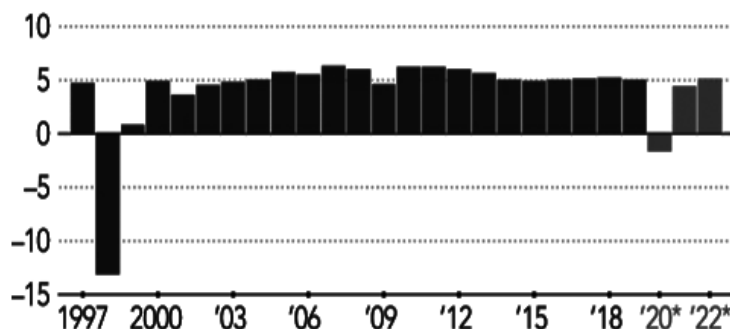
²⁹ Составлено и рассчитано автором по данным The World Bank Data. databank.worldbank.org/data/views/variableselection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators (accessed 25.10.2020).

³⁰ Johns Hopkins University. Coronavirus Resource center. coronavirus.jhu.edu/map.html (accessed 30.01.2021).

³¹ The World Bank // Global Economic Prospects: East Asia and Pacific, June 2020. pubdocs.worldbank.org/en/973201588788003529/Global-Economic-Prospects-June-2020-Regional-Overview-EAP.pdf (accessed 28.11.2020).

количеству заболеваний COVID-19 и летальных случаев, а также связанных с распространением коронавируса экономическим последствиям, Индонезия меньше многих других государств пострадала. Так, например, экономика Малайзии, согласно оценкам, сократится на 6%, Филиппин – на 8,5% Таиланда – на 7,8%.

По итогам 3-го квартала 2020 г. ВВП Индонезии сократился на 3,5% (во 2-м квартале 2020 г. ВВП снизился на 5,3%). Для экономики страны это первая рецессия после Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. (см. рис. 5).

* для 2020 г. представлено оценочное значение, а также прогнозные значения для 2021–2022 гг. на основе аналитики World Bank.

Источник: рассчитано авторами по: Financial Times// Pandemic stalls Indonesia's push to escape middle-income trap. www.ft.com/content/fa65ee18-5fe3-4a43-8b36-9b7c07757e34 (accessed 25.12.2020).

Рис. 5. Динамика роста ВВП Индонезии 1997–2022 г., %

По данным Центрального статистического агентства Индонезии (BPS), по состоянию на август 2020 г. в результате пандемия COVID-19 2,67 млн индонезийцев лишились работы, а уровень открытой безработицы вырос с 5,2% в 2019 г. до 7,1% к концу 2020 г., усиливается и социальное неравенство.

Между тем, после резкого спада в первой половине 2020 г. экономика Индонезии начала восстанавливаться. Это связано, в частности, с началом восстановления глобальной экономики и мировой торговли, ростом внутреннего потребления³², а также поддержкой национальной экономики в рамках усилий правительства по борьбе с пандемией COVID-19 и ее последствиями.

В феврале 2020 г., еще до введения в Индонезии широкомасштабных мер по ограничению социальной активности, с целью смягчения возможных негативных экономических последствий правительство

³² При этом внутренний спрос все еще значительно слабее, чем до кризиса (по состоянию на сентябрь 2020 г. на 2,8 % ниже уровня 2019 г.).

страны анонсировало первый пакет стимулов для экономики на общую сумму 10,3 трлн индонез. рупий (725 млн долл. США). Комплекс мер был направлен прежде всего на поддержку туристического сектора, который один из первых почувствовал на себе надвигающийся кризис в отрасли. В марте был представлен второй пакет стимулирующих мер на сумму 120 трлн индонез. рупий (8 млрд долл. США), направленный преимущественно на поддержку внешней торговли.

В конце марта Правительство Индонезии выделило еще 405,1 трлн индонез. рупий (около 25 млрд долл. США), из которых 150 трлн индонез. рупий – на реализацию программы по восстановлению экономики, которая включает в себя реструктуризацию кредитов и финансирование малого и среднего бизнеса, 75 трлн индонез. рупий – на поддержку здравоохранения, 110 трлн индонез. рупий – на систему социальной защиты граждан и 70,1 трлн индонез. рупий – на налоговые льготы и кредиты для предприятий. Очередное финансирование программ по восстановлению национальной экономики, размер которого составил 534,98 трлн индонез. рупий (37 млрд долл. США), было осуществлено в августе 2020 г. Таким образом, к началу 3-го квартала общая сумма денежных средств, выделенных из бюджета Индонезии на борьбу с COVID-19 и смягчение последствий надвигающейся экономической рецессии (с учетом двух пакетов стимулирующих мер и дополнительно выделенных средств) составила около 50 млрд долл. США – примерно 3,2% годового ВВП Индонезии.

Китай является крупнейшим торговым партнером Индонезии³³. Перебои в поставках товаров из КНР (в связи с принятыми мерами по ограничению распространения COVID-19), в том числе сырья и полуфабрикатов для промышленности, повлияли на работу большинства индонезийских предприятий. Так, например, заводы по производству пластмасс, текстиля и стали используют от 20 до 30% сырья, которое закупается в Китае. По данным Центрального статистического агентства Индонезии в феврале 2020 г. импорт из КНР снизился на 35,3% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. и составил 2 млрд долл. США.

В течение 2020 г. Правительство Индонезии предпринимало усилия по диверсификации международных цепочек поставок, поиску новых торговых партнеров, а также либерализации торговли путем заключения двусторонних и многосторонних торговых соглашений. В июле 2020 г. вступило в силу Соглашение о всеобъемлющем эко-

³³ В 2019 г. китайский импорт в Индонезию (не нефтегазового сектора) в стоимостном выражении составил 44,5 млрд долл. США – данные Центрального статистического управления Индонезии (BPS).

номическом партнерстве между Индонезией и Австралией, в декабре подписано Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве между Индонезией и Южной Кореей, переговоры по которому длились почти 10 лет. На различных стадиях согласования находится еще несколько документов, в том числе соглашения о всестороннем экономическом партнерстве с Японией, ЕС, о преференциальной торговле с Индией, Турцией, Тунисом, Мозамбиком, Марокко, Бангладеш.

Кроме того, 15 ноября на полях онлайн-саммита Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) министры торговли 10 стран – участниц АСЕАН, включая Индонезию, а также Австралии, Японии, Республики Корея, Новой Зеландии и Китая подписали Соглашение о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), которое создает крупнейшую в мире зону свободной торговли, охватывающую 30% мирового ВВП. Правительство Индонезии ожидает, что ВРЭП поможет преодолеть неопределенность в международной торговле, проблемы, связанные с торговой напряженностью между США и Китаем (крупнейшие торговые партнеры Индонезии), и будет способствовать восстановлению экономик стран-участниц после спада, вызванного пандемией COVID-19 и ее последствиями. По данным Министерства торговли Индонезии, в 2019 г. 61,6% от общего экспорта и 71,3% импорта Индонезии пришлось на страны – участницы ВРЭП.

В условиях пандемии большое внимание Правительством Индонезии уделяется также поддержке микро-, малых и средних предприятий (ММСП), как основного драйвера экономического роста страны. В Индонезии насчитывается более 60 миллионов ММСП, на долю которых приходится 60% ВВП страны. Принято решение о снижении ставки налога на прибыль с 25 до 22% в 2020–2021 гг. и до 20% начиная с 2022 г., а также предоставлении предприятиям ММСП субсидий на частичное покрытие выплат по кредитам. За счет государственного финансирования процентная ставка по кредитам предприятий ММСП будет сокращена на 2–6 процентных пункта. Кроме того, им предоставлена отсрочка по погашению задолженности на шесть месяцев.

Ожидается, что в 2020 г. дефицит бюджета возрастет до 5,1% ВВП (852 трлн индонез. рупий – около 55 млрд долл. США), перешагнув законодательно установленные ограничения в 3% ВВП³⁴. Имея в виду данное обстоятельство, 31 марта 2020 г. президентом было подписано

³⁴ По другим странам тоже прогнозируется увеличение дефицита бюджета. Так, например, согласно оценкам, Малайзия столкнется с дефицитом бюджета в размере около 4,5% ВВП, что превысит показатель 2019 г., равный 3,4% ВВП.

Постановление правительства (Perppu) №1/2020³⁵, которое дает юридическое основание для увеличения порогового значения дефицита бюджета за рамки ранее установленного ограничения в 3% ВВП. Правительство также рассчитывает, что к 2023 г. государственный бюджет вернется к нормальному состоянию, и верхняя граница по дефициту будет снижена до 3% ВВП.

Вполне очевидно, что спад в производстве ряда отраслей, ухудшение бизнес-активности на фоне мер по ограничению распространения COVID-19, а также отсрочки по налоговым платежам предвещают существенное снижение налоговых поступлений в бюджет. Ожидается, что государственные расходы увеличатся на 3% до 2,6 квадран индонез. рупий (около 167 млрд долл. США), в то время как доходы снизятся на 21% до 1,7 квадран индонез. рупий (109 млрд долл. США).

С целью финансирования экономики в период борьбы с пандемией COVID-19 и ее последствиями, а также покрытия растущего дефицита бюджета 6 апреля 2020 г. Правительство выпустило долговые ценные бумаги – «пандемические облигации» на общую сумму 449 трлн индонез. рупий (28,7 млрд долл. США) с самым длительным в истории выпуска долговых ценных бумаг в Индонезии сроком – на 50 лет. В результате государственный долг в 2020 г. утроится и составит 1 квадран индонез. рупий (64 млрд долл. США). При этом, по мнению экономистов, отношение госдолга Индонезии к ВВП в 2020 г. не превысит 60%-ный потолок и составит примерно 34–35% (в 2019 г. – 29,8%).

Согласно опубликованным в декабре 2020 г. прогнозам Всемирного банка, в 2021 г. темпы роста ВВП Индонезии составят 4,4%, а в 2022 г. – 4,8%. При этом отмечается, что новая волна заболеваний COVID-19, а также меры правительства по ограничению социальной активности могут снизить ожидаемые показатели роста экономики до 3,1% в следующем году и 3,8% в 2022 г.³⁶

Как подчеркивают эксперты, чем быстрее стране удастся справиться с распространением коронавируса, тем скорее экономика встанет на путь восстановления. Правительство Индонезии выделило 35,1 трлн индонез. рупий (2,5 млрд долларов США) на закупку вакцины против COVID-19 и программу вакцинации. 6 декабря 2020 г.

³⁵ Peraturan Pemerintah Pengganti Undang-Undang (Perppu) tentang Kebijakan Keuangan Negara dan Stabilitas Sistem Keuangan («О государственной финансовой политике и стабильности финансовой системы для борьбы с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 и/или для противодействия угрозам, наносящим ущерб национальной экономике и/или стабильности финансовой системы»).

³⁶ The World Bank // Indonesia Economic prospects. Towards a Secure and Fast Recovery. openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34930/Indonesia-Economic-Prospect-Towards-a-Secure-and-Fast-Recovery.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 27.12.2020).

в Индонезию была поставлена первая партия вакцины от COVID-19 китайской биофармацевтической компании Sinovac Biotech³⁷. 8 февраля 2021 г. Правительством Индонезии было объявлено о начале массовой вакцинации населения.

Проведенный анализ динамики и ключевых детерминантов экономического роста Индонезии показал, что в последние десятилетия страна динамично, сравнительно устойчиво и эффективно движется вперед. Успех Индонезии связан не только с благоприятными обстоятельствами, в т. ч., например, с заметным – в тенденции – улучшением чистых бартерных условий внешней торговли³⁸, но и с политикой модернизации/индустриализации и проведением прагматичных экономических реформ, начало которым было положено еще в эпоху президента Сухарто³⁹.

Однако пандемия коронавируса, безусловно, стала вызовом для дальнейшего сохранения достигнутых темпом экономического роста. Как представляется, несмотря на уже предпринятые усилия правительства Индонезии по преодолению последствий пандемии коронавируса, предстоит сделать еще немало, чтобы восстановить допандемийные темпы роста экономики. Тем более, что существенное увеличение неравенства в распределении дохода и богатства, рост безработицы и другие негативные социальные последствия кризиса COVID-19 имеют тенденцию к нарастанию. И тем не менее, именно в сегодняшних непростых условиях возник мощный импульс для реформирования национальной системы образования и здравоохранения, развития цифровых технологий, создания эффективных институтов. Наметив путь к восстановлению, Индонезия также

³⁷ World Bank revises down Indonesia's GDP forecast // The Jakarta Post. www.thejakartapost.com/paper/2020/12/17/world-bank-revises-down-indonesias-gdp-forecast.html (accessed 19.12.2020).

³⁸ Для страны, в которой в последние полстолетия доля экспорта в ВВП, в среднем, составляла $\frac{1}{4}$, а доля в нем (экспорте) сырья и топлива превышала $\frac{1}{2}$ в 1970–1980-е гг., $\frac{3}{5}$ в 1990-е годы и $\frac{1}{2}$ в 1998–2019 гг., изменение чистых бартерных условий внешней торговли (ЧБУВТ, соотношение индекса экспортных цен к индексу импортных цен) было весьма важным фактором роста реальных совокупных доходов страны. С начала 1970-х по конец 2010-х годов в Индонезии увеличение ЧБУВТ было весьма весомым. Среднегодовые темпы прироста этого показателя составил 2,5%, в т. ч. 3% в 1972–1998 гг. (в 1972–1981 гг. 15–16%; в 1981–1998 гг. (–)3%) и около 2% в 1998–2019 гг. (в 1998–2011 гг. 4%; в 2011–2019 гг. (–)1,5%). Рассчитано по источникам к рис. 1.

³⁹ Важнейшим фактором оздоровления экономики стало обуздание инфляции. Среднегодовые темпы прироста дефлятора ВВП, составлявший 123% в 1960–1965 гг. и 149% в 1965–1970 гг., после принятия командой макроэкономистов в правительстве Сухарто мер по стабилизации роста денежной массы в 1970–1998 гг. понизился почти в 10 (!) раз до 15%, а затем в постсухартовский период (в наших расчетах в 1999–2019 гг.) сократился, в среднем, на $\frac{2}{5}$ – до 8–9% (рассчитано по источникам к рис. 1).

стремится улучшить и свой инвестиционный климат, разрабатывая новые налоговые режимы, которые, как ожидается, будут соответствовать передовым международным практикам⁴⁰. Цифровая экономика Индонезии, которая до кризиса уже развивалась, вероятно, будет играть существенную роль после пандемии, станет одним из ключевых факторов создания рабочих мест и экономического роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шейнис В.Л., Эльянов А.Я. Крупные развивающиеся страны в социально-экономических структурах современного мира /Отв. ред. А.Я. Эльянов. М., 1990.
2. Мельянцев В.А. Восточноазиатская модель экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны. М., 1998
3. Мельянцев В.А. Немалый социально-экономический прогресс /Отв. ред. В.Г. Хорос. Современные проблемы развития. Вып. 2. Т. 2. М., 2016.
4. Прозоровский А.С. Индонезия – как опыт модернизации // Отв. ред. В.Г. Хорос. Современные проблемы развития, 2016.
5. Рогожин А.А. Ключевые факторы модернизации Индонезии // Отв. ред. В.Г. Хорос. Современные проблемы развития, 2016.
6. Бойцов В.В. Экономический рост в современной Индонезии: итоги, факторы, эффективность // Отв. ред. И.В. Дерюгина. Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития. Кн. 2. М., 2020.
7. Van der Eng P. Indonesia's Growth Performance in the 20th Century, The Asian Economies in the Twentieth Century, 2002.
8. H. Hill, S.D. Negara The Indonesian Economy in Transition: Policy Challenges in the Jokowi Era and Beyond // ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2019.
9. Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М.: Институт востоковедения РАН, 2007.
10. Мельянцев В.А. Торможение глобальной экономики и (полу)периферийные страны // Азия и Африка сегодня. 2016. № 10.
11. Мельянцев В.А., Матюнина Л.Х. Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010-е годы). М., 2019.
12. Мельянцев В.А., Горожанкина А.А. Южнокорейское чудо, или не боги горшки обжигают // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 3.
13. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996.

⁴⁰ Так, например, в 2020 г. принят Сводный закон № 11/2020 г. «О создании рабочих мест» (UU Cipta Kerja), который направлен на улучшение инвестиционного климата и создание благоприятных условий для ведения бизнеса в стране, расширение перечня секторов, доступных для иностранных капиталовложений

REFERENCES

1. *Sheinis V.L., El'yanov A.Ya.* Large developing countries in the socio-economic structures of the modern world. M., 1990. (In Russ.).
2. *Meliantsev V.A.* East Asian Economic Growth Model: Critical Ingredients, Strengths, and Flaws. M., 1998. (In Russ.).
3. *Meliantsev V.A.* Considerable socio-economic progress // Modern problems of development. 2016. Iss. No. 2. (In Russ.).
4. *Prozorovsky A.S.* Indonesia as an experience of modernization // Khoros V.G., otv. ed. Modern development problems, 2016. (In Russ.).
5. *Rogozhin A.A.* Key factors of modernization of Indonesia // Modern development problems, 2016. (In Russ.).
6. *Boytsov V.V.* Economic growth in modern Indonesia: results, factors, efficiency // Deryugina I.V., otv. ed. Economic growth in the countries of the East: trends, unevenness, inequality of social development. Book 2. M., 2020. (In Russ.).
7. *Van der Eng P.* Indonesia's Growth Performance in the 20th Century, The Asian Economies in the Twentieth Century, 2002.
8. *H. Hill, S.D.* Negara The Indonesian Economy in Transition: Policy Challenges in the Jokowi Era and Beyond // ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2019.
9. *Pakhomova L.F.* Models for Prosperity (Singapore, Malaysia, Thailand, Indonesia). M., 2007. (In Russ.).
10. *Meliantsev V.A.* Slowing down the global economy and (semi) peripheral countries // Asia and Africa today. 2016. No. 10. (In Russ.).
11. *Melyantsev V.A., Matyunina L.Kh.* Essays on Macroeconomic and Financial Development of East and West Countries (1980–2010s). M., 2019. (In Russ.).
12. *Meliantsev V.A., Gorozhankina A.A.* South Korea's miracle, or not gods but humans make pots. *Vostok/Oriens*. No. 3. M., 2018. (In Russ.).
13. *Meliantsev V.A.* East and West in the second millennium: economy, history and modernity. M., 1996. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHORS

Meliantsev Vitalii Albertovich – Doctor of Economic Sciences, Professor Emeritus of M.V. Lomonosov Moscow State University, Head of Department of International Economic Relations, Institute of Asian and African Countries, M.V. Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia
vamel@iaas.msu.ru

Adrova Irina Sergeevna – Post-graduate student, Institute of Asian and African Countries, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
is.adrova29@gmail.com

MAIN FACTORS OF ECONOMIC GROWTH IN INDONESIA – THE FOURTH ECONOMY OF ASIA

World economic growth is increasingly dependent on the large developing countries of Asia, which GDP in the 2010s accounted for more than half of the growth of the global GDP. The article analyzes the most important trends and factors of long-term growth of Indonesia, one of the largest Asian economies. Although the country was seriously affected

by the 1997–1998 Asian crisis, nevertheless, having carried out a number of significant reforms, it grew relatively quickly and steadily over the next two decades, and today Indonesia is more or less successfully coping with the consequences of a new external shock – pandemic of COVID-19.

Keywords: *Indonesia, factors and models of economic growth, pandemic, measures to support the economy, comparative analysis, social achievements and problems.*

JEL: O47, O53, O57.

Я.В. МИЩЕНКО

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института
Дальнего Востока РАН, старший преподаватель
МГУ им. М.В. Ломоносова

10 ЛЕТ ПОСЛЕ АВАРИИ НА АЭС «ФУКУСИМА»: ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЯПОНИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье рассмотрены наиболее острые энергетические кризисы в современной истории Японии и их роль в переосмыслении энергетической политики. Рассматриваются два самых масштабных энергетических кризиса – «нефтяные шоки» 1970-х годов и «ядерный кризис» 2011 г. Они возникли в разных секторах энергетики, один имел внешний, экзогенный характер (был вызван действиями ОПЕК), а другой – внутренний, эндогенный (техногенная авария на территории Японии), однако оба они обнажили уязвимость японского топливно-энергетического комплекса и привели к переосмыслению энергетической политики страны. В статье исследуется как Япония трансформировала энергетическую стратегию за минувшие 10 лет и в какой степени ей удалось сформулировать и реализовать новые эффективные подходы к выходу из энергетического кризиса – после кризисов 1970-х годов и в настоящее время. Показано как менялись подходы к трактовке понятия национальной энергетической безопасности после каждого из кризисов.

Ключевые слова: Япония, энергетика, энергетический кризис, атомная энергия, возобновляемые источники, энергетическая политика, уровень самообеспеченности энергией.

JEL: O47, O53, O57.

DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-107-124

11 марта 2021 г. – мрачная «юбилейная» дата в новейшей истории Японии. В этот день в 2011 г. произошла крупная техногенная катастрофа – авария на атомной электростанции «Фукусима-1». Она стала своего рода водоразделом в реализации энергетической политики Японии и очередным переломным моментом для японского топливно-энергетического комплекса. Первый датируется 1970-ми годами и вошел в истории под названием «нефтяных шоков». Оба кризиса – каждый в свой отрезок времени – показали недостаточную эффективность японской энергетической политики в том или ином аспекте. Кризис 70-х годов выявил чрезмерную зависимость экономики от импортируемых углеводородов, показал зыбкость и неоправданность

надежд и Японии, и всего мирового сообщества на постоянный легкий доступ к недорогой нефти. Новый энергетический кризис, развернувшийся в Японии после 2011 г., продемонстрировал, что каких бы высот ни достигало технологическое развитие и потенциал страны, как бы человек ни был уверен, что полностью контролирует «мирный атом» и подчинил его себе всецело для обеспечения национальной энергетической безопасности, техническая революция по-прежнему может сыграть с человечеством злую шутку. И даже в XXI в. в вопросе энергетического снабжения чрезмерно полагаться на атомную энергию все еще легкомысленно и даже небезопасно.

В целом, энергетическая тематика в контексте Японии сохраняет перманентную актуальность. В стране нет собственных углеводородных источников энергии, при этом Япония является масштабным их потребителем и импортером. Для бесперебойного снабжения экономики энергоресурсами и эффективного функционирования национального топливно-энергетического комплекса японские власти вынуждены фактически на постоянной основе проводить антикризисное управление в энергетике. Принято считать, что это было относительно несложно до 1973 г. – на мировых рынках имел место избыток сравнительно недорогой нефти, доступ к которой был у развивающихся и развитых стран – импортеров энергетических ресурсов. Однако первый в мировой истории топливный кризис, начавшийся в 1973 г., заставил многие страны, и в их числе Японию, перестраивать свою экономику на менее энергоемкий и более энергоэффективный лад. Принято также считать, что Япония преуспела в решении этой проблемы и немалую роль в этом успехе сыграла ставка на развития гражданской атомной энергетики. Однако в XXI в. именно то направление ТЭК, которое стало источником энергетической стабильности и успеха в решении ряда проблем с нехваткой собственных запасов энергии, породило новый виток проблем в отрасли. Во второй декаде XXI в. ситуация в японском ТЭК значительно усугубилась из-за аварии на атомной электростанции «Фукусима-1» и последующего выбытия из строя практически всех атомных мощностей страны. Это снова привело к обострению ситуации в японском энергетическом секторе. Справляться с кризисом необходимо было с помощью новых инструментов и механизмов, поэтому возникла потребность в новых подходах к реализации национальной энергетической политики, переосмыслению ее базового фундамента и трактовки понятия национальной энергетической безопасности. Второе десятилетие нового века прошло под эгидой обозначившейся необходимости в пересмотре японской энергетической политики.

Следует отметить, что объективные сложности функционирования японского ТЭК, а также его впечатляющие технологические достижения уже не раз оказывались в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей. Немало работ посвящено последствиям «нефтяных шоков» 1970-х гг. и аварии на АЭС «Фукусима» для японской экономики. В настоящей работе будет проведено комплексное сопоставление изменений японской энергетической политики после двух рассматриваемых кризисов – изменений целей и задач функционирования японского ТЭК в 1970-е и 2010-е годы, их сходств и различий. Постараемся критически осмыслить тот факт, что в условиях современного энергетического кризиса Япония не сочла рациональным отказ от атомной генерации и пошла по пути совершенствования и повышения эффективности и безопасности уже широко используемых источников энергии.

За минувшие 10 лет в Японии не произошло технической революции в области энергетики. Автор не разделяет чрезмерно оптимистических оценок и аналогий, что подобно тому как природный газ смог в последние десятилетия XX столетия нивелировать высокое потребление нефти в Японии, так и возобновляемые источники энергии смогут компенсировать сокращение использования атомной генерации. На развитие альтернативных источников энергии действительно возлагаются большие надежды, однако это все еще весьма дорогостоящий способ производства электроэнергии, не получивший широкого и всеобъемлющего применения во всех сегментах промышленности и транспорта.

Целью исследования является сопоставление задач и приоритетов энергетической политики Японии после кризисов 1970-х годов и спустя 40 лет – после возникновения текущего кризиса. *Исследовательский вопрос* работы сфокусирован на том, насколько эффективно и оперативно Японии удалось сформулировать и реализовать новые действенные подходы по выходу из энергетического кризиса, развернувшегося после 2011 г. (вызванного внутренними, эндогенными факторами), и модернизации национального ТЭК, по сравнению с антикризисными мерами, предпринятыми в области трансформации энергетической политики после энергетического кризиса 1970-х годов (вызванного факторами экзогенного характера). Десять лет, прошедших после аварии на АЭС «Фукусима-1», представляются достаточным сроком, чтобы проводить комплексный анализ посткризисной энергетической политики японских властей. В качестве фактологической базы исследование опирается на официальные материалы Агентства природных ресурсов и энергетики при Министерстве экономики, торговли и промышленности Японии, Международного агентства возобновляемой энергетики, Японского атомного промышленного форума.

Об особенностях ситуации в современной японской энергетике

Япония является одним из наиболее значительных представителей стран-импортеров энергоресурсов в мире. Весьма низок уровень самообеспеченности страны энергетическими ресурсами: 9,6% в 2017 г. [16]. Это составляет угрозу национальной энергетической безопасности и японские власти стремятся сформулировать и проводить такую энергетическую стратегию и политику, которая бы способствовала нивелированию рисков, порожденных нехваткой энергетических ресурсов и необходимостью их масштабно импортировать.

Япония ввозит 99,7% потребляемой сырой нефти, 97,5% сжиженного природного газа (СПГ) и 99,3% угля. Большие возможности в области генерации электроэнергии долгое время помогали Японии успешно компенсировать опасно высокую зависимость от импорта зарубежных углеводородов. Так, в 2010 г., накануне атомной аварии, уровень самообеспеченности страны энергией составлял 20,3%. Самая критическая точка «падения» этого показателя пришлось на 2014 г. – 6,4% [16]. Вклад АЭС в электрогенерацию составлял порядка одной трети, поэтому их массовая остановка ощутимо сказалась на объемах производства электричества. В первые годы после фукусимской трагедии японское общество терзали споры и дискуссии, закрыть ли навсегда все атомные станции или постепенно возвращать в эксплуатацию технически исправные станции. В итоге был выбран второй сценарий: в эксплуатацию ввели реакторы Гэнкай-3 и 4, Иката-3, Ои-3 и 4, Сэндай-1 и 2, Такахама-3 и 4 [11]. Подача заявок на введение в эксплуатацию, а также строительство новых АЭС (Ома, Симанэ-3) продолжилось. Это демонстрирует, что после 2011 г., оказавшись перед необходимостью пересмотра концептуальных основ энергетической политики и после многолетних колебаний, страна все же не смогла полностью свернуть использование атомной энергии, хотя планы по развитию атомной индустрии были значительно скорректированы. Еще в 2010 г. планировалось увеличить долю атомной генерации в структуре первичного энергобаланса с 10 до 24% и с примерно трети до 53% в суммарном производстве электроэнергии (за счет строительства 9 новых энергоблоков к 2020 г. и 16 блоков к 2030 г.) [3, с. 88]. Стратегический план по энергетике 2014 г. не декларировал принципиального отказа от «мирного атома», однако отмечал, что применение его следует по возможности сокращать, тогда как возобновляемые источники нужно внедрять шире и увеличить их использование до 20% электрогенерации [9]. Это был весьма осторожный и взвешенный шаг в области пересмотра национальной энергетической политики в ответ на разразившийся кризис.

Энергетические кризисы в новейшей истории Японии и вызванные ими проблемы

Острая нехватка собственных запасов углеводородного топлива делает энергетическую ситуацию в Японии перманентно кризисной, что требует постоянного антикризисного управления. На этом фоне за минувшие полвека Японии довелось столкнуться с двумя критическими ухудшениями относительно стабильной энергетической ситуации. Налаженная модель функционирования национального топливно-энергетического комплекса давала сбой и требовалась ее кардинальная смена. Под угрозой оказывался экономический рост и благополучное индустриальное функционирование.

И «нефтяные шоки» 1970-х годов, и энергетический кризис, охвативший страну вследствие аварии на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. стали мощнейшей встряской для энергетического сектора и обнажили его уязвимость и несовершенство. С тяжелыми последствиями кризиса 1970-х годов в течение последующего десятилетия Японии удалось справиться относительно успешно. Относительно – так как освободиться от опасно высокой зависимости от импорта ближневосточной нефти так и не удалось, несмотря на последовательные усилия по диверсификации источников импорта; но все же успешно – ввиду рационального переноса акцента на технологические аспекты развития энергетики. Развитие атомной энергетики сыграло огромную позитивную роль в преодолении последствий энергетического кризиса 1970-х годов. Было создано отечественное реакторостроение, развивалась область гражданской ядерной энергетики и, в целом, электрогенерации. Также большое внимание уделялось расширению применения природного газа, в том числе в сжиженной форме (СПГ), в качестве субститута слишком сильно и стремительно подорожавшей на мировых рынках нефти.

Энергетический кризис 1970-х годов произошел, когда ВВП страны рос на 11% в год, а промышленное производство – на 16%, активно развивались энергоемкие отрасли, что предопределяло высокое энергопотребление и высокий уровень энергоемкости экономики. В 1960–1970-е годы потребление нефти в Японии ежегодно увеличивалось в среднем на 17,4% [1, с. 8–10]. Но, как и многие другие страны, Япония в те годы могла позволить себе энергозатратную модель индустриального развития: нефть на мировых рынках стоила относительно недорого и обладала высокими теплотворными характеристиками.

В 1970-е годы многие факторы международных отношений изменились: стремление ТНК монополизировать ресурсы, желание нефтедобывающих стран максимизировать прибыль от них, усугубление политических противоречий разных групп стран на мировой арене.

В результате разразились энергетические кризисы, и в Японии они ощущались особенно остро. Весь механизм прежнего экономического роста утрачивал свою рентабельность и экономическую эффективность. Поэтому уже после первого «нефтяного шока» 1973 г. Япония меняет подход к вопросам энергетического потребления. В качестве приоритетных направлений декларируется снижение энергоемкости промышленности, повышение энергоэффективности и энергосбережения. Ставится целью снижение зависимости от импорта нефти, в целом, и из стран Ближнего Востока, в частности. Если с первыми задачами удалось справиться успешно, то свернуть нефтяную торговлю со странами Персидского залива оказалось невозможно. Несмотря на соседство с богатой нефтью Россией и выход на африканские нефтяные рынки, и даже несмотря на некоторое снижение доли ближневосточной нефти в структуре японского нефтяного импорта, Ближний Восток удерживает позиции крупного поставщика в Японию «черного золота».

После кризиса 1970-х годов в Японии впервые в современном понимании формулируется понятие «национальная энергетическая безопасность». Оно фокусируется на надежном, бесперебойном и стабильном обеспечении страны энергоресурсами. Речь идет об импорте энергоресурсов – причем правительство поддерживает приобретение долей в зарубежных месторождениях японскими компаниями. Производство электроэнергии – то есть выработка собственной энергии – также входит в число приоритетных задач.

Стремясь исправить пагубное воздействие первого крупного энергетического кризиса, после 1970-х годов Япония смогла найти для себя качественно новый путь развития национальной энергетики. Был совершен рывок в модернизации энергетической инфраструктуры, практически «с нуля» создавались новые направления и отрасли энергетической индустрии. Активно шло создание новейших и высокотехнологичных энергетических систем и внедрение системных инноваций. После кризисов 1970-х годов японский ТЭК существенно видоизменился и трансформировался, и существенного рывка в энергетике удалось добиться во многом за счет понимания и четкого видения, в каком направлении и как нужно реализовывать масштабные и глубокие трансформации отрасли. Нарботанная научно-техническая и технологическая база делала намеченные изменения возможными.

Ключевыми направлениями новой энергетической политики Японии после 1970-х годов становятся разработка новых источников энергии, а также развитие энергетических технологий и повышение энергоэффективности и энергосбережения. В числе приоритетных программ энергетических НИОКР были: Sunshine Project (развитие солнечной и геотермальной энергии) 1974 г. и Moon Light (энергос-

берегающие технологии, повышение энергоэффективности) 1977–1978 гг. Практические результаты их реализации заключались в проектировании и строительстве солнечных электростанций, создании солнечных батарей, развитии фотогальваники. Этот период характеризовался строительством геотермальных станций, началом использования нагретого грунта, вулканического пепла и энергии морских волн для производства электроэнергии. Исследовались возможности создания водородного топлива, разрабатывались способы газификации угля [5, с. 134]. Таким образом, активно продвигаемое сейчас в Японии развитие альтернативных источников энергии было начато еще в 1970-е годы. Однако остается дискуссионным вопрос, насколько «зеленая» энергетика за почти полвека эволюции смогла стать рентабельной и пригодной для повсеместного внедрения (так называемый «энергетический переход»).

Исследования в области атомной энергетики были еще одним важным направлением японских энергетических НИОКР. Эта отрасль рассматривалась как технологический прорыв, высокотехнологичное, кардинальное решение проблем обеспечения страны энергией. Оно продемонстрировало, что ресурсы технологий и капитала смогли нивелировать и отчасти заменить отсутствующие запасы ископаемого топлива. К 1978 г. был построен 21 атомных реактор суммарной мощностью 11,5 млн кВт. Япония превращалась в одного из лидеров мирового атомного машиностроения, что является результатом технологических достижений в этой отрасли и показало ее востребованность и конкурентоспособность в мире.

Таким образом, энергетический кризис 1970-х годов стимулировал в Японии масштабный технологический прорыв по широкому спектру разных, но взаимодополняющих направлений энергетики: атомная отрасль, возобновляемые источники энергии, энергоэффективность и энергосберегающие технологии. Разработки по этим программам велись и раньше, в том числе, в виде технологических заимствований и адаптаций зарубежных разработок, однако именно острый кризис в энергетической сфере, обнаживший уязвимость национальной энергетики, стимулировал их ускоренную практическую реализацию. Уже в течение первого десятилетия после кризиса Япония смогла эффективно отразить удар, нанесенный извне по ее экономике и энергоснабжению, и выйти на качественно новый, более высокий уровень в функционировании ТЭК. Ниша, занимаемая страной на глобальном энергетическом рынке, коренным образом трансформировалась: из импортера энергоресурсов и энергетических технологий она превратилась также в одного из лидеров мировой атомной промышленности и одного из самых конкурентоспособных экспортеров современных энергосистем.

В 2011 г. страна столкнулась с новым масштабным энергетическим кризисом. Он был порождением природных и внутренних техногенных проблем. Быстро и эффективно противостоять внутренней проблеме оказалось сложнее, чем внешней – слишком велика цена ошибки и неправильных решений на «своей территории». Новый кризис на несколько лет парализовал японское общество в трудных дискуссиях относительно будущих траекторий развития ТЭК. Следует признать, что в 2011 г. готового нового технологического прорыва в энергетике, как в 1970-х годов, в Японии не было. Появились ли признаки новых технологических прорывов спустя 10 лет после аварии на «Фукусиме» – вопрос также весьма неоднозначный.

Цели и задачи национальной энергетической политики Японии после 2011 г.

Авария на «Фукусиме-1» показала несостоятельность планов по развитию национальной энергетики, обозначенных в 3-м Стратегическом плане по энергетике от 2010 г. В этом документе на атомную энергетику возлагались большие надежды по повышению уровня национальной самообеспеченности энергией. Планировалось строить новые реакторы и сделать атомную генерацию одним из основных источников электроэнергии. Стоимость генерируемого АЭС электричества была рентабельной. К тому же ядерная энергия считалась одним из самых экологически чистых способов производства энергии, практически без выбросов углекислого газа в атмосферу. Однако оптимистичные подходы не учитывали огромного экономического, экологического и даже гуманитарного ущерба от возможного радиационного загрязнения. Японская комиссия по атомной энергии сразу после аварии оценила ущерб от нее в 74 млрд долл [6]. Это сопоставимо с общим объемом запланированных капиталовложений в развитие атомной сферы до 2030 г. Авария на «Фукусиме» показала, что если ситуация на атомном объекте развивается по неблагоприятному сценарию, ущерб для общества становится долгосрочным и огромным. Так 10 лет назад в Японию пришло понимание, что при всех неоспоримых достоинствах энергия атома по-прежнему таит в себе немало рисков для человека и общества. Страна, некогда пострадавшая от ядерного оружия и впоследствии не побоявшаяся широкого внедрения программ гражданской атомной энергетики, вновь ощутила опасность этой тонкой материи. От властей требовался новый план действий и решение по дальнейшей судьбе «мирного атома» в Японии.

Только к 2014 г. удалось согласовать четвертый стратегический план по энергетике. Будущее атомной генерации было основным «камнем преткновения»: в основном японское общество противилось запу-

ску атомных станций. Однако промышленно-экономические круги и влиятельная Федерация экономических организаций («Кэйданрэн») настаивали, что отказ от АЭС нанесет чрезмерный ущерб национальной экономике и в настоящее время нет другого источника энергии, который бы производился в стране, был достаточно дешевым, экологически чистым и мог бы полноценно заменить атомную генерацию. В итоге в 2014 г., когда использование атомной энергии в Японии достигло нулевой отметки, рациональные доводы перевесили опасения. Новый стратегический план по энергетике на период до 2018–2020 гг. не провозглашал полного отказа от атомной генерации, но заявлял необходимость минимизировать зависимость от нее [13, с. 4]. Примечательно, что в документе власти прямо признают, что быстрого решения проблем энергетики ожидать не следует: «Нелегко найти ответ на вопрос, как создать оптимальную структуру спроса и предложения на энергоресурсы. Решение может быть найдено только путем детального анализа ситуации, необходимо прилагать стратегические, прагматичные усилия. Не следует ожидать чуда, рассчитывая, что бессистемный подход к энергетической политике поможет отыскать правильные решения» [13, с. 6]. Эти заявления в какой-то степени говорят о том, что сейчас не нужно делать ставку на революционную модель развития технологий в сфере энергетики, как это было после энергетических кризисов 1970-х гг.

Стратегический план по энергетике 2014 г. возлагал определенные надежды на сланцевый природный газ: «становится понятно, что сланцевые залежи углеводородов, разработка которых началась в США, могут серьезно изменить структуру предложения на мировом рынке ископаемого топлива» [13, с. 14]. Также надежды в контексте возможного технологического прорыва японской энергетики возлагаются на довольно успешно в последние годы внедряемые возобновляемые источники энергии, однако их повсеместное использование в максимально широком спектре отраслей промышленности и сегментов транспорта все еще затруднен. Не созданы самолеты, работающие на энергии солнца или ветра, по мировому океану не ходят суда и танкеры, заряжающиеся и питающиеся от энергии воды, волн, приливов и отливов. Да и электромобили ходят лишь там, где для их движения построена соответствующая инфраструктура. Возобновляемая энергетика даже сейчас, в начале третьего десятилетия XXI века, имеет серьезные технологические ограничения использования, а кроме того, экономически менее эффективна, чем некоторые другие способы производства электроэнергии. По этой причине, критически оценивая сложившуюся ситуацию, можно утверждать, что энергетический сектор Японии вряд ли в ближайшее время сможет выйти на более высокую формацию. Рассчитывать на скорые

и уже назревшие (как это было почти полвека назад) технологические прорывы, новые открытия, запуск в масштабное коммерческое производство принципиально новых способов производства энергии и направлений энергетики – в настоящее время не следует. При этом не следует расценивать это как признание японскими властями бессилия и бездействия. Минувшие 10 лет показали, что японская энергетика уже длительное время является одной из самых технологически передовых в мире и следует интенсивной модели технического развития. Это путь не революционный, как было в 1970-е годы после первых энергетических кризисов, а именно интенсивный, что подразумевает совершенствование, шлифовку, повышение эффективности показателей ТЭК. Особое внимание уделяется улучшению ценовых, теплотворных и экологических характеристик производства и использования энергии.

Влияние энергетических кризисов на восприятие энергетической безопасности

Оба рассматриваемых кризиса оказали серьезное воздействие на понимание важных аспектов энергетической безопасности. Кризис 2011 г. стал новой вехой в комплексном переосмыслении этого понятия. Если с 1970-х годов оно трактовалось преимущественно как бесперебойное, стабильное снабжение энергией из надежных источников в достаточных объемах, в последние 10 лет не меньшее внимание стали уделять физической безопасности объектов энергетики и энергетической инфраструктуры, ведь именно недостаточная безопасность АЭС привела к серьезной аварии. Подверглась пересмотру распространенная практика продления работы старых атомных станций. Продление эксплуатации еще исправных, но технически и морально устаревших реакторов позволяет экономить миллиардные капиталовложения на строительство новых реакторов, однако пример «Фукусимы-1» показал неоднозначность такого подхода. Данную АЭС запустили в 1971 г., в 2001 г. компания-оператор станции ТЕРСО получила разрешение на 10-летнее продление ее эксплуатации, а в 2011 г., накануне аварии, разрешение на работу станции было продлено еще на 10 лет [2].

Основополагающими принципами новой энергетической политики японские власти объявили приверженность формуле так называемых 3-х «Э»: энергетическая безопасность; экономическая эффективность; экология. Национальная энергетическая безопасность должна опираться на возобновляемые источники энергии и атомную генерацию, экономическая эффективность ТЭК – на атомную энергию и работающие на сжигании угля ТЭЦ (эти способы производства электричества наименее затратны). Для защиты экологии энергетический

сектор должен расширять использование атомной и возобновляемой энергии ввиду их нулевых выбросов парниковых газов.

Как и после кризисов 70-х годов, энергосбережение и достижение оптимально сбалансированной энергетической корзины – два основных «столпа» японской энергетической политики. Задача улучшать показатели энергосбережения не нова, так как именно успешное внедрение антикризисных мер в 1970-е годы вселяет уверенность в правильности этого подхода и сейчас. Ожидается, что к 2030 г. энергосбережение поможет уменьшить потребности в производстве электричества на 17%. Это позволит нивелировать недостаток загруженности АЭС. Меры энергосбережения предполагают строительство и реновацию зданий и домов в соответствии с передовыми стандартами экономии энергопотребления, замену оборудования на более энергоэффективное, развитие инновационных технологий. С 2005 г. продолжается внедрение общественных проектов Cool-Biz и Warm-Biz, которые пропагандируют уменьшение использования кондиционеров и обогревателей воздуха за счет адаптации делового дресс-кода и повседневной одежды к температурным условиям. [7, с. 3]. По расчетам властей, все эти меры к 2030 г. позволят достичь уровня самообеспеченности энергией в 24,3% [8, с. 6].

Расширение коммерческого использования возобновляемых источников энергии в будущем могло бы стать, пожалуй, ключевым «революционным» направлением в новой японской посткризисной энергетике. С точки зрения обеспечения энергетической безопасности они прекрасно подходят для этой функции. Однако возобновляемым источникам энергии необходимо преодолеть имеющиеся сейчас объективные ограничения своего повсеместного всеобъемлющего внедрения – и ценовые, и технологические. О технологическом прорыве возобновляемой энергетики можно будет говорить, например, когда получат распространение не только ограничено (в основном, в «умных» городах) используемые электромобили, но все основные существующие средства транспорта смогут свободно и безопасно их применять в своем коммерческом функционировании.

Как и атомная энергетика, сфера возобновляемых источников энергии весьма высокотехнологична. Запланированное двукратное увеличение их удельного веса в энергетической корзине требует не только административных мер популяризации и расширения их коммерческого использования («зеленые тарифы»), но непрерывного технологического усовершенствования. В Японии есть это понимание: в 2016 г. Совет по науке, технологиям и инновациям подготовил Национальную энергетическую и экологическую стратегию в области технологических инноваций до 2050 г. Она гласит, что разработка инновационных технологий для масштабного сокращения выбросов в атмосферу парниковых газов, особенно углекислого газа, для противодействия

глобальному потеплению климата – один из приоритетов на указанный период [10, с. 2]. Будут развиваться технологии интеграции энергосистем для оптимизации распределения энергии и обеспечения стабильных соединений между объектами выработки электроэнергии и конечными потребителями. Интеллектуальные энергосистемы и «умные сети» – одно из ключевых направлений развития японских энергетических технологий в будущем, и возобновляемые источники в этих программах «умных энергосистем» будут активно задействованы. Автоматизированные программные комплексы на основании сбора информации от всех участников и промежуточных элементов «умной энергосистемы» смогут максимально эффективно распределять имеющуюся энергию между потребителями, будут обеспечивать стабильное функционирование энергосети и даже регулировать технические аспекты процесса (частота и напряжение). «Умная сеть» будущего будет устанавливать соединения между потребителями и генерирующими энергию источниками с «околонулевыми» выделениями углекислого газа. Это одно из самых востребованных направлений развития энергетических технологий в Японии и в мире, воплощающее извечную мечту человечества о роботизированном будущем. Это в полной мере отражает актуальные тенденции так называемой «промышленной революции 4.0», разворачивающейся в мире и в Японии. Вместе с тем, следует признать, что еще до «атомного кризиса» 2011 г. Япония занималась подобными разработками. Так, в 2009 г. компания Mitsui Fudosan была привлечена к участию в проекте китайско-сингапурского экогорода в Тяньцзине. В Японии есть оснащенный локальной системой энергоменеджмента (Area Energy Management System) «умный город» Кашивано-ха – он заселен и обладает социальной инфраструктурой. В городе используется солнечная и ветровая электрогенерация. Транспорт представлен электромобилями, электроскутерами и велосипедами, и при чрезвычайных ситуациях электрические транспортные средства могут «делиться» электричеством [12]. Разработка нового поколения силовой электроники в Японии уже приносит свои плоды, позволяет эффективно преобразовывать электроэнергию, управлять ею и получать большие объемы электроэнергии.

В 2018 году был принят *5-й стратегический энергетический план*. В нем акцент был сделан на продолжении начавшегося в 2016 г. реформировании сектора электроэнергетики, в частности – законодательного разгруппирования предприятий, которое может привести к разукрупнению сложившейся монопольной системы региональных операторов электрогенерирующих объектов. Реформа уже начала давать результаты, связанные со снижением тарифов на электроэнергию. Также в 2017 г. на рынок вышли новые производители и поставщики, вследствие чего объем продаж, по разным оценкам, возрос от 5 до 12% [14, с. 82].

5-й стратегический план также интересен разделением целей развития ТЭК на период до 2030 г. и 2050 г. [15] (см. табл. 1).

Таблица 1

Задачи развития энергетики Японии к 2030 г. и 2050 г.

2030 г.	2050 г.
Снизить выбросы парниковых газов на 26%	Снизить выбросы парниковых газов на 80%
Заложить основы использования возобновляемых источников энергии как основного источника электроэнергии. Снижать себестоимость.	Использовать возобновляемые источники как основной источник электроэнергии, экономически эффективный и чистый
Возобновить работу АЭС и работать над повышением стандартов безопасности. При этом снижать зависимость от атомной генерации	Атомную энергию рассматривать как один из способов декарбонизации. Использовать самые безопасные реакторы
В сегменте ископаемого топлива: развивать проекты по добыче углеводородов, эффективно использовать тепловую генерацию, разработать меры противодействия чрезвычайным ситуациям	В сегменте ископаемого топлива: делать ставку на ресурсную дипломатию. Электроэнергия должна стать основным источником энергии в переходном периоде. Переход на использование природного газа, отказ от неэффективного угля. Декарбонизация.
Повышать энергоэффективность, разрабатывать технологии водородной энергетики, накопления электроэнергии, систем распределения энергии	Повышать энергоэффективность отопления, транспортных средств, распределения энергии. Разработка нового поколения возобновляемых источников энергии, микро сетей

Источник: составлено автором по: 5h Strategic Energy Plan, Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan

В числе задач на период до 2050 г. названа «декарбонизация», то есть создание «низкоуглеродного общества». Эта концепция подразумевает построение новой модели общества с высоким экологическим сознанием, которое стремится через уменьшение спроса на энергоресурсы и снижение удельной энергоемкости ВВП к постепенному отказу от использования ископаемого топлива. Однако этот долгосрочный вектор был сформулирован отнюдь не в минувшее десятилетие. Цель создания низкоуглеродного общества была обозначена еще в связи с обязательствами Японии по Киотскому протоколу [4, с. 93–94]. Таким образом, японское общество систематично развивает и модернизирует сферу энергетики. Не фрагментарно, от случая к случаю и только после кризисов, а именно систематично, постепенно

и последовательно ведется работа над технологическими инновациями в этой области, и уже не одно десятилетие японский ТЭК находится на высоком, передовом в глобальном масштабе уровне. С другой стороны, очевиден вывод, что после возникновения кризиса 2011 г. Японии оказалось труднее продемонстрировать высокотехнологичные инновационные прорывы как быстрый ответ на энергетический кризис, как это происходило после «нефтяных шоков» 1970-х годов. Революционных изменений в японской энергетике в средне- и долгосрочной перспективе ожидать, вероятно, не следует. Развитие имеет планомерный и поступательный характер, ставит целью интенсивное совершенствование уже имеющихся технологических подходов. Особую актуальность представляет задача охраны экологии и развитие возобновляемых источников энергии при неготовности страны отказаться от атомной генерации. Однако ставку на ядерную энергию в Японии сейчас уже не делают. Впрочем, успешное или, наоборот, недостаточно успешное внедрение возобновляемых источников может в будущем скорректировать этот подход. В этом отношении японские власти показывают регулярную готовность актуализировать повестку энергетической проблематики. Так, осенью 2020 г. новый японский премьер-министр Ёсихидэ Суга объявил о намерении к 2050 г. создать в Японии полностью «углеродно-нейтральное» общество – то есть сократить выбросы в атмосферу не на 80% (см. табл. 1), а на 100%. На этом должно базироваться устойчивое экономическое развитие. Эта задача представляется весьма амбициозной, но и она сама по себе не нова: ЕС и Великобритания уже установили для себя аналогичные цели; Китай намерен стать безуглеродным к 2060 г.

Заключение

Наступивший 2021 г. для Японии – непростая памятная дата. 10 лет прошло с тех пор, как страна столкнулась со вторым крупнейшим в своей современной истории энергетическим кризисом. Как было показано выше, рассмотренные два кризиса имели разную природу: в 1970-х годов им был присущ экзогенный характер, тогда как кризис 2011 г. произошел внутри страны, в самом сердце национальной энергетике, и был эндогенным. Оба кризиса вышли за пределы относительно узкого сегмента, в котором зародились (нефтяной и атомной индустрии), их последствия оказались структурными и охватили весь японский ТЭК. Они обнажили недостаточную эффективность и уязвимость японской энергетике, продиктовали необходимость модернизации. Япония встала на путь революционной модели развития энерготехнологического развития, что в определенной степени было подготовлено уже имевшимися наработками в сфере энергетике, тех-

нологическими заимствованиями и адаптацией зарубежного опыта. В итоге в стране произошел технологический прорыв в разных областях ТЭК. Развитие гражданской атомной энергетики, интенсификация использования природного газа для частичной замены нефти, повышение энергоэффективности и энергосбережения, начало разработок возобновляемых источников энергии.

За минувшие 10 лет после кризиса 2011 г. аналогичного тотального обновления японского ТЭК не произошло. Не наблюдалось появления новейших сегментов энергетики и кардинально новых способов получения энергии. Наоборот, была подтверждена эффективность атомной генерации с ее относительно низкой стоимостью вырабатываемой электроэнергии и нулевыми выделениями парниковых газов. Власти страны стремятся частично заместить атомную генерацию в энергетической корзине страны возобновляемыми источниками, однако в технологическом и ценовом аспекте последние пока не могут превзойти в конкурентоспособности атомную и топливную энергетику. Так, пока нет технологий, которые могли бы обеспечить широкое коммерческое внедрение, например, самолетов, передвигающихся за счет энергии солнца или ветра, судов и танкеров, бороздящих пространства Мирового океана, работая на энергии морских волн, приливов, отливов, гидроресурсов. Возобновляемые источники в технологическом аспекте не могут обеспечить высокую надежность и безопасность работы этих средств транспорта, поэтому пока не произошло технологического прорыва, вряд ли они полноценно и повсеместно смогут заменить другие источники энергии.

Развитию новой энергетики будущего и защите экологии во многом способствуют программы так называемых «умных энергосистем», отвечающих таким актуальным параметрам, как экологичность, высокотехнологичность, экономическая эффективность и безопасность.

Энергетические кризисы в Японии привели к актуализации понятия «энергетической безопасности». В 1970-е годы была разработана базовая трактовка энергобезопасности. Япония как страна-импортер энергии рассматривала ее как стабильное, бесперебойное и достаточное обеспечение энергоресурсами из надежных источников. Недопущение энергетического дефицита было основой понимания энергобезопасности. После 2011 г. первостепенное значение приобретает безопасность объектов энергетики и энергетической инфраструктуры.

В последнее десятилетие энергетика Японии развивается по интенсивной модели. При отсутствии стремительных, радикальных и революционных энерготехнологических прорывов, тем не менее, происходит улучшение показателей экономической, экологической и технологической эффективности работы японского ТЭК.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов А.Н.* Япония: поиски решения энергетической проблемы. М., 1986.
2. Катастрофа на АЭС «Фукусима-1» произошла из-за конструктивного дефекта / Ведомости, 03.07.2011. www.vedomosti.ru/politics/articles/2011/07/04/reaktor_syurprizom (дата обращения: 23.03.2020).
3. *Мищенко Я.В.* Глобальный аспект атомной энергобезопасности (на примере Японии после аварии на АЭС «Фукусима-1») / Век глобализации. 2019. № 2(30). С. 87–96.
4. *Стрельцов Д.В.* О концепции «низкоуглеродного общества» / Япония: экономика и общество в океане проблем. М.: Восточная литература, 2012. С. 93–104.
5. *Ульяничев С.С.* Энергетика Японии: экономические проблемы развития. М.: Наука, 1981.
6. Ущерб от аварии на АЭС «Фукусима-1» оценили в 74 млрд долларов / РИА Новости, 13.10.2011. ria.ru/jpquake_nuclear/20111013/458086938.html (дата обращения: 22.03.2020).
7. Japan's Energy Plan / Agency for Natural Resources and Energy, Ministry of Economy, Trade and Industry, Japan. 2015. P. 3. www.enecho.meti.go.jp/en/category/brochures/pdf/energy_plan_2015.pdf (accessed: 23.03.2020).
8. Long-term Energy Supply and Demand Outlook / Ministry of Economy, Trade and Industry, 07.2015. P. 6. www.meti.go.jp/english/press/2015/pdf/0716_01a.pdf (accessed: 24.03.2020).
9. Multi scenario approach for long-term energy transition in Japan / International Renewable Energy Agency (IRENA), 12.2018. www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Webinars/181220_LTESwebinar_Japan.pdf?la=en&hash=953D39FF875584A4B309A79EA0C6C135124DC3A (accessed: 21.03.2020).
10. National Energy and Environment Strategy for Technological Innovation towards 2050 / Council for Science, Technology and Innovation, 19.04.2016, p. 2. www8.cao.go.jp/cstp/nexti/honbun_e.pdf (accessed: 24.03.2020).
11. NPPs in Japan / Japan Atomic Industrial Forum (JAIF). www.jaif.or.jp/en/npps-in-japan (accessed: 01.03.2020).
12. Sakurai Yoshito Smart Grid Implementations. Case of Japan. International Telecommunication Union, 15-18.09.2015. www.itu.int/en/ITU-D/Regional-Presence/AsiaPacific/Documents/Session%2012%20Smart%20Grid%20Case%20of%20Japan.pdf (accessed: 25.03.2020).
13. Strategic Energy Plan, Agency for Natural Resources and Energy, Ministry of Economy, Trade, and Industry of Japan. 04.2014. www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/pdf/4th_strategic_energy_plan.pdf (accessed: 22.03.2020).
14. Strategic Energy Plan / Ministry of Economy, Trade and Industry, 07.2018. www.meti.go.jp/english/press/2018/pdf/0703_002c.pdf (accessed: 26.03.2020).
15. 5th Strategic Energy Plan / Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/5th/pdf/strategic_energy_plan_outline.pdf (accessed: 26.03.2020).
16. 2019 – Understanding the current energy situation in Japan (part 1) / Agency of Natural Resources and Energy, Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan, 13.08.2019. www.enecho.meti.go.jp/en/category/special/article/energyissue2019_01.html (accessed: 01.03.2020).

REFERECES

1. *Avanesov A.N.* Japan: finding a solution to the energy problem. M., 1986. (In Russ.)
2. The disaster at the Fukushima-1 nuclear power plant occurred due to a design defect / *Vedomosti*, 03.07.2011. www.vedomosti.ru/politics/articles/2011/07/04/reaktor_s_syurprizom (accessed: 23.03.2020). (In Russ.)
3. *Mishchenko Y.V.* The global aspect of nuclear energy security (on the example of Japan after the accident at the Fukushima-1 nuclear power plant») / *Age of Globalization*. № 2(30). 2019. P. 87–96. (In Russ.)
4. *Streltsov D.V.* On the concept of a “low-carbon society” / *Japan: Economy and Society in the Ocean of Problems*. M., Oriental literature, 2012. P. 93–104. (In Russ.)
5. *Ulyanichev S.S.* Japan’s energy sector: economic problems of development. M.: Science, 1981. (In Russ.)
6. The damage from the accident at the Fukushima-1 nuclear power plant was estimated at \$ 74 billion / *RIA Novosti*, 13.10.2011, ria.ru/jpquake_nuclear/20111013/458086938.html (accessed: 22.03.2020). (In Russ.)
7. Japan’s Energy Plan / Agency for Natural Resources and Energy, Ministry of Economy, Trade and Industry, Japan. 2015. P. 3. www.enecho.meti.go.jp/en/category/brochures/pdf/energy_plan_2015.pdf (accessed: 23.03.2020).
8. Long-term Energy Supply and Demand Outlook / Ministry of Economy, Trade and Industry, 07.2015. P. 6. www.meti.go.jp/english/press/2015/pdf/0716_01a.pdf (accessed: 24.03.2020).
9. Multi scenario approach for long-term energy transition in Japan / International Renewable Energy Agency (IRENA), 12.2018. www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Webinars/181220_LTESwebinar_Japan.pdf?la=en&hash=953D39FF875584A4B309A79EA0C6C135124DC3A (accessed: 21.03.2020).
10. National Energy and Environment Strategy for Technological Innovation towards 2050 / Council for Science, Technology and Innovation, 19.04.2016, p. 2. www8.cao.go.jp/cstp/next/honbun_e.pdf (accessed: 24.03.2020).
11. NPPs in Japan / Japan Atomic Industrial Forum (JAIF). www.jaif.or.jp/en/npps-in-japan (accessed: 01.03.2020).
12. Sakurai Yoshito Smart Grid Implementations. Case of Japan. International Telecommunication Union, 15-18.09.2015. www.itu.int/en/ITU-D/Regional-Presence/AsiaPacific/Documents/Session%2012%20Smart%20Grid%20Case%20of%20Japan.pdf (accessed: 25.03.2020).
13. Strategic Energy Plan, Agency for Natural Resources and Energy, Ministry of Economy, Trade, and Industry of Japan, 04.2014. www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/pdf/4th_strategic_energy_plan.pdf (accessed: 22.03.2020).
14. Strategic Energy Plan / Ministry of Economy, Trade and Industry, 07.2018. www.meti.go.jp/english/press/2018/pdf/0703_002c.pdf (accessed: 26.03.2020).
15. 5h Strategic Energy Plan / Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/5th/pdf/strategic_energy_plan_outline.pdf (accessed: 26.03.2020).
16. 2019 – Understanding the current energy situation in Japan (part 1) / Agency of Natural Resources and Energy, Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan, 13.08.2019. www.enecho.meti.go.jp/en/category/special/article/energyissue2019_01.html (accessed: 01.03.2020).

ABOUT THE AUTHOR

Mishchenko Yana Vadimovna – Candidate of Economic Sciences, Senior Scientific Associate of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Senior Lecturer of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
yanamishchenko@gmail.com

10 YEARS AFTER THE ACCIDENT AT THE FUKUSHIMA NUCLEAR POWER PLANT: ENERGY CRISES IN THE RECENT HISTORY OF JAPAN AND WAYS TO OVERCOME THEM

The article examines the sharpest energy crises in the modern history of Japan and their role in rethinking of the energy policy. The article considers two of the largest energy crises – the "oil shocks" of the 1970s and the "nuclear crisis" of 2011. They arose in different energy sectors, one was external, exogenous (caused by the actions of OPEC), and the other was internal, endogenous (an accident in Japan), but both of them exposed the vulnerability of the Japanese fuel and energy complex and led to a rethinking of energy policy. The article examines how Japan has transformed the current energy strategy over the past 10 years and to what extent it has managed to formulate and implement new effective approaches to overcoming the energy crisis — at present and after the crises of the 1970s, attention is paid to the question of how the approaches to the interpretation of the concept of national energy security changed after the energy crises.

Keywords: *Japan, energy, energy crisis, nuclear energy, renewable sources, energy policy, energy self-sufficiency.*

JEL: O47, O53, O57.

Р.Х. СИМОНЯН

профессор, доктор социологических наук,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ЕС

(на примере программы «Коларктик 2014–2020»)

Проблема использования природных богатств Арктики становится одной из ведущих тем современного мирового политического и экономического дискурса. Среди государств арктической зоны Россия занимает наиболее выгодные географические позиции, также обладает значительным опытом изучения и освоения арктических ресурсов и успешной практикой международного сотрудничества с соседними приполярными государствами. В статье показано, что арктический вектор становится одним из значимых направлений стратегии социально-экономического развития России, в котором приграничное сотрудничество со странами Евросоюза, не подпадающее под антироссийские санкции, имеет для России важное хозяйственное значение. Кроме того, анализируется содержание и перспективы выполнения совместной программы России и Северных стран Европы «Коларктик 2014–2020».

Ключевые слова: арктическая зона, Северные страны Европы, санкционный режим, приграничное сотрудничество.

JEL: F42.

DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-125-140.

С конца XX в. интерес к Арктическому региону со стороны мирового сообщества стремительно возрастает, что объясняется в первую очередь природными богатствами региона. В 2009 г. в журнале Science была опубликована оценка энергетических ресурсов Арктики: 10 млрд т нефти, 1550 трлн кубометров природного газа. Уникальные минеральные богатства Арктического региона составляют чёрные и цветные металлы, редкие металлы и редкоземельные элементы, алмазы, оптическое сырьё, поделочные камни. Акватория Северного Ледовитого океана располагает большим количеством промысловой рыбы и морепродуктов.

К арктическому региону относятся пять государств – Россия, США, Канада, Норвегия и Дания¹, которые являются прибрежными государ-

¹ Дания выходит в арктические широты через свои самоуправляющиеся территории (Гренландию и Фарерские острова).

ствами Северного Ледовитого океана. Акватория последнего в значительной части представляет ледяную поверхность, уменьшающуюся в связи с глобальным потеплением.

Энергетические, минеральные и промысловые ресурсы арктического шельфа не только вызывают практический интерес каждого из пяти государств, претендующих на освоение этих ресурсов, но и определяют их важную стратегическую роль в масштабе глобальных рынков.

Разработка арктических природных богатств требует политической и экономической консолидации, тесного взаимодействия стран этого региона. В 1996 г. по инициативе Канады был создан Арктический совет, в который к пяти вышеуказанным вошли ещё три приарктических государства – Финляндия, Швеция и Исландия («Арктическая восьмёрка»). С этого времени началось сотрудничество арктических государств по сохранению и освоению ресурсов этого мега-региона, что открыло новые горизонты для его хозяйственного развития.

Россия в Арктике: правовые и хозяйственные аспекты

Процесс хозяйственного освоения природных богатств Арктики во многом обусловлен решением правовых международных вопросов. Еще в 1920-е годы Арктика была поделена на пять секторов ответственности между Россией, Норвегией, Данией, Канадой и США. Южной границей Арктического региона, территория которого составляет 21 млн кв. км., является Северный полярный круг, западные и восточные границы проходят вдоль меридианов, а условной северной границей является Северный полюс, где сходятся разделительные линии между секторами пяти государств. В настоящее время международно-правовой статус Арктики в полной мере четко не определен. Россия, Норвегия, Дания, Канада и США как прибрежные государства обладают наибольшими правами в рамках арктической зоны [1, с. 65–73]. При этом в общественном дискурсе этих стран признаётся, что существует целый ряд проблем, которыми невозможно заниматься в границах одного государства. В первую очередь это относится к проблемам экологии арктической зоны, состояние природной среды которой отличается особой чувствительностью к антропогенному воздействию. Хозяйственная деятельность в арктической зоне чревата экологическими проблемами, которые имеют не столько национальный, сколько международный характер. Так, возрастающий риск разливов нефти стал общей реальной угрозой из-за развития нефтегазовой промышленности и транспортной деятельности в Арктике. Разливы вблизи побережья, загрязняющие зоны тундры и лесотундры являются наиболее опасными, поскольку их последствия могут сказываться не только годами, но и десятилетиями [2].

Исключительную экологическую уязвимость арктического региона подтверждают многочисленные примеры. Эта особенность арктической зоны требует консолидации и сотрудничества как пяти прибрежных арктических государств, так и более широкого сообщества – «Арктической восьмёрки», в которую входят северные государства Земли.

Необходимость солидаризации арктических государств продиктована не только хозяйственными и экологическими, но и политическими факторами. В международной практике отмечается тенденция к снижению правовой значимости географического критерия для определения статуса арктической зоны. В русле этой тенденции природные богатства Арктики рассматриваются не столько в национальном, сколько в глобальном аспекте («кладовая планеты») [3, р. 10]. Прежде всего это касается позиции таких ведущих мировых держав как Япония, Великобритания, Индия. В еще большей мере эта позиция выгодна быстро набирающему экономическую мощь Китаю, для которого минеральные и энергетические ресурсы имеют первостепенное значение.² Можно предположить, что по мере истощения имеющихся неарктических минеральных и энергетических ресурсов тенденция признания принадлежности арктических природных богатств мировому сообществу будет возрастать.

В настоящее время существует два различных подхода к определению статуса арктического мега-региона. Первый, давно сложившийся, исходит из того, что приарктические государства в силу своего географического положения и исторических причин заявляют особые, преимущественные права на арктические сектора – географическое пространство, основанием которого служит побережье страны, а боковыми линиями – меридианы от Северного полюса до восточной и западной границ этого государства. При этом подходе Российская Федерация обладает арктическим сектором, площадь которого составляет около 9 млн кв. км, из которых 6,8 кв. км составляет морская акватория Северного Ледовитого океана.

Второй основывается на том, арктический мега-регион рассматривается в парадигме «открытого моря», акватория которого находится в равном пользовании всех стран. Этот подход приобретает актуальность в связи с таянием льдов, что расширяет водную часть арктического региона [4, с. 67].

В соответствии со статьей 77 Конвенции ООН по морскому праву, принятой в 1982 г., юрисдикция прибрежного государства распространяется только на шельф, а внешельфовая зона считается международной. Территориальными являются прибрежные воды на расстоянии не

² Сорокина Н. Схватка за Арктику: раздел Арктики станет началом нового передела мира // Российская газета. 03.08.2007. С. 4.

более 12 миль от береговой линии, а экономической зоной – 200-мильная зона с добавлением для континентального шельфа 150 миль, если будет доказано, что морское дно является продолжением берега. Таким образом Конвенция предоставляет прибрежным государствам суверенные права на разработку природных ресурсов в области своего континентального шельфа. При этом согласно статье 76 Конвенции, континентальный шельф прибрежного государства включает морское дно и недра «на всем протяжении естественного продолжения под водой сухопутной территории государства, вплоть до внешней границы окраины материка» [1].

В этой связи по решению Комиссии ООН с 2002 г. проводятся дополнительные исследования по определению принадлежности хребта Ломоносова, протянувшегося по дну Северного Ледовитого океана от российских Новосибирских островов до Канады и Гренландии, на который кроме России претендуют Канада и Дания. На основании этих исследований комиссия ООН в 2019 г. постановила, что внешняя граница хребта по геологической структуре аналогична континентальному шельфу России, но дискуссии продолжаются.

Из общей протяжённости южных арктических границ – 38,7 тыс. км – России принадлежит 22,6 тыс. км. (58,4%). Общая площадь арктических владений России составляет порядка 3 млн кв. км (18% всей территории РФ), в том числе 2,2 млн кв. км суши, где проживает около 2,4 млн человек. Это менее 2% населения России, но более 40% от общего населения всей арктической зоны. Арктическую зону России составляют 9 субъектов Федерации: Мурманская область, Архангельская область, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Красноярский край.

Для России, имеющей наиболее протяжённую прибрежную арктическую зону и обладающей Северным морским путём (СМП) – национальной транспортной коммуникацией, являющейся самым коротким путем между Европой и Азией – использование этих преимуществ имеет особое народнохозяйственное значение. Следует отметить динамику роста грузооборота СМП – главного транспортного коридора Арктики. По данным Росатома, которому принадлежит ледокольный флот, грузооборот СМП составил в 2016 г. 7,5 млн т, в 2018 г. – 20,2 млн т, в 2020 г. – 32,9 млн т. Глобальное потепление, вызывающее таяние льдов, открывает новые перспективы для развития судоходства по Северному морскому пути, что приводит к необходимости приобретения ледоколов с шириной не менее 50 м, позволяющих проводить большегрузные контейнеровозы. Нынешний флагман ледокольного флота СМП «Арктика» имеет ширину 34,5 м. Ширина других ледоколов, входящих в состав флота «Росатома», не превышает 30 м.

Еще большее народнохозяйственное значение для России имеет использование природных богатств Арктики. По оценкам различных экспертов, в арктической зоне сосредоточена подавляющая доля общероссийских и общемировых запасов, в том числе золота – 40%, нефти – 60%, газа – от 60 до 90%, хрома и марганца – 90%, платиновых металлов – 47%, коренных алмазов – 90%. Трудности освоения арктических природных богатств заключаются в том, что 84% их находятся на шельфе Северного Ледовитого океана и только 16% на сухопутной территории. Стоимость минерального сырья арктических недр превышает 30 трлн долл. США, причем две трети из них – это стоимость энергетических ресурсов. В настоящее время арктическая часть России обеспечивает 11,5% ее национального дохода, здесь создается 23% объема общероссийского экспорта [5, с. 3]. Долгосрочные планы по хозяйственному развитию России предусматривают более эффективное использование арктических ресурсов, что предполагает расширение приграничного сотрудничества с соседними государствами этого региона – Северными странами Европы.

Сотрудничество соседних государств – императив освоения Арктики

Совместная деятельность европейских стран по использованию природных ресурсов Арктики началась сразу после окончания холодной войны. Отношения с северными странами Европы сохраняли достаточно высокий уровень добрососедства даже в условиях противостояния Запада и Востока. В наибольшей мере это относится к Финляндии, которая в послевоенный период является признанным образцом взаимовыгодного сотрудничества с нашей страной. Именно Финляндия, поддержанная другими Северными странами, стала инициатором различных программ регионального и приграничного сотрудничества с Россией.

Подготовка и реализация ресурсных проектов в Арктике может быть эффективной только при наличии долгосрочных и скоординированных проектов в рамках международного сотрудничества сопредельных государств региона. При этом шельфовые проекты, более капиталоемкие по сравнению с проектами на суше, предполагают и более значительный мультипликативный эффект во всех отраслях, а каждый доллар, вложенный в шельф, генерирует 7,7 долл. в других отраслях экономики [6].

Начиная со второй половины 1990-х годов, идёт постоянный поиск и реализация форм межгосударственного взаимодействия сопредельных стран. В 1997 г. по инициативе премьер-министра Финляндии Липпонена стала осуществляться совместная политика «Северное

измерение», направленная на развитие сотрудничества между Россией и членами Евросоюза – Финляндией, Швецией, а также Норвегией, которая хотя и не входит в ЕС, но является членом-учредителем Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), а с 1994 г. входит в Европейскую экономическую зону (ЕЭЗ).

Основное финансирование «Северного измерения» осуществлялось через Природоохранное партнерство на средства Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР). Так, на средства Партнерства в России были реализованы два крупных проекта в Санкт-Петербурге: строительство Юго-западных очистных сооружений (2005 г.) и строительство завода по сжиганию отходов (2007 г.). В Республике Карелия, в Ленинградской и Мурманской областях были расширены и обустроены приграничные пропускные пункты и подъездные пути [1].

Следует отметить и важный вклад России в процесс международного освоения Арктики: летом 1991 г. Северный морской путь был открыт для иностранных пароходств. Происходящее таяние арктических льдов делает этот маршрут, сокращающий по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал более чем в 2 раза путь между Европой и Азией, всё более привлекательным для иностранных пароходных компаний, что связано также с исчерпанием транзитных ресурсов Индийского океана, ограниченного пропускной способностью Малаккского пролива и Суэцкого канала.

В этой связи Россия увеличивает свой ледокольный флот. Так, в октябре 2020 г. был спущен на воду самый мощный в мире дизель-электрический ледокол «Виктор Черномырдин», способный проходить льды толщиной до 2-х метров. В настоящее время в состав ледокольного флота России входят 9 линейных ледоколов, 4 из которых атомные, а 5 – дизель-электрические. Глобальное потепление открывает новые перспективы международного судоходства по Северному морскому пути, в том числе по транспортировке сжиженного природного газа (СПГ), производство которого на Севере обходится значительно дешевле, так как для сжижения газа требуются стабильно низкие температуры. С этой целью на полуострове Ямал в районе Обской губы с участием зарубежных партнеров было создано предприятие «Ямал-СПГ» по выпуску сжиженного газа мощностью 17,4 млн т в год. Ресурсной базой для предприятия является расположенное рядом Южно-Тамбейское месторождение, в котором запасы природного газа составляют около 1,3 трлн кубометров, газового конденсата – 50–60 млн т.

На западном берегу Обской губы был построен арктический порт Сабетта, который в марте 2017 г. принял первый из судов будущего танкерного флота – газовоз ледового класса, вместимостью 172 600 кубометров сжиженного газа [7, с. 29].

В период с 1992 по 2012 г. Финляндия и Россия осуществляли многоплановую партнерскую деятельность в Мурманской области, Республике Карелия, городе Санкт-Петербург и Ленинградской области. За эти годы Финляндия инвестировала 330 млн евро на реализацию партнерских проектов в рамках Сотрудничества приграничных территорий. В конце 2012 г. Финляндия и Россия подписали новое соглашение по расширению приграничного сотрудничества, целью которого является развитие регионов с обеих сторон финско-российской границы. Финансирование было получено от Европейского инструмента соседства и партнёрства (ЕИСП).

Программа TACIS, по которой Россия в течение 16 лет на основе европейских моделей и стандартов Европейского Союза получала финансовую помощь. По данным Европейской комиссии, в 1991–2001 гг. объем финансовой деятельности Евросоюза по программе TACIS в нашей стране составил 1,489 млрд евро. Помимо TACIS были осуществлены программы INTERREG, Nordic Council of Ministers, Arctic Council, Norwegian Barents Secretariat, NEFCO, EBRD и многие другие [8].

В 2006 г. был сделан следующий шаг в развитии сотрудничества Северных стран и России. Государства арктического региона приняли четырехстороннюю программу ЕИСП – «Коларктик 2007–2013», направленную на преодоление периферийности северных районов Финляндии, Норвегии, Швеции и России, сближение проживающих на приграничных территориях людей и создание максимально благоприятных условий для социально-экономического развития и защиты природной среды Баренцева Евро-Арктического региона. Признание значения России и, в первую очередь, особой роли Кольского полуострова, практически вся территория которого расположена за Полярным кругом, в этой форме сотрудничества отразилась в названии программы – «Коларктик» (в основу был взят топоним реки Кола с площадью бассейна около 4 тыс. кв. км.)

Разработка огромных природных богатств Арктики – это долгосрочный проект, поэтому сделанные начальные шаги по сотрудничеству России и Северных стран Европы имеют большое геостратегическое значение. В 1990–2000-х годах благодаря сотрудничеству России и Северных стран была достигнута основополагающая цель – задана траектория процесса хозяйственного освоения Арктики, в котором приграничное сотрудничество представляет собой важную составляющую российской внешнеполитической линии и содействует созданию пояса добрососедства и безопасности по периметру российских границ.

Программа «Коларктик 2007–2013» была реализована в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП) и на основе Соглашения о финансировании между Правительством Российской Федерации и Европейским сообществом о финансировании

и реализации Программы приграничного сотрудничества «Коларктик» от 18 ноября 2009 г. Реализация этой Программы была успешной, а возможности, благодаря хорошей координации и сочетаемости с другими региональными и приграничными программами, были эффективно использованы.

Общий бюджет Программы приграничного сотрудничества (ПС) – «Коларктик 2007–2013» составил 97 062 241 евро, а Россия инвестировала в Программу 36 470 205 евро. В рамках этой программы России, Евросоюзу, Финляндии и Норвегии удалось осуществить целый ряд проектов, в том числе провести масштабную реконструкцию автомобильных дорог в Карелии [8]. После успешной реализации программы «Коларктик 2007–2013» логика развития сотрудничества диктовала продолжение совместных усилий России и Северных стран в этом регионе, что отвечало как национальным интересам России, так и общерегиональным задачам сохранения и развития арктического региона.

Таким образом, за более чем двадцатилетний период развития хозяйственного сотрудничества России и Северных стран Европы были определены основные задачи, найдены формы приграничного и регионального взаимодействия, возникли устойчивые связи между государственными и общественными институтами, сформировалась организационная структура сотрудничества, определен ряд административных институтов, которые обслуживают инициативы коллективных и частных инвесторов, а, главное, в общественно-политическом дискурсе сложилась позитивная оценка объединений межгосударственных усилий России и Северных стран, так как общественности заинтересованных стран были продемонстрированы реальные результаты отношений добрососедства.

В начале 2010-х годов были созданы как материально-технический, так и общественно-политический заделы для дальнейшего развития хозяйственных связей России и Северных стран Европы, необходимых для решения задач по сохранению и эффективному использованию богатств этого региона. В 2013 г. заинтересованными сторонами была принята программа ЕИСП «Коларктик 2014–2020» («Коларктик II»).

Программа «Коларктик II»: содержание и перспективы

В начале марта 2014 г. разразился российско-украинский кризис, сопровождавшийся человеческими жертвами, что вызвало острую негативную реакцию мирового сообщества. Западные страны в июле 2014 г. наложили экономические санкции на Россию. Благодаря настойчивости представителей Северных стран, прежде всего Финляндии, и в результате последующих продолжительных дискуссий специ-

альным решением Еврокомиссии приграничное сотрудничество удалось деполитизировать и вывести из-под санкционного пространства. Это потребовало определённого времени для решения организационных и правовых вопросов, поэтому выполнение программы «Коларктик II» началось с существенной задержкой.

Общая цель Программы: поддержание жизнеспособности экономики и повышение привлекательности региона, чтобы жители и гости могли наслаждаться природой Арктики, а также рациональное использование ее природных ресурсов. Были определены четыре основных направления: 1) развитие бизнеса, малых и средних предприятий; 2) охрана окружающей среды, смягчение последствий изменения климата и адаптация к ним; 3) повышение доступности регионов, развитие устойчивых, в том числе к климатическим воздействиям, сетей и систем транспорта и связи; 4) содействие обустройству границ и управлению ими, приграничной безопасности, мобильности и управлению миграцией. Общий бюджет «Коларктик 2014–2020» составил 63 436 180 евро. При этом объём запланированного софинансирования Европейского Союза составил почти 40% общего бюджета – 24 718 090 евро, что свидетельствует о заинтересованности Евросоюза в развитии сотрудничества в зоне арктического региона. Планируемые остальные расходы распределились следующим образом: Норвежское эквивалентное софинансирование – 7 млн евро; Национальное софинансирование Норвегии – 7 млн евро; Национальное софинансирование ЕС (Швеция и Финляндия) – 12 359 045 евро; Национальное софинансирование России – 12 359 045 евро [9].

Управляющим Органом ПС «Коларктик» является Региональный Союз Лапландии в городе Рованиеми (Финляндия), Бранч-офисы расположены в городе Лулео (Швеция), городе Вардё (Норвегия), городах Мурманск и Архангельск (Россия). Совместный Мониторинговый Комитет (СМК) состоит из 6 членов от каждой страны-участницы, всего 24 члена. СМК определяет реализацию Программы и принимает решения о выделении объема финансирования проектов. Кроме того, Программа формирует Региональные экспертные группы – по одной от каждой страны-участницы, которые оценивают проекты, поступившие в течение Раунда подачи заявок. Первое заседание СМК состоялось в марте 2015 г.

Были определены основные регионы государств-участников программы: в Финляндии – провинция Лапландия, большая часть территории которой находится за Полярным кругом и прилегающий регион Оулу; в Швеции – провинция Норрботтен, граничащая с Лапландией, и прилегающий Вестерботтен; в Норвегии – провинции Нурланн, Тромс и Финмарк, лежащие за Полярным кругом; в России – Мурманская область как основной партнер, Архангельская

область, Ненецкий Автономный Округ с прилегающими территориями, Республика Карелия и Республика Коми. Эта весьма обширная территория отличается выдающимся биоразнообразием и богатыми минеральными, энергетическими и биологическими ресурсами, а также чрезвычайно неравномерными социально-экономическими условиями.

Таким образом, реализация программы «Коларктик 2014–2020» в значительной мере соответствовала достижению целей, поставленных в российской государственной Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального региона до 2020 г., которая предусматривает поиск и реализацию способов повышения благосостояния и материально-бытовых условий местного населения, подходов к обеспечению более сбалансированного экономического развития и привлечению инвестиций в этот регион, экономическую интеграцию и межрегиональное сотрудничество, а также нацелена на улучшение комплексного инфраструктурного развития Северо-Западного федерального округа в целом. Соглашение о финансировании и реализации программы приграничного сотрудничества «Коларктик 2014–2020» было подписано в Москве 29 декабря 2016 г. Президент Российской Федерации В.Путин 3 августа 2018 г. подписал Федеральный закон «О ратификации Соглашения о финансировании и реализации программы приграничного сотрудничества “Коларктик” на период 2014–2020 годов».

В рамках программы первоначально были запланированы 14 проектов с участием организаций Мурманской области, из которых 7 касаются охраны окружающей среды, остальные посвящены развитию сферы бизнеса и транспорта, синхронизации транспортных перевозок в приграничных районах Мурманской области, привлечению молодежи в научно-техническую сферу и др. Самый крупный из них – ремонт дорожного покрытия к пропускному пункту «Лотта» на границе с Финляндией.

В отличие от выполненных ранее программ сотрудничества (включая программу «Коларктик I») выполнение программы «Коларктик II» началось, как было отмечено выше, с опозданием на четыре года. Столь длительной задержки реализации международных проектов не было за всё время приграничного сотрудничества России и государств Евросоюза. Возможно, в этом проявилось общее состояние отношений России и Евросоюза. В связи с этим программа «Коларктик II» еще далека до завершения. Так, первое заседания СМК состоялось только 19 июля 2016 г. в Мурманске, последнее, шестое – в Хельсинки 29 ноября 2018 г. В течение 2017 г. были проведены три раунда заявок на участие в программе «Коларктик II». К началу 2018 г. в рамках программы было принято около тридцати проектов, одна часть которых

намечена к реализации в конце 2021 г., а другая часть – в конце 2022 г. Принятые к реализации проекты, в большинстве из которых Россия принимает участие, направлены на решение актуальных задач по сохранению и развитию Арктической зоны [10].

Задачей самого масштабного проекта – «Разработка и реконструкция ППП Райя-Йоосеппи» (КО3002Raja-Jooserppi) – является повышение эффективности работы пунктов пересечения границы между Северной Финляндией и Северо-Западом России – Северной частью Карелии, Мурманской областью. Проект включает реконструкцию пропускного пункта Раджа-Джосеппи, улучшение организации движения, строительство нового здания. Программное финансирование – 10,3 млн. евро, общий бюджет проекта – 11,45 млн евро. Планируемый срок реализации проекта – с 01.03.2019 до 28.07.2022.

К этому проекту примыкает другой (КО115 HazArctic), направленный на общее обустройство и развитие инфраструктуры автомобильной магистрали Кола-Верхнетуломский-БКП Лотта (КО115HazArctic), являющейся кратчайшим путем от российского портового города Мурманск до севера Финляндии (муниципалитет Инари). Выполнение проекта создаст более комфортабельные и безопасные условия для расширения грузопотоков по обе стороны российско-финляндской границы. Программное финансирование проекта составляет 3,85 млн евро, общий бюджет – 4,5 млн евро. Продолжительность проекта – с 01.11.2018 до 31.10.2021.

На развитие транспортных услуг направлен проект (КО4035 ArcticSkills) по расширению сотрудничества в сфере железнодорожных перевозок, увеличению объема грузопотоков за счет повышения надёжности инфраструктуры, проведения совместных научных исследований Северных стран и России, обмена новыми техническими разработками в области обслуживания и ремонта подвижного состава, проведения мониторинга состояния транспортной сферы. Программное финансирование проекта – 1,53 млн евро, общий бюджет – 1,7 млн евро. В русле транспортных проблем находится проект «Северная Ось – Баренцево Звено» (КО4159NABL), целью которого является развитие транспортных сетей, трансграничной мобильности и повышение экономической эффективности перевозок посредством развития транспортных коридоров между Востоком и Западом в регионе Коларктик. Сроки реализации проекта: с 04.11.2019 по 28.07.2022. Программное финансирование – 1 031 412 евро, общий бюджет – 1 246 904 евро.

На разработку новых строительных материалов для строительства жилых зданий в районах крайнего Севера, подверженных разрушительному влиянию арктического климата (обледенение, сильные

ветры, разница летних и зимних температур, превышающая 70 градусов) нацелен проект по управлению объектами жилья в Баренцевом регионе (KO1087FAMARB), в котором участвуют научно-исследовательские центры Финляндии, Норвегии и России. Продолжительность проекта: с 01.12.2018 по 30.11.2021. Программное финансирование – 790 тыс. евро, общие бюджет – 877 тыс. евро.

В программе «Коларктик II» большое место отводится разработке и внедрению современных технологий. Это является целью проекта «Прорывные информационные технологии для Баренцева Евроарктического региона» (KO1078ReArc), в котором участвуют Финляндия, Норвегия, Россия и Швеция. Задача проекта – применение и распространение инновационных информационных технологий в коммуникационных и транспортных системах Евроарктического региона с созданием в ходе выполнения проекта специальной лаборатории Living Lab. По окончании проекта ее предполагается использовать как платформу для последующих исследований в этой перспективной области. Программное финансирование – 880 тыс. евро, общий бюджет 1 155 тыс. евро. Продолжительность выполнения проекта: с 13.01.2020 по 31.12.2022.

На защиту экосистем Баренцева региона направлен проект «Адаптация управления лесами Баренцева региона к будущим изменениям климатических и экономических условий» (KO11AgroFore). В нем запланированы мероприятия по внедрению новых практик лесоведения и устойчивого управления лесным хозяйством в условиях растущих экологических рисков, разработке методов борьбы с загрязнением воздуха, улучшение состояния атмосферы, связывание газового атмосферного углерода. Предусмотрен экологический мониторинг в России, Швеции, Норвегии, Финляндии. Сроки реализации проекта: 30.10.2019 – 30.10.2022. Финансирование: программное – 755 тыс. евро, общий бюджет – 839 тыс. евро.

Экологическое направление программы «Коларктик II» по защите морской фауны представлено двумя проектами. Первый – «Сохранение нашего атлантического лосося как устойчивого ресурса для людей на севере» (KO110Multi-Use Plan), целью которого является поиск и реализация мер сохранения численности популяции и устойчивого вылова лосося в условиях угрозы сокращения популяции дикого лосося под воздействием негативных факторов, прежде всего нарушения естественной среды обитания и глобального изменения климата. В проекте предусмотрены мероприятия по расширению сотрудничества между предприятиями рыбной отрасли и исследовательскими институтами России, Норвегии, Финляндии и Швеции. Продолжительность проекта – с 01.01.2020 по 31.12.2021. Программное финансирование – 825 тыс. евро, общий бюджет – 1,15 млн евро. Второй –

проект «Трансграничные инновации в Арктической аквакультуре» (KO4068ARCTAQUA) – является дополнением первого и направлен на регулирование рыбопромысла и сохранение популяции других видов рыб (сига, нельмы, полосатой зубатки, палтуса, трески, сайды, пикши, арктического гольца). Все эти виды имеют высокую экономическую ценность и пригодны для разведения в арктическом регионе. Преимущество проекта заключается в накопленном научном опыте партнеров и в тесном сотрудничестве с малыми и средними предприятиями России, Швеции, Финляндии и Норвегии. Сроки выполнения проекта: с 04.12.2019 по 30.11.2022. Программное финансирование – 2,1 млн евро, общие бюджет – 3,2 млн евро.

Два проекта призваны совершенствовать систему образования. Цель проекта «Арктические навыки» (KO2020ArcticSkills) – повышение качества профессиональной подготовки специалистов среднего специального образования, что является актуальной проблемой для малонаселённых регионов арктической зоны. Для поднятия престижности среднего профессионального образования в приграничных районах России, Финляндии и Норвегии в рамках проекта предполагается проведение международных конкурсов профессионального мастерства, научно-практических конференций, обмена студентами, а также осуществление других форм сотрудничества между образовательными учреждениями. Продолжительность проекта – с 01.01.2020 до 31.12.2022, программное финансирование – 712 тыс. евро, общие бюджет – 1,1 млн евро. Проект «Разработка единых подходов к вовлечению молодежи в научно-техническую сферу» (KO4096DIT4BEARs) направлен на формирование интереса к предпринимательской деятельности среди школьников старших классов в Баренцевом регионе посредством сотрудничества муниципальных органов управления, учебных заведений, промышленных предприятий в деятельности по повышению мотивации молодых людей к предпринимательству и развитию бизнес-мышления, внедрению бизнес-компонентов в систему школьного образования Норвегии, Финляндии и России. Продолжительность – 14.11.2018 – 31.10.2021, программное финансирование – 1,23 млн евро, общий бюджет – 1,37 млн евро.

Целью проекта «Баренц по расписанию» (KO1013BRIDGE) является развитие туризма, совершенствование туристического сервиса, планирования, контроля и управления туристическими потоками, предоставление путешествующим через границы России, Финляндии и Норвегии необходимой информации и современных услуг в области логистики. Продолжительность реализации проекта: с 15.10.2018 по 31.10.2021. Программное финансирование – 1,14 млн евро, общий бюджет – 1,28 млн евро.

Заключение

Арктический регион включает в себе значительный потенциал для социально-экономического развития России, которая занимает его наибольшую часть. Освоение природных богатств Севера является одним из важных направлений ее экономической политики, в рамках реализации которой строятся новые промышленные предприятия, морские порты, ледокольный и танкерный флот. Эффективное использование этого потенциала во многом зависит от сотрудничества России с соседними странами региона. Соседние государства арктической зоны – Северные страны Европы, и прежде всего Финляндия, имеющая более чем семидесятилетний опыт успешного развития добрососедских связей с Россией, глубоко заинтересованы в развитии хозяйственно-экономического сотрудничества с Россией. Во-первых, стратегическая роль России, занимающей наибольшую часть территории арктического региона (более 40% общей площади региона), на которой сосредоточена значительная доля его природных ресурсов, остается важнейшей для их освоения. Во-вторых, действует фактор солидарности государств арктического региона, значение которого в связи с ростом многополярности мира будет возрастать. В-третьих, для Евросоюза ресурсный потенциал Арктики представляет устойчивый стратегический интерес, при незначительности расходования средств из бюджета ЕС. И, наконец, в-четвёртых, национальные интересы наших соседей: реальная экономическая и экологическая выгода развития приграничного сотрудничества с Россией для Северных стран Европы. Поэтому Финляндия, Норвегия и Швеция, несмотря на сложившуюся неблагоприятную политическую конъюнктуру, будут стремиться к сохранению деполитизированного статуса приграничного сотрудничеств, что делает благоприятными его перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3 т. / Под общ. ред. И.С. Иванова. Росс. Совет по межд. делам. М.: Аспект-Пресс. 2013. Т. 3. С. 65–73.
2. *Коньшиев В.Н., Сергунин А.А.* Российско-американские отношения в Арктике: сотрудничество или соперничество? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 9. С. 103–111.
3. *Cinelli C.* The Law of Sea and the Arctic Ocean // *Arctic Review on Law and Politics*. 2011. Vol 2.
4. *Васильев А.В.* Международное сотрудничество в Арктике и подходы России // *История изучения Арктики – от прошлого к будущего. Труды научной конференции*. СПб. 2013. С. 67.
5. *Крюков В.А.* Арктика и экономика // *ЭКО*. 2017. № 8. С. 2–5.

6. Крюков В.А., Крюков Я.В. Как раздвинуть рамки арктических проектов // ЭКО. 2017. № 8. С. 6–32.
7. Зворыкина Ю.В., Тетерятников К.С. Северный морской путь как инструмент освоения Арктики // Российский экономический журнал. 2019. № 4. С. 21–44.
8. Актуальные проблемы и стратегические ориентиры российско-финляндского экономического сотрудничества. СПб. Издательско-полиграфическая ассоциация университетов России, 2017.
9. Кудряшова Е.В., Зарубина Л.А. Международная проектная деятельность как инструмент регионального развития и стимулирования сотрудничества (на примере участия Архангельской области в программе приграничного сотрудничества «Коларктик») // Вестник Северного (Арктического) Федерального Университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 88–97.
10. Совместный программный документ «Программа приграничного сотрудничества Коларктик 2014–2020». narfu.ru/upload/medialibrary/10e/sovместnyy-programmnyy-dokument-pps-kolarktik.pdf (дата обращения 23.11.2020).

REFERENCES

1. The Arctic region: problems of international cooperation: anthology in 3 vols. Under the general editorship of I. S. Ivanov. M. 2013. Vol. 3. p. 65–73. (In Russ.).
2. Konyshov V.N., Sergunin A.A. Russian-American relations in the Arctic: cooperation or rivalry? // World Economy and International Relations. 2018. Vol. 62. No. 9. P. 103–111.
3. Cinelli C. The Law of Sea and the Arctic Ocean // Arctic Review on Law and Politics. 2011. Vol. 2. (In Russ.).
4. Vasil'ev A.V. International cooperation in the Arctic and Russia's approaches // The history of Arctic exploration-from the past to the future. Proceedings of the scientific conference. St. Petersburg. 2013. P. 67. (In Russ.).
5. Kryukov V.A. Arctic and economy // EKO. 2017. No. 8. P. 2–5. (In Russ.).
6. Kryukov V.A., Kryukov, Y.Q. How to extend the limits of Arctic projects // EKO. 2017. No. 8. P. 6–32. (In Russ.).
7. Zworykin Y.V., Teteriatnikov K.S. The Northern sea route as an instrument of development of the Arctic // Russian Economic Journal. 2019. No. 4. P. 21–44. (In Russ.).
8. Actual problems and strategic guidelines of Russian-Finnish economic cooperation. St. Petersburg, 2017. (In Russ.).
9. Kudryashova E.V., Zarubina L.A. International project activity as a tool for regional development and promotion of cooperation (on the example of the participation of the Arkhangelsk region in the program of cross-border cooperation "Kolarctic") // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2018. No. 6. P. 88–97. (In Russ.).
10. Joint program document " Kolarctic Cross-Border Cooperation Program 2014–2020. <https://narfu.ru/upload/medialibrary/10e/sovместnyy-programmnyy-dokument-pps-kolarktik.pdf> (accessed 23.11.2020). (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR

Simonyan Renald Hikarovich – Professor, Doctor of Sociological Sciences, Main Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
sim@isras.ru

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ARCTIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE EU (ON THE EXAMPLE OF THE «KOLARCTIC 2014–2020» PROGRAM)

The problem of using the natural resources of the Arctic is becoming one of the leading topics of the modern world political and economic discourse. Among the states of the Arctic zone, Russia occupies the most favorable geographical positions and has the greatest experience in the study and development of Arctic resources, as well as a successful practice of international cooperation with neighboring circumpolar states. The article explains that the Arctic vector becomes one of the major directions of the strategy of socio-economic development of Russia, in which cross-border cooperation with EU countries, not subject to the anti-Russian sanctions, has an important economic significance for Russia. Besides, it analyzes, the content and prospects of implementation of joint programs of Russia and the Northern countries of Europe "Kolarctic 2014–2020".

Keywords: *arctic zone, northern European countries, sanctions regime, cross-border cooperation.*

JEL: F42.

А.В. ГОЛУБКИН

младший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

Ю.К. КНЯЗЕВ

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН
Институт экономики РАН

НЕОБХОДИМОСТЬ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Статья посвящена анализу особенностей и основных направлений торгово-экономических связей стран Центрально-Восточной Европы с миром. В последнее время интеграция этих государств в Европейский союз постепенно утрачивает свою былую эффективность и вносит все меньший вклад в их экономическое развитие. Ставший основным для стран ЦВЕ европейский рынок демонстрирует стагнационные тенденции в развитии их внешнеторговых отношений, замедляя темпы их экономического роста. В связи с этим государства ЦВЕ столкнулись с необходимостью диверсифицировать свои торгово-экономические связи с целью поиска новых эффективных рынков сбыта своей продукции. Среди важнейших направлений диверсификации внешнеторговых и инвестиционных потоков стран ЦВЕ выделяются рынки стран Азии, среди которых ведущую роль играет Китай, а также России и других постсоветских государств.

Ключевые слова: *Центрально-Восточная Европа, системная трансформация, Европейский союз, международная торговля, прямые иностранные инвестиции, диверсификация связей.*

JEL: F14, F21.

DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-141-160.

В ходе системной трансформации от социалистического строя к рыночной экономике была радикально реформирована вся внешнеэкономическая сфера стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ). Она была приспособлена к работе в условиях рынка, что потребовало существенных изменений как внутренних, так и внешних механизмов ведения внешнеторговой деятельности.

Результатом реформ стала адаптация страновых экономик к современным условиям осуществления мирохозяйственных связей. Изменилась географическая ориентация внешней торговли стран ЦВЕ, в совокупном товарообороте которых стала преобладать торговля со странами Европейского союза (ЕС), включая самих новых членов [7].

Изменение динамики внешнеторговых связей стран ЦВЕ с ЕС

В процессе перехода к рыночной экономике постсоциалистические страны Центрально-Восточной Европы резко сменили свой внешнеэкономический курс. Если раньше их важнейшим партнером был Советский Союз, то после распада СССР и ликвидации Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) они переориентировали свои внешнеторговые связи преимущественно на страны Европейского союза, членами которого большинство из них стало в 2004 и 2007 гг.

Объем торговли стран ЦВЕ с Россией и другими постсоветскими странами резко снизился и оставался на уровне минимальной необходимости. Внешнеэкономические отношения с другими регионами мира, помимо ЕС, сохранились примерно в прежнем объеме и получали дополнительную динамику в зависимости от повышения международной значимости отдельных стран [7].

Торговые связи государств ЦВЕ с другими членами Евросоюза после достигнутого большинством стран максимума в 70–75% их товарооборота оставались на фактически неизменном уровне. Как видно из табл. 1, существенных изменений приходящихся на эту группу стран долей совокупной торговли многие годы не наблюдалось: по сравнению с максимальным показателем почти в 70% накануне мирового финансово-экономического кризиса удельный вес Евросоюза во внешней торговле был ниже этого уровня вплоть до 2014 г. Тогда он несколько превысил этот рубеж, а затем вновь стал расти вплоть до 2016 г., достигнув тогда исторического максимума почти в 72%.

С 2017 г. удельный вес стран ЦВЕ в товарообороте внутри Евросоюза стал постепенно снижаться в последующие два года, а в 2019 г. произошло его существенное сокращение почти на четыре процентных пункта до 67,1%. В 2019 г. самые большие доли стран ЕС во внешнеторговом товарообороте имели Хорватия (74%), Венгрия (больше 73%), Румыния (73%) и Чехия (чуть больше 70%). Гораздо менее высокий удельный вес государств ЕС был у Польши, Литвы и Сербии (почти 61%), а наименьший – у Черногории (около 48%).

Доля Западной Европы в экспорте стран ЦВЕ продолжала возрастать до 2007 г., достигнув максимума в размере почти 90%. Затем она начала снижаться под влиянием мирового финансово-экономического кризиса и составила в 2013 г. 73,2%. Начиная с 2014 г. данная доля постепенно возрастала вплоть до 2018 г., составив 77,5%. Однако в 2019 г. удельный вес европейских стран в общем объеме экспорта стран ЦВЕ уменьшился сразу на 4,3 процентного пункта до 73,2% (см. табл. 2).

В совокупном импорте стран ЦВЕ доля Западной Европы ниже, чем в экспорте, но и она снизилась с 65,3% в 2015 г. до 61,2% в 2019 г.

Таблица 1

**Доли стран ЕС-27 во внешней торговле государств ЦВЕ в 2008–2019 гг.
(в % от совокупного товарооборота государств ЦВЕ)**

Страна/год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019*
Болгария	54,2	58,1	59,6	60,7	58,4	59,5	61,4	63,5	66,1	64,3	64,6	63,6
Венгрия	73,3	74,1	72,8	73,1	73,2	73,5	75,6	77,1	77,8	77,3	77,7	73,4
Латвия	74,8	73,6	73,1	74,6	73,6	75,5	77,8	77,2	77,7	75,6	74,1	72,7
Литва	58,7	61,5	58,7	57,1	58,5	57,8	59,5	64,5	66,1	63,5	63,8	60,8
Польша	69,2	70,1	68,5	68,1	65,5	66,1	67,1	68,8	69,2	68,9	68,9	66,9
Румыния	69,7	73,9	72,3	71,9	71,9	72,6	72,9	75,3	75,9	75,7	75,2	73,0
Словакия	72,1	70,1	68,6	68,9	67,6	68,4	69,6	71,1	72,1	71,5	72,1	68,7
Словения	63,9	63,4	58,7	58,7	57,9	57,6	57,7	57,3	57,4	56,9	56,1	68,2
Хорватия	63,1	61,9	60,5	61,1	60,9	69,2	71,4	73,6	73,1	72,6	74,5	74,0
Чехия	76,2	76,1	73,8	74,1	73,4	73,5	74,7	74,7	75,9	75,8	74,8	70,5
Эстония	69,2	66,7	65,9	63,7	62,7	66,5	68,1	70,6	71,2	70,7	66,6	63,3
Албания	59,9	65,3	66,9	66,5	66,4	66,6	64,5	64,1	66,8	62,7	66,1	69,3
БиГ	52,6	54,7	53,3	53,1	53,9	54,5	54,6	56,5	57,3	56,3	56,2	65,3
Македония	60,1	53,6	56,5	56,7	60,1	64,6	67,1	66,7	67,8	69,2	69,6	62,7
Сербия	53,6	55,7	56,5	56,3	58,1	59,7	60,9	60,7	61,5	61,1	60,4	60,6
Черногория	45,5	39,1	40,8	38,4	36,7	36,2	37,5	35,2	42,1	40,6	42,3	47,7
ЦВЕ	69,4	70,2	68,7	68,6	67,6	68,2	69,5	70,9	71,8	71,2	70,9	67,1

* Данные Trade Map, www.trademap.org.

Источник: рассчитано авторами по: данные UNCTADstat, unctadstat.unctad.org/wds.

(см. табл. 3). Рассматриваемые страны нуждаются в сырье для переработки в готовую продукцию, которое они с трудом могут найти в развитых европейских странах, откуда они получают в основном комплектующие узлы и детали для сборки высокотехнологичных изделий. Но и эти поставки в последние годы сокращаются в связи с исчерпанием возможностей привлечения иностранных инвестиций по мере завершения приватизации госсобственности и снижения интереса ТНК к освоению рынка этого региона. Это связано также с уменьшением выгод от сравнительной дешевизны местной рабочей силы и других привлекательных моментов (например, первоначальной простоте размещения в этих странах «грязных производств»).

Внутренние торговые потоки Евросоюза не отличаются особым динамизмом, оставаясь на неизменном уровне на протяжении длительного времени. Темпы роста внешней торговли стран Центрально-Восточной Европы как со «старыми» членами ЕС, так и между собой

Таблица 2

**Доли стран ЕС-27 в экспорте государств ЦВЕ в 2008–2019 гг.
(в % от совокупного экспорта государств ЦВЕ)**

Страна/год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019*
Болгария	59,9	64,2	60,8	62,5	58,3	59,7	61,7	63,3	66,3	65,1	66,7	64,6
Венгрия	78,4	78,9	77,4	76,3	75,8	75,6	76,4	77,8	78,1	78,3	79,5	76,5
Латвия	73,1	71,6	71,4	71,8	68,8	70,3	73,6	73,8	74,5	72,3	72,7	71,8
Литва	60,3	64,2	61,1	59,9	60,5	55,2	54,7	61,1	60,5	57,3	58,4	54,9
Польша	77,8	79,4	78,9	77,8	75,1	74,4	76,5	78,7	78,8	78,8	79,9	76,2
Румыния	70,5	74,5	72,2	71,1	70,2	69,3	70,6	73,4	74,7	75,6	76,3	73,2
Словакия	85,2	85,7	84,2	84,5	83,7	82,4	83,5	84,6	84,6	84,7	84,5	79,7
Словения	59,1	59,6	59,3	59,1	57,7	57,1	57,9	57,3	57,1	56,9	56,8	63,1
Хорватия	60,8	60,5	61,1	59,8	58,2	61,7	63,7	66,6	66,3	64,6	68,6	65,5
Чехия	85,2	84,6	83,9	83,2	81,1	80,5	82,1	83,1	83,4	84,5	84,1	79,2
Эстония	63,4	60,1	60,9	59,3	57,5	62,9	65,5	69,1	69,3	67,6	62,8	67,4
Албания	56,9	66,9	74,1	73,5	77,7	74,1	74,1	72,4	77,2	78,7	79,1	87,8
БиГ	57,2	57,1	57,8	58,4	60,2	61,9	63,4	62,2	61,8	60,7	61,4	72,3
Македония	80,8	56,2	61,8	60,4	62,8	70,3	74,7	75,4	78,1	79,5	80,6	78,5
Сербия	54,2	53,6	57,3	57,6	57,9	59,9	61,5	62,4	62,7	62,4	63,6	64,7
Черногория	62,2	48,3	55,9	49,7	28,3	25,1	25,8	34,7	35,9	34,1	43,1	42,3
ЦВЕ	76,3	77,2	76,2	75,3	73,8	73,2	74,8	76,6	77,1	77,1	77,5	73,2

* Данные Trade Map, www.trademap.org.Источник: рассчитано авторами по: данные UNCTADstat, unctadstat.unctad.org/wds.

Таблица 3

**Доли стран ЕС-27 в импорте государств ЦВЕ в 2008–2019 гг.
(в % от совокупного импорта государств ЦВЕ)**

Страна/год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019*
Болгария	50,7	53,6	58,6	59,1	58,5	59,4	61,2	63,7	65,9	63,5	62,9	62,8
Венгрия	68,2	68,8	67,8	69,7	70,3	71,2	74,7	76,3	77,5	76,3	75,8	70,1
Латвия	75,9	75,2	74,5	76,8	77,3	79,7	81,2	80,0	80,4	78,3	75,1	70,8
Литва	57,5	59,1	56,5	54,5	56,8	60,3	63,8	67,6	71,2	69,4	68,8	66,3
Польша	62,1	61,6	59,0	59,4	56,4	57,9	57,7	58,8	59,3	58,8	58,3	51,4
Румыния	69,2	73,5	72,5	72,6	73,5	75,5	75,0	77,0	76,9	75,7	74,4	72,8
Словакия	59,3	54,3	53,0	53,1	51,0	53,7	54,9	57,1	59,1	58,2	59,7	57,8
Словения	68,7	67,7	58,1	58,2	58,1	58,2	57,4	57,3	57,7	57,0	55,3	63,1
Хорватия	64,1	62,7	60,1	61,8	62,5	73,7	76,1	78,0	77,2	77,7	78,1	79,3
Чехия	66,9	66,8	63,2	64,2	64,7	65,5	66,5	65,4	67,4	66,1	64,7	60,9
Эстония	73,7	72,9	70,9	68,0	67,5	69,9	70,3	72,0	72,9	73,4	70,1	69,7
Албания	60,7	64,9	64,6	64,0	61,9	63,1	60,0	60,3	62,4	56,4	59,9	60,8
БиГ	50,7	53,5	51,0	50,4	50,6	50,5	50,0	53,4	54,7	53,7	53,0	61,1
Македония	48,1	52,2	53,2	54,4	58,4	61,0	61,9	60,5	60,5	61,6	61,2	57,7
Сербия	53,3	56,8	56,0	55,5	58,1	59,6	60,4	59,6	60,6	59,9	58,1	57,2
Черногория	42,7	37,5	37,7	35,7	38,4	38,6	39,7	35,3	43,1	41,7	42,2	48,5
ЦВЕ	63,7	63,8	61,7	62,2	61,7	63,3	64,3	65,3	66,5	65,5	64,7	61,2

* Данные Trade Map, www.trademap.org.Источник: рассчитано авторами по: данные UNCTADstat, unctadstat.unctad.org/wds.

постепенно замедлялись в последние годы, что ведет к сокращению соответствующих долей в товарообороте, экспорте и импорте.

В 2018 г. «старые» члены Евросоюза (ЕС-15) занимали почти 49% внешнеторгового оборота стран ЦВЕ, в том числе – 44,73% общего импорта и 52,27% экспорта рассматриваемых государств. По сравнению с аналогичными показателями 2017 г. доля внешней торговли, приходящаяся на эти страны, незначительно, но все же сократилась, составив 48,81% товарооборота. В 2019 г. доля этих государств во внешней торговле стран ЦВЕ насчитывала чуть больше 50%, в том числе в экспорте – 56,01% и в импорте – 44,91%.

Аналогичным образом выглядит внешняя торговля между самими странами Центрально-Восточной Европы. Доли взаимных торговых потоков и их среднегодовые темпы роста остаются многие годы на прежнем уровне, а у некоторых государств даже сокращаются. Все это означает, что к настоящему времени в основном исчерпаны абсорбционные возможности региона ЕС как для экспорта, так и для импорта рассматриваемых стран. Отсутствие былой динамики развития торгового взаимодействия внутри ЕС вызывает необходимость расширения географии внешнеторговых потоков стран ЦВЕ. Их дальнейшая внешнеэкономическая экспансия теперь может проходить только в другие части света.

В этой связи возникла задача географической диверсификации внешнеэкономических связей стран ЦВЕ за счет их распространения на другие континенты и регионы, расширения сотрудничества с находящимися там государствами и фирмами [1].

Идет поиск новых форм взаимодействия с последними по разным линиям. Все большее значение получают инвестиционное сотрудничество и обмен высокими технологиями и инновационной продукцией. Налаживаются связи между регионами сотрудничающих государств, что особенно характерно для Российской Федерации, субъекты которой напрямую работают с отдельными странами. Взаимодействие охватывает все больше отраслей промышленности, сельского хозяйства, транспорта, а также других сегментов экономики и гуманитарной сферы.

Предпосылки диверсификации внешней торговли стран ЦВЕ

На протяжении уже довольно длительного времени динамика торговли государств Центрально-Восточной Европы с остальными участниками европейской интеграции, которые представляют собой основной рынок для рассматриваемых стран, остается на неизменном уровне. Стагнационное состояние торговых отношений стран ЦВЕ

с ЕС, безусловно, накладывает негативный отпечаток на их экономическое развитие, замедляя темпы экономического роста [10].

Как видно из данных табл. 4, после кризисного 2009 г. и повторной рецессии в 2012 г. темпы роста ВВП в большинстве стран ЦВЕ возрастали вплоть до 2017 г., но заметно замедлились в 2018 г. и особенно в 2019 г. Хотя темпы экономического роста государств ЦВЕ, в большинстве случаев, превышают средние по ЕС показатели, в последние два года прослеживается явная тенденция замедления темпов их экономического развития.

Таблица 4

**Динамика реального ВВП стран ЦВЕ в 2008–2019 гг.
(прирост или снижение в % к предыдущему году)**

Страна/год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Болгария	6,0	–3,6	1,3	1,9	0	0,5	1,8	3,5	3,9	3,8	3,1	3,4
Венгрия	0,9	–6,6	0,7	1,7	–1,6	2,1	4,2	3,5	2,3	4,1	5,1	4,9
Латвия	–3,5	–14,4	–3,9	6,4	4,0	2,4	1,9	3,0	2,1	4,6	4,3	2,2
Литва	2,6	–14,8	1,6	6,0	3,8	3,5	3,5	2,0	2,4	4,1	3,6	3,9
Польша	4,2	2,8	3,6	5,0	1,6	1,4	3,3	3,8	3,1	4,9	5,1	4,1
Румыния	9,3	–5,5	–3,9	2,0	2,1	3,5	3,4	3,9	4,8	7,0	4,4	4,1
Словакия	5,6	–5,4	5,0	2,8	1,7	1,5	2,8	4,2	3,1	3,2	4,0	2,3
Словения	3,5	–7,5	1,3	0,9	–2,6	–1	2,8	2,2	3,1	4,8	4,1	2,4
Хорватия	2,0	–7,3	–1,5	–0,3	–2,3	–0,5	–0,1	2,4	3,5	2,9	2,7	2,9
Чехия	2,7	–4,8	2,3	1,8	–0,8	–0,5	2,7	5,3	2,5	4,4	2,8	2,6
Эстония	–5,1	–14,4	2,7	7,4	3,1	1,3	3,0	1,8	2,6	5,7	4,8	4,3
Албания	7,5	3,4	3,7	2,5	1,4	1,0	1,8	2,2	3,3	3,8	4,1	2,2
БиГ	5,6	–0,8	0,8	0,9	–0,7	2,4	1,1	3,1	3,2	3,1	3,6	2,7
Македония	5,5	–0,4	3,4	2,3	–0,5	2,9	3,6	3,9	2,8	0,2	2,7	3,6
Сербия	5,7	–2,7	0,7	2,0	–0,7	2,9	–1,6	1,8	3,3	2,0	4,4	4,2
Черногория	7,2	–5,8	2,7	3,2	–2,7	3,5	1,8	3,4	2,9	4,7	5,1	3,6
ЕС-27	0,8	–4,2	2,0	1,8	–0,4	0,3	1,9	2,5	2,1	2,8	2,3	1,7

Источник: составлено авторами по: данные IMF, www.imf.org/external/datamapper.

Евроинтеграция, по всей видимости, достигла пика своего развития и постепенно утрачивает былую эффективность, перестав вносить свой вклад в экономический рост государств ЦВЕ [7]. Судя по данным табл. 4, нарастают стагнационные тенденции и в их внешнеэкономических связях, которые вызваны в значительной мере исчерпанием доступного для стран региона торгового потенциала ЕС. Это связано с неблагоприятной экономической ситуацией в самом Евросоюзе и его стагнирующим внутренним рынком, причинами чего послужили мировой финансово-

экономический кризис и обостряющийся в настоящее время внутренний многофакторный кризис Европейского союза.

Кризисная ситуация в Евросоюзе находит свое проявление во внутриаполитической, международной, экономической и социальной сферах, причем наибольшую остроту приобретают пока политические аспекты. Все более заметными становятся трения между отдельными странами ЕС и в их отношениях к брюссельской администрации в связи с введением и систематическим продлением антироссийских санкций. Еще большую остроту придал им миграционный кризис, неожиданно возникший в Западной Европе из-за массового наплыва беженцев из проблемных стран Африки и Ближнего Востока (в основном из разоренных войной Ливии, Ирака, Сирии, Афганистана) [10]. Дополнительным детонатором разногласий и недовольства Брюсселем стали последствия мирового финансово-экономического кризиса (экономический спад и длительная стагнация, острый долговой кризис в странах Европы, разбалансированность их внутренних финансов и проблемы в кредитно-банковской сфере, увеличение безработицы и падение жизненного уровня населения).

Разногласия между отдельными странами были вызваны их общей внешнеполитической неуверенностью и озабоченностью снижением безопасности в связи с геополитической нестабильностью, опасениями из-за усилившейся активности международного терроризма, ожиданиями роковых последствий обострившегося противостояния между Западом и Россией в связи с украинским кризисом и открыто антироссийской направленностью активизировавшихся военных приготовлений США и НАТО вблизи европейских границ России. Вышесказанное усугублялось дифференцированным подходом администрации Д. Трампа к разным европейским странам и выделением своих фаворитов в лице Польши, прибалтийских стран и Румынии, фактическим развязыванием торговой войны США против европейских государств и Евросоюза в целом [1].

Социальная сфера находится в принципе в ведении самих государств, однако Брюссель стремится оказывать влияние на проблемные сектора рынка труда (регулируя занятость населения и безработицу) и требует соблюдения бюджетного равновесия, принуждая проблемные страны к проведению политики строгой экономии. В качестве антикризисных мер многие страны были вынуждены существенно уменьшать государственные расходы на социальную помощь, пенсионное обеспечение, финансирование учреждений культуры, образования и здравоохранения и даже сокращать численность госслужащих и ограничивать рост их заработных плат. Обратной стороной этих мер стало сужение внутреннего спроса, повлиявшее на замедление выхода из стагнации [10].

Эти кризисные проявления оказывают неизбежное влияние на страны Центрально-Восточной Европы, усиливая евроскептицизм и неуверенность в их дальнейшем будущем.

В сложившихся условиях у стран региона возникает потребность в поиске новых эффективных внешних рынков, способных придать дополнительный импульс развитию их внешнеэкономических связей и внутреннему хозяйственному росту.

Возможные направления географической диверсификации внешнеэкономических связей

Общая картина динамики и нынешнего состояния внешнеторговых связей стран ЦВЕ по географическим направлениям в стоимостном выражении представлена в табл. 5.

Из данных табл. 6 видно, что за последние годы произошли некоторые сдвиги во внешней торговле государств ЦВЕ со странами Азии, Африки, Северной и Латинской Америки.

Удельный вес африканских стран во внешней торговле государств ЦВЕ колебался незначительно и в 2018 г. был равен 1,03% общего объема товарооборота рассматриваемых стран. Удельный вес африканских государств в импорте Центрально-Восточной Европы повысился с 0,5% в 2005 г. до 1,1% в 2019 г., то есть на 0,6 п. п. Доля Африки в экспорте стран ЦВЕ увеличилась в меньшей степени.

Доля Латинской Америки в анализируемый период оставалась практически неизменной на уровне 1% (в 2019 г. – 0,91%). Регион Северной Америки увеличивал свою долю во внешней торговле стран ЦВЕ, хотя и довольно медленными темпами, и достиг в 2019 г. 2,76%.

Начиная с 2007 г., доля азиатских стран в экспорте Центрально-Восточной Европы неуклонно росла быстрыми темпами вплоть до 2013 г., увеличившись в общей сложности на 1,83 п. п. В период 2014–2019 гг. доля Азии в экспортных потоках стран ЦВЕ росла более медленными темпами и достигла около 6,5% в 2019 г. Удельный вес Азии в импортных закупках стран ЦВЕ рос довольно быстрыми темпами и увеличился с 16,91% в 2011 г. до 18,81% в 2017 г. За более длительный период 2005–2019 гг. доля Азии в совокупном импорте стран ЦВЕ повысилась с 14% до 19%, или на 5 п. п. Произошло это в значительной мере за счет увеличения удельного веса Китая с 2,7% до более 5%, то есть почти в два раза. В 2019 г. роль Азии во внешней торговле стран ЦВЕ еще больше выросла. Ее удельный вес в их совокупном товарообороте достиг 13,29%. Хотя в экспортных поставках удельный вес азиатских стран незначительно сократился до 6,31%, импортные потоки из государств Азии составили 20,02% совокупного импорта стран ЦВЕ. Даль-

Таблица 5

Географическая структура внешней торговли стран ЦВЕ в 2008–2019 гг. (млрд долл. США)

Регион/год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Товарооборот												
Азия	148,3	113	135,9	156,6	150,2	161,9	173	156,2	161,3	182,5	254,1	257,1
Латинская Америка	14,8	10,5	11,8	14,5	14,9	16,4	16,3	15,9	14,3	16,4	18,2	17,1
Северная Америка	32	23,5	27,4	33,8	34	37	39,3	36,1	37,3	43,8	51,3	52,4
Африка	12,5	11,1	12,3	15,2	15,8	17,3	18,9	17	16,4	17,7	20,3	23,1
Постсоветское пространство	157,6	92,9	119,1	159,2	163,5	164,6	149,8	94,9	84,9	107,1	127,9	122,6
Европа	1265,9	920,7	1056,4	1296,1	1228	1312,7	1366,2	1192,2	1220,3	1380,7	1583,5	1538,9
Экспорт в регионы												
Азия	39,2	32,8	42,1	54,2	53,1	59,8	59,9	53,1	54,1	59,4	60,9	59,9
Латинская Америка	5,2	3,4	4,4	5,4	6,4	7,3	7,4	7,3	6,4	7,7	8,1	7,8
Северная Америка	14,4	10,9	13,5	17,4	17,8	20,1	22,4	20,7	21,4	24,2	28,6	29,8
Африка	7,8	7,4	8,1	10,1	11,1	12,1	13,3	11,5	10,9	11,2	12,4	13,2
Постсоветское пространство	52,7	33,8	43,4	56,1	61,4	67,5	59,7	37,7	37,3	45,4	49,7	50,6
Европа	611,1	472,1	545,8	665,4	633,9	683,3	715,7	631,5	650,5	732,9	836,4	820,3
Импорт из регионов												
Азия	109,1	80,2	93,8	102,4	97,1	102,1	113,1	103,1	107,2	123,1	193,2	197,1
Латинская Америка	9,6	7,1	7,4	9,1	8,5	9,1	8,9	8,6	7,9	8,7	10,1	9,2
Северная Америка	17,6	12,6	13,9	16,4	16,2	16,9	16,9	15,4	15,9	19,6	22,7	23,4
Африка	4,7	3,7	4,2	5,1	4,7	5,2	5,6	5,5	5,5	6,5	7,9	9,9
Постсоветское пространство	104,9	59,1	75,7	103,1	102,1	97,1	90,1	57,2	47,6	61,7	78,2	71,9
Европа	654,8	448,6	510,6	630,7	594,1	629,4	650,5	560,7	569,8	647,8	747,1	718,6

Источник: рассчитано авторами по: данные UNCTADstat, unctadstat.unctad.org/wds/, Trade Map, www.trademap.org.

Таблица 6

**Географическая структура внешней торговли стран ЦВЕ, 2005–2019 гг.
(% от общего товарооборота стран ЦВЕ)**

Регион/год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Азия*	11,6	12,1	12,8	12,2	12,1	12,0	12,4	12,9	12,9	12,9	13,0	13,3
Латинская Америка	1,0	0,9	0,9	0,9	1,0	1,0	1,0	1,1	0,9	1,0	0,9	0,9
Африка	0,8	1,0	0,9	1,0	1,1	1,1	1,1	1,2	1,1	1,0	1,0	1,2
Северная Америка	2,1	2,1	2,1	2,1	2,3	2,3	2,4	2,4	2,5	2,5	2,6	2,7

*Доля стран Азии изображена на правой шкале рисунка 1.

Источник: рассчитано авторами по данным UNCTADstat, unctadstat.unctad.org/wds/, Trade Map, www.trademap.org.

нейшее укрепление взаимодействия с азиатскими странами способно придать новую динамику их внешней торговле.

Таким образом, диверсификация торгово-экономических связей государств ЦВЕ осуществляется преимущественно за счет стран Азии, благодаря в основном растущей доле Китайской Народной Республики во внешней торговле указанных стран.

Расширению взаимных внешнеэкономических связей во многом способствует двустороннее инвестиционное сотрудничество. Объемы привлеченных странами ЦВЕ прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из Азиатского региона хоть и находятся на довольно низком уровне, однако последние тенденции свидетельствуют об ускорении темпов роста азиатского капитала в государствах ЦВЕ. Географическую структуру распределения азиатских ПИИ можно проанализировать на примере Словении.

По совокупному объему прямых иностранных инвестиций в Словению государства Азиатского региона пока не занимают значительного места по сравнению с развитыми странами Европы и Северной Америки, инвестиционные средства которых составляют основную массу капиталовложений в экономику Словении из-за рубежа.

По состоянию на 2017 г. большая часть ПИИ из стран за пределами евро-атлантического региона поступила в Словению из Японии – 47,1 млн евро в стоимостном выражении. Ежегодный прирост капиталовложений из этой азиатской страны был довольно равномерным вплоть до 2013 г. В 2014 г. произошло некоторое снижение объема накопленных ПИИ. В 2015 г. размер японских ПИИ вырос в два раза, в следующем году – увеличился незначительно, а в 2017 г. сократился почти до уровня 2013 г.

Второй по объему аккумулированных ПИИ из неевропейских стран была в 2017 г. Австралия, чьи капиталовложения в Словении насчитывали 35,2 млн евро. Для этой страны характерны более выраженные колебания по годам сумм накопленных инвестиций в пределах 35–40 млн евро.

Среди остальных государств – экспортеров ПИИ в Словению из рассматриваемых регионов следует выделить Израиль, который быстро нарастил объем своих капиталовложений в 2016 г. и увеличил их почти в два раза до 8,5 млн евро в 2017 г. Также стоит отметить Республику Корею, увеличившую свои инвестиции в 2017 г. в два раза до 5,7 млн евро, и Сингапур, начавший инвестиционную экспансию в 2007 г. и продолжавший ее с переменным успехом до 2015 г., после чего объем накопленных инвестиций стал резко снижаться (почти в два раза в 2016 г. и еще на треть в 2017 г. до 4,1 млн евро) [16].

В словенской экспансии в азиатский регион экспорт инвестиционного капитала пока занимает скромное место. Хотя львиная доля словенских ПИИ в 2018 г. пришлось на страны Евросоюза (из них на Хорватию – 32,2%) и государства Западных Балкан (на Сербию – 15,9%, Боснию и Герцеговину – 8,7%, Северную Македонию – 6,3%, Косово – 2,9% и Черногорию – 2,6%), все больше словенского инвестиционного капитала направлялась именно в страны азиатского региона. Согласно статистическим данным Банка Словении, за 2005–2018 гг., главным реципиентом словенских ПИИ в этом регионе выступает Китайская Народная Республика, чья доля в инвестиционных потоках Словении неуклонно растет. В 2018 г. объем накопленного инвестиционного капитала Словении в Китае насчитывал 57,7 млн евро, что составило 1,1% общих словенских ПИИ за рубежом. Размер словенского капитала в Китае вырос в 2018 г., в общей сложности, более чем в два раза по сравнению с 2014 г., когда он составлял 24,4 млн евро.

Китайский вектор диверсификации внешних связей стран ЦВЕ

Особенно динамично среди азиатских стран развиваются связи государств ЦВЕ с Китаем, который и сам прилагает много усилий для проникновения в европейские страны. КНР активно укрепляет свое экономическое присутствие в регионе за счет развития китайско-европейских двусторонних отношений. На сегодня китайский рынок представляет собой одно из перспективных направлений диверсификации внешней торговли государств ЦВЕ [12].

В 2019 г. доля Китая достигла максимального значения во внешней торговле стран ЦВЕ за исследуемый период – 5,21%. В том же году объемы экспортных товарных потоков из государств региона в КНР соста-

вили 1,30% их совокупного экспорта. На долю китайского экспорта в Центрально-Восточный регион Европы пришлось 8,97% общего импорта государств ЦВЕ (см. табл. 7).

Одной из характерных черт торговых отношений между странами ЦВЕ и Китаем является преобладание импорта из Китая над экспортом. Импортные поставки из Китая в период 2005–2010 гг. росли бурными темпами, увеличившись с 4,55% общего импорта государств ЦВЕ до 7,79% в 2010 г. С тех пор импорт продолжил свой рост меньшими темпами и стабилизировался на уровне 8,41% в 2017 г.

Китай во многом способствовал модернизации транспортной инфраструктуры в Центрально-Восточной Европе в рамках интеграционного проекта «Пояс и Путь», тем самым простимулировав импортные потоки стран ЦВЕ из Азии. Здесь ключевую роль сыграли прямые инвестиции КНР, ставшие одним из стимуляторов модернизации и развития экономики Центрально-Восточной Европы. Китайские инвесторы заинтересованы в доступе на европейские рынки, поэтому большая часть капиталовложений, поступающих из Китая, направлена на их захват [4].

Согласно предоставленным открытым интернет-ресурсом CEIC статистическим данным, объем накопленных китайских ПИИ в государствах ЦВЕ неуклонно растет в 2008–2018 гг., за исключением незначительного спада в 2016 г. (см. табл. 8). Стоит отметить, что накопление китайского капитала в шестнадцати рассматриваемых странах ЦВЕ увеличивалось бурными темпами¹. Так, в 2012 г. накопленные странами ЦВЕ-16 китайские ПИИ выросли на 32,23% по сравнению с предыдущим годом. В 2014 г. темпы роста китайского капитала составили 18,16%, а в 2018 г. они выросли на 22,67%².

Что касается географического распределения китайского капитала в Центрально-Восточной Европе, то оно довольно неравномерно. Это обусловлено, в первую очередь, разной степенью вовлеченности восточноевропейских стран в китайский мегапроект «Пояс и Путь». «Передовиками» можно назвать Сербию, Чехию, Польшу и Венгрию, чьи накопленные китайские ПИИ заметно контрастируют на фоне остальных двенадцати рассматриваемых стран.

Объем накопленного китайского капитала в Сербии начал увеличиваться довольно быстрыми темпами с 2013 г., когда темпы его роста выросли почти в два раза. В период 2014–2016 гг. темпы составили 60–63% в год. В 2018 г. объем накопленных Сербией китайских ПИИ

¹ В статистическом учете прямого иностранного капитала китайскими и европейскими статистическими ведомствами существуют методологические различия, ведущие к значительным расхождениям в официально публикуемых данных.

² Рассчитано авторами по данным CEIC, ceicdata.com/en.

Таблица 7

Доля Китая во внешней торговле стран ЦВЕ, 2005–2019 гг. (% от общего товарооборота стран ЦВЕ)

Показатель/ год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Доля КНР в экспорте	0,7	1,0	1,1	1,2	1,2	1,3	1,3	1,2	1,3	1,4	1,3	1,3
Доля КНР в импорте	6,4	7,2	7,8	7,4	7,1	7,1	7,6	8,6	8,6	8,4	8,6	9,0
Доля КНР в товарообо- роте	3,8	4,2	4,6	4,4	4,2	4,2	4,5	5,0	4,9	4,9	5,0	5,2

Источник: рассчитано авторами по данным UNCTADstat, unctadstat.unctad.org/wds/, Trade Map, www.trademap.org.

Таблица 8

Географическая структура распределения накопленных китайских ПИИ в Центрально-Восточной Европе, 2008–2018 гг. (млн долл.)

Страна/год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Болгария	4,7	2,3	18,6	72,5	126,7	149,8	170,3	235,9	166,1	250,5	171,1
Венгрия	88,7	97,4	465,7	475,3	507,4	532,3	556,3	571,1	313,7	327,8	320,7
Латвия	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,9	0,9	1,1	11,7
Литва	3,9	3,9	3,9	3,9	6,9	12,5	12,5	12,5	15,3	17,1	12,9
Польша	109,9	120,3	140,3	201,2	208,1	257,1	329,3	352,1	321,3	405,5	523,7
Румыния	85,7	93,3	124,9	125,8	161,1	145,1	191,4	364,8	391,5	310,1	304,6
Словакия	5,1	9,4	9,8	25,8	86,1	82,8	127,8	127,8	82,8	83,4	99,3
Словения	1,4	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	Нд	26,9	27,2	40,1
Хорватия	7,8	8,1	8,1	8,2	8,6	8,3	11,9	11,8	11,9	39,1	69,1
Чехия	32,4	49,3	52,3	66,8	202,4	204,7	242,7	224,3	227,8	164,9	279,2
Эстония	1,3	7,5	7,5	7,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,6	56,8
Албания	0,5	4,3	4,4	4,4	4,4	7,1	7,1	6,9	7,3	4,8	6,4
БиГ	3,5	5,9	5,9	6,1	6,1	6,1	6,1	7,7	8,6	4,3	4,3
Македония	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	2,1	2,1	2,1	2,1	2,1	36,3
Сербия	2,0	2,7	4,8	5,1	6,5	18,5	29,7	49,8	82,7	170,1	271,4
Черногория	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	4,4	39,4	62,9
ЦВЕ-16*	0,3	0,4	0,8	1,1	1,3	1,4	1,7	1,9	1,7	1,8	2,2
Всего Европа*	5,1	8,7	15,7	24,4	36,9	53,1	69,4	83,7	87,2	110,8	112,8

* Данные представлены в млрд долл. США.

Источник: составлено по: данные CEIC database, ceicdata.com/en.

насчитывал 271,41 млн долл. США, увеличившись на 59,63% по сравнению с аналогичным показателем в 2017 г. (см. табл. 6).

Накопление китайского капитала в Венгрии носило волнообразный характер. Так, в 2010 г. совокупный объем китайских ПИИ в Венгрии составил 465,71 млн долл. США, увеличившись почти в четыре раза по сравнению с 2009 г. В период 2011–2014 гг. среднегодовые темпы прироста китайского капитала стабильно держались на уровне 5%, а в 2016 г. объем накопленных ПИИ сократился на 45,07% по сравнению предыдущим годом. В 2018 г. продолжилось снижение объема накопленных китайских ПИИ в Венгрии (на 2,19% по сравнению с 2017 г.) до 320,69 млн долл. США.

Привлечению значительного объема китайских ПИИ в Сербию и Венгрию в большей степени способствовало начатое в 2017 г. строительство железной дороги Белград–Будапешт в рамках проекта «Пояс и Путь». Валовая стоимость строительства, по предварительным оценкам, составит около 3 млрд евро, в том числе более половины этой суммы приходится на венгерский участок. Предполагается, что венгерская часть железнодорожных путей Белград–Будапешт будет финансироваться на 85% китайским Эксимбанком, а оставшиеся 15% – Венгерским государственным железнодорожным предприятием MAV [17].

Активное инвестиционное присутствие КНР в Центрально-Восточной Европе способствовало модернизации транспортной инфраструктуры региона, а также росту двусторонней торговли между КНР и ЦВЕ-16.

Торгово-экономические связи стран ЦВЕ с Россией и другими постсоветскими странами

Постсоветское пространство занимает важное место во внешней торговле Центрально-Восточной Европы благодаря исторически сложившемуся экономическому взаимодействию между государствами ЦВЕ и СССР [6]. Этот регион всегда был главным направлением дифференциации экономических связей стран ЦВЕ, и эту свою роль он сохраняет до сих пор (см. табл. 9, 10).

После резкого спада стоимостных объемов экспортно-импортных операций государств ЦВЕ с постсоветскими странами в 2009 г., объем взаимной внешней торговли начал восстанавливаться быстрыми темпами вплоть до 2012 г, а доля этих стран увеличилась с 8,32% в 2009 г. до 10,89% в 2012 г. Однако в период 2013–2016 гг. удельный вес постсоветского пространства во внешней торговле стран ЦВЕ снижался как в экспортных потоках, так и в импортных поставках.

В последние два года внешняя торговля стран ЦВЕ с постсоветским пространством несколько активизировалась. Доля постсоветских госу-

Таблица 9

**Внешняя торговля стран ЦВЕ с регионом постсоветских государств
в 2005–2019 гг. (% от общего товарооборота стран ЦВЕ).**

Показатель/ год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Экспорт	7,7	6,4	7,0	7,4	8,4	8,5	7,2	5,1	4,9	5,4	5,2	5,5
Импорт	12,6	10,1	11,2	12,6	13,3	12,0	10,7	7,7	6,3	7,2	7,8	7,6
Товарооборот	10,4	8,3	9,2	10,1	10,9	10,3	9,0	6,4	5,6	6,3	6,5	6,5

Источник: рассчитано авторами по данным UNCTADstat, unctadstat.unctad.org/wds/, Trade Map, www.trademap.org.

Таблица 10

**Динамика внешней торговли Центрально-Восточной Европы
с государствами постсоветского пространства, 2005–2019 гг. (млрд долл
США)**

Страна/год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Азербайджан	2,4	1,5	2,3	3,2	2,8	2,3	3,0	2,1	1,3	2,1	2,5	2,2
Армения	0,2	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,4	0,4
Беларусь	7,4	4,9	6,1	8,4	8,1	8,4	8,0	6,2	5,4	6,2	7,8	7,3
Грузия	1,0	0,7	0,9	1,2	1,3	1,4	1,4	1,1	1,0	1,2	1,3	1,3
Казахстан	7,8	4,5	4,5	6,8	6,8	7,6	9,0	4,5	3,4	6,0	7,7	7,0
Киргизия	0,1	0,1	0,1	0,3	0,2	0,3	0,3	0,2	0,1	0,2	0,2	0,3
Молдавия	2,0	1,2	1,4	2,0	2,1	2,4	2,7	2,1	2,1	2,6	3,3	3,3
Россия	109,9	66,8	86,0	113,5	119,2	118,0	105,3	63,9	55,3	68,6	81,9	76,9
Таджикистан	0,3	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Туркменистан	1,7	0,5	0,2	0,2	0,3	0,4	0,4	0,4	0,3	0,2	0,1	0,3
Узбекистан	0,7	0,4	0,4	0,5	0,5	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6	0,8	0,9
Украина	24,2	12,2	16,9	22,7	21,7	22,8	18,8	13,4	15,0	19,0	21,9	22,7

Источник: рассчитано авторами по данным UNCTADstat, unctadstat.unctad.org/wds/, Trade Map, www.trademap.org.

дарств в общем товарообороте стран ЦВЕ увеличилась с 6,27% в 2017 г. до 6,52% в 2019 г.

Рост взаимного товарооборота обусловлен, преимущественно, увеличивающимися импортными товарными потоками из постсоветского пространства, которые по объему преобладают над экспортными поставками стран ЦВЕ. В 2019 г. импортные поставки из

постсоветских государств в Центрально-Восточную Европу заняли 7,55% совокупного импорта стран ЦВЕ против 7,16% в 2017 г. В том же году на долю постсоветского пространства пришлось 5,46% общего экспорта стран ЦВЕ.

Экспортно-импортные поставки государств ЦВЕ отличаются определенной спецификой в географическом распределении товарных потоков на постсоветском пространстве [9]. Наибольшую долю постсоветские страны занимали в 2019 г. в товарообороте государств Балтии: в Литве – 22,37%, Эстонии – 12,09% и Латвии – 11,71%, наряду с Сербией (9,35%), Болгарией (8,67%) и Польшей (7,64%).

Подавляющее место в торгово-экономических связях стран ЦВЕ занимает Российская Федерация (РФ). Сложившаяся в последние годы напряженная ситуация в политическом взаимодействии между ЕС и Россией не позволяет в полном объеме раскрыть потенциал их взаимных экономических связей. Введенные ЕС санкции против России в некоторой мере замедлили темпы развития двусторонней торговли с Центрально-Восточной Европой. Это выразилось в сокращении доли РФ в экспорте стран ЦВЕ [5]. В последние два года был в основном преодолен спад во взаимной торговле, случавшийся в кризисные периоды, и начали расти как общий взаимный товарооборот, так и экспортные и импортные операции.

Объемы экспортных поставок государств региона в РФ уменьшились в 2018 г. на 0,18%, и доля России в их экспорте сократилась с 3,03% в 2017 г. до 2,85%. Тем не менее, Россия смогла укрепить свои позиции в импорте стран ЦВЕ. В 2018 г. на долю российских поставок в рассматриваемые страны региона пришлось 5,46% общего стоимостного объема импорта ЦВЕ по сравнению с 4,99% в предыдущем году. В 2019 г. экспорт из этого региона в Россию увеличился на 13,27%, а рост импортных поставок из РФ составил 14,44%.

Заключение

Таким образом, именно стагнационное состояние европейского рынка и кризис в самом Европейском Союзе, выразившийся в замедлении темпов экономического роста и начавшемся в 2019 г. резком сокращении внешнеторгового товарооборота входящих в него стран выступают предпосылками необходимой для государств Центрально-Восточной Европы географической диверсификации их внешнеторговых связей.

Замедление экономического роста в странах ЦВЕ, связанные с негативным воздействием кризисных факторов на развитие экономики Европейского союза одновременно означало и фактическое исчерпанием потенциала евроинтеграции.

Статистический анализ показал, что необходимость диверсификации была обусловлена не только начавшимся в 2020 г. коронакризисом, но имеет и иные, более давние экономические корни: еще в 2019 г. было зафиксировано почти повсеместное торможение внешнеторговых связей стран ЦВЕ. Относительное сокращение доминирования европейского региона в их внешнеторговых связях государств ЦВЕ вызвало необходимость поиска ими новых внешних рынков.

В связи с этим очевидные позитивные сдвиги в сотрудничестве государств ЦВЕ со странами Азии, Африки, Северной и Латинской Америки, чьи доли во внешней торговле этого европейского региона неуклонно растут. Обращает на себя внимание рост прямых иностранных инвестиций из неевропейских стран и вложений туда капитала из государств восточноевропейского региона.

Особое внимание во внешнеэкономической политике стран ЦВЕ отводится китайскому вектору диверсификации связей и участию в мегапроекте «Пояс и Путь», способствующем развитию их транспортной инфраструктуры и укреплению сотрудничества с КНР в целом.

Важным направлением диверсификации внешнеэкономических связей стран ЦВЕ остается развитие торгово-экономического сотрудничества с Россией и другими постсоветскими государствами. Их рынки, (наряду с азиатскими и в первую очередь с китайским) становятся главными направлениями экспортной экспансии рассматриваемых стран за пределами Европы. Это означает, что внешнеторговые связи с Россией и со странами Азии, особенно с Китаем, а также странами Африки, Северной и Латинской Америки все больше выступают в качестве альтернативных драйверов экономического роста стран ЦВЕ в условиях ослабления эффекта евроинтеграции.

Процесс географической диверсификации внешнеэкономических связей стран ЦВЕ только начался и будет, несомненно, развиваться и дальше. Пока получены первоначальные результаты, которые не следует переоценивать. Однако ясно, что это может стать дополнительным резервом не только для развития международного сотрудничества, но и для ускорения экономического роста во всем рассматриваемом регионе и в каждой стране в отдельности. Авторы надеются, что результаты настоящего исследования будут способствовать лучшему пониманию основных трендов экономического развития стран региона и выявлению существующих барьеров, а также потенциальных возможностей сотрудничества с Россией и другими постсоветскими странами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азиатский вектор в экономической стратегии стран Центрально-Восточной Европы: Монография / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2019.
2. Влияние Китая на Европу и Центральную Азию. Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии. Группа Всемирного банка. Апрель 2016. С. 41.
3. Глинкина С.П., Куликова Н.В. К экономическому патриотизму: новые тенденции в постсоциалистических странах – членах ЕС // Экономическая наука современной России. 2019. № 2 (85). С. 131–149.
4. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018.
5. Князев Ю.К., Фейт Н.В. Современные тенденции в экономических отношениях России со странами Центрально-Восточной Европы // Россия и современный мир. № 2. 2018. С. 64–75.
6. Куликова Н.В., Синицина И.С. Торговые отношения России со странами Центрально-Восточной Европы // Современная Европа. 2019. №3. С. 150–160. [dx.doi.org/10.15211/soveurope32019150160](https://doi.org/10.15211/soveurope32019150160).
7. Орлик И.И., Князев Ю.К. Политическая и экономическая дифференциация Центрально-Восточной Европы: Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2019.
8. Плюйко А.Ю. Трансформация экономической политики Европейского союза в результате кризиса 2008–2011 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 2018.
9. Постсоциалистический мир: итоги трансформации. В 3-х т. / Под общ. ред. С.П. Глинкиной. Т. 1. Центрально-Восточная Европа / Отв. ред. Н.В. Куликова. Спб.: Алетейя, 2017.
10. Проблемы экономического роста в странах Центрально-Восточной Европы в условиях новой реальности в мировой экономике: Монография / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2019.
11. Центрально-Восточная Европа в поисках новых источников развития: Монография / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2018.
12. Яковлев А.А., Голубкин А.В. Влияние китайской инициативы «Пояс и путь» на торговлю Китая с постсоциалистическими странами российского пояса соседства: эконометрический анализ // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 1А. С. 320–329.
13. Góralczyk B. China's interests in Central and Eastern Europe: enter the dragon. University of Warsaw, May 2017.
14. Jakóbowski J. Chinese-led regional multilateralism in Central and Eastern Europe, Africa and Latin America: 16 + 1 // FOCAC, and CCF. J Contemp China, 27:659–673, 2018. doi.org/10.1080/10670564.2018.1458055.
15. Matura T. China–CEE trade, investment and politics // Eur-Asia Stud, 71:388–407, 2019. doi.org/10.1080/09668136.2019.1571166.
16. Neposredne naložbe /Direct investment: Banka Slovenije. Oktober 2018.
17. Rogers S. China, Hungary, and the Belgrade-Budapest Railway Upgrade: New Politically-Induced Dimensions of FDI and the Trajectory of Hungarian Economic Development // Journal of East-West Business, 2019. P. 20.
18. Višňovský R. Visegrad Group and Relations with Russia // Вестник Российского университета дружбы народов. 2020. № 2. С. 347–355.

19. Zeneli V. What Has China Accomplished in Central and Eastern Europe? // The Diplomat, 2016, November 25.

REFERENCES

1. Asian vector in the economic strategy of the countries of Central and Eastern Europe: Monograph / Ed. by N.V. Kulikova. M.: IE RAS, 2019. (In Russ.).
2. China's influence on Europe and Central Asia. Report on the economy of the Europe and Central Asia region. World Bank Group. April 2016. P. 41. (In Russ.).
3. Glinkina S.P., Kulikova N.V. Towards Economic Patriotism: New Trends in Post-Socialist EU Member States // Economic Science of contemporary Russia. 2019. No. 2 (85). P. 131–149. (In Russ.).
4. Glinkina S.P., Kulikova N.V., Turaeva M.O., Golubkin A.V., Yakovlev A.A. The Chinese factor in the development of the countries of the Russian Neighborhood belt: Lessons for Russia. Scientific report. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2018. (In Russ.).
5. Knyazev Y.K., Feit N.V. Modern trends in economic relations of Russia with the countries of Central and Eastern Europe // Russia and the Modern World. No. 2. 2018. P. 64–75. (In Russ.).
6. Kulikova N.V., Sinityna I.S. Trade relations of Russia with the countries of Central and Eastern Europe // Modern Europe. 2019. No. 3. P. 150–160. [dx.doi.org/10.15211/soveurope32019150160](https://doi.org/10.15211/soveurope32019150160). (In Russ.).
7. Orlik I.I., Knyazev Y.K. Political and economic differentiation of Central-Eastern Europe: Scientific report. Moscow: IE RAS, 2019. (In Russ.).
8. Plyuiko A.Y. Transformation of the economic policy of the European Union as a result of the 2008–2011 crisis. Dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences. Moscow, 2018. (In Russ.).
9. The post-Socialist world: the results of transformation. In 3 volumes / Under the general editorship of S.P. Glinkina. Vol. 1. Central-Eastern Europe / Ed. by N.V. Kulikov. St. Petersburg: Aletea. 2017. (In Russ.).
10. Problems of economic growth in the countries of Central and Eastern Europe in the context of a new reality in the world economy: A monograph / Ed. by N.V. Kulikov-M.: IE RAS, 2019. (In Russ.).
11. Central-Eastern Europe in search of new sources of development: A monograph / Ed. by N.V. Kulikova-M.: IE RAS, 2018. (In Russ.).
12. Yakovlev A.A., Golubkin A.V. The Impact of the Chinese Belt and Road Initiative on China's Trade with the Post-Socialist Countries of the Russian Neighborhood Belt: an econometric analysis // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2019. Vol. 9. No. 1A. P. 320–329. (In Russ.).
13. Góralczyk B. China's interests in Central and Eastern Europe: enter the dragon. University of Warsaw, May 2017.
14. Jakóbowski J. Chinese-led regional multilateralism in Central and Eastern Europe, Africa and Latin America: 16 + 1 // FOCAC, and CCF. J Contemp China, 27:659–673, 2018. doi.org/10.1080/10670564.2018.1458055.
15. Matura T. China–CEE trade, investment and politics // Eur-Asia Stud, 71:388–407, 2019. doi.org/10.1080/09668136.2019.1571166.
16. Neposredne naložbe /Direct investment: Banka Slovenije. Oktober 2018.

17. Rogers S. China, Hungary, and the Belgrade-Budapest Railway Upgrade: New Politically-Induced Dimensions of FDI and the Trajectory of Hungarian Economic Development // Journal of East-West Business, 2019. P. 20.
18. Višňovský R. Visegrad Group and Relations with Russia // Вестник Российского университета дружбы народов. 2020. № 2. С. 347–355.
19. Zeneli V. What Has China Accomplished in Central and Eastern Europe? // The Diplomat, 2016, November 25.

ABOUT THE AUTHORS

Golubkin Alexander Viktorovich – Junior Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
golubkinaalexander@gmail.com

Knyazev Yuriy Konstantinovich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Main Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
kyuk151@rambler.ru

THE NEED TO DIVERSIFY FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF THE COUNTRIES OF CENTRAL AND EASTERN EUROPE

The article is devoted to the analysis of the features and main directions of trade and economic relations between the countries of Central and Eastern Europe and the world. Recently, the integration of these states into the European Union is gradually losing its former effectiveness and making an increasingly smaller contribution to their economic development. The European market, which has become the main market for CEE countries, demonstrates stagnant trends in the development of their foreign trade relations, slowing the pace of their economic growth. In this regard, CEE States faced with the need to diversify their trade and economic ties in order to find new effective markets for their products. Among the most important areas of diversification of foreign trade and investment flows of CEE countries, it is necessary to highlight the markets of Asian countries, among which China plays a leading role, as well as Russia and other post-Soviet countries.

Keywords: *Central and Eastern Europe, system transformation, European Union, international trade, FDI, diversification of trade ties.*

JEL: F14, F21.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ШИ ШАОДУН

аспирант Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В КНР

В статье анализируется динамика и качество развития базового и высшего образования в Китае в 1950–2019 гг. Рассмотрены достижения и проблемы китайской системы образования. Проанализирована динамика инвестиций в сферу образования в Китае и предложен новый оценочный показатель – индекс адаптации человеческого капитала к экономике. Построена регрессионная модель, подтвердившая положительную корреляцию образования как важнейшего фактора роста человеческого капитала и душевного ВВП. Предложены рекомендации по формированию новой стратегии устойчивого развития китайской системы образования.

Ключевые слова: китайское образование, человеческий капитал, инвестиции в образование, продолжительность обучения.

JEL: E24, F01, H52, I20-I29, J24, O53.

DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-161-174.

В результате реализации последовательных экономических реформ и политики открытости Китай стал одной из самых быстрорастущих и самых влиятельных экономик мира. Но несмотря на это, в международном научном дискурсе недостаточно внимания уделено такой составляющей и такому фактору развития КНР, как ее быстро меняющаяся во времени система образования.

В настоящей статье представлены результаты сравнительного анализа изменений в уровне образования и продолжительности обучения жителей в КНР и других стран, что позволило выявить тенденции развития образования в Китае в 1950–2018 гг. Оценка качества базового образования в Китае проведена на основе анализа результатов международной и региональной программы образовательных достижений учащихся PISA 2018. Результаты расчетов, полученные на основе разработанной модели регрессии, объясняющей взаимосвязь между уровнем человеческого капитала и душевным ВВП, позволили оценить адаптивность образования и экономического развития КНР и обосновать потребность в проведении образовательных реформ для получения положительного экономического эффекта.

Динамика развития образования в Китае

Начиная с 1980 г., осуществив ряд последовательных реформ в экономике и образовании, Китай смог значительно повысить уровень развития человеческих ресурсов [1]. В частности, ВВП на душу населения по ППС (в ценах 2017 г.) увеличился в 11 раз за 1990–2019 гг. при среднегодовом темпе роста 8,7% и составил 16 тыс. долл. в 2019 г. (отставание от США сократилось с 28 раз в 1990 г. до 3,9 раза в 2019 г.), средняя продолжительность обучения увеличилась с 0,9 лет в 1950 г. до 7,9 лет в 2018 г. В РФ аналогичный показатель за данный период вырос с 7,3 до 12,0 лет, в США – с 11,4 до 13,4 лет. Несмотря на то, что данное значение в Китае на 0,5 года меньше среднемирового значения и на 0,5 года выше показателя развивающихся стран, необходимо учитывать рост численности населения трудоспособного возраста¹ Китая за период 1950–2019 гг. с 340 млн до 1 млрд человек².

Ожидаемая продолжительность обучения³ в Китае увеличилась с 8,4 до 13,9 лет за 1950–2018 гг.⁴, значительно сократился разрыв с США и РФ, где показатели выросли с 14,1 до 16,3 и с 12,6 до 15,5 лет соответственно. Китаем, таким образом, достигнут уровень стран с высоким уровнем человеческого развития – 13,8 лет, что на 2,5 года меньше, чем у стран с очень высоким уровнем человеческого развития, и на 1,8 лет больше показателя в среднем по миру⁵.

Увеличение продолжительности обучения в Китае отражает повышение доступности образования. К 2011 г. Китай полностью реализовал намеченную цель универсализации девятилетнего обязательного образования и искоренения неграмотности среди молодежи и лиц зрелого возраста. Уровень неграмотности взрослого населения по методологии UNESCO снизился с 80% в 1949 г. до 1% в 2018 г. [2]. При этом данный показатель в Индии и Пакистане в 2018 г. составил соответственно 10% и 32,5%⁶. Показатель охвата дошкольным образованием увеличился с 21% в 1990 г. до 86% в 2017 г. Общий уровень охвата

¹ Население трудоспособного возраста – население в возрасте от 15 до 65 лет.

² Рассчитано автором по: Barro and Lee Data, 2018. www.barrolee.com; National Bureau of Statistics of China. www.stats.gov.cn/; The World Inequality Database on Education. www.education-inequalities.org/.

³ Ожидаемая продолжительность обучения – это количество лет, в течение которых человек учится в школе и вузе (базовое и высшее образование вместе).

⁴ United Nations Development Programme. Human Development Reports. hdr.undp.org/en/indicators/69706.

⁵ Рассчитано автором по: Barro and Lee Data, 2018. <http://www.barrolee.com>; UNDP. Data, Human Development Report 2019. hdr.undp.org.

⁶ UNICEF Data. data.unicef.org/.

средним образованием старшей ступени⁷ увеличился с 50% в 2000 г. до 89,5% в 2019 г., а показатель охвата высшим образованием увеличился с 10% в 2000 г. до 51,6% в 2019 г., что выше среднего уровня в мире и выше, чем в странах с высоким уровнем человеческого развития⁸.

Анализируя данные, приведенные на рис. 1, можно заметить ускоренное распространение образования в Китае в 1980–2000 гг. и замедление роста в 2000–2010 гг. В течение последнего периода государственные расходы на образование в Китае составляли всего 3,1% ВВП, что намного ниже, чем в среднем в мире – 4,1% ВВП. После 2010 г. китайское правительство увеличило инвестиции в образование, и это стало драйвером развития китайского образования.

В 2010–2018 гг. в КНР наблюдалась положительная динамика распространения полного среднего образования среди трудоспособного населения. Данный показатель вырос с 26,4%⁹ до 37%¹⁰, что является самым большим относительным приростом среди стран с населением более 100 млн чел. В то же время при анализе статистических данных средних школ КНР было выявлено, что количество учащихся, поступивших в среднюю школу в 2000–2010 гг., росло, в то время как количество выпускников средней школы сокращалось (см. рис. 1). С одной стороны, обязательное образование в Китае, составляющее 9 лет, не включает ступень старшей средней школы. С другой стороны, вступление Китая в ВТО после 2001 г. значительно и долговременно увеличило спрос на низкоквалифицированную рабочую силу, в результате этого сформировалась тенденция прерывания обучения в старшей средней школе.

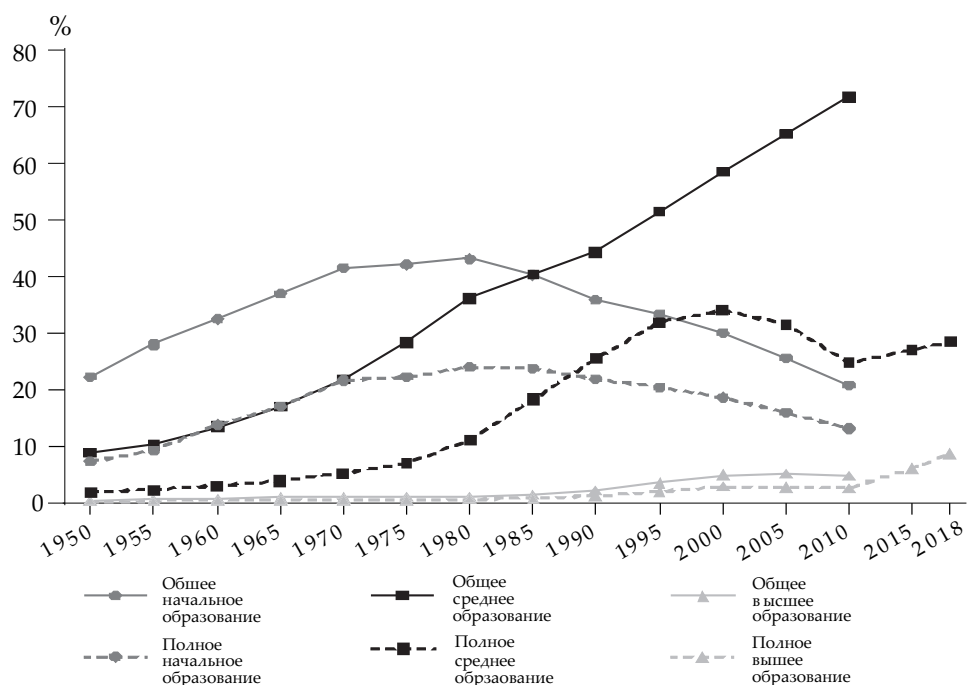
В 2014 г. показатель зачисления в старшей средней школе в странах с высоким уровнем человеческого развития составил 95%, а в среднем по Китаю – 53%. Но при этом в восточной провинции Цзянсу он составлял 75%, а в юго-западных Юньнани и Гуанси – 30%. Таким образом, можно сделать вывод о региональном неравенстве в уровне развития образования в Китае. Данной проблеме уделяется большое внимание

⁷ Как правило, данная ступень среднего общего образования охватывает учеников в возрасте от 15 до 18 лет, т.е. последние 3 класса школьного образования.

⁸ United Nations Development Program (UNDP), the China Institute for Development Planning at Tsinghua University, and the State Information Center. China National Human Development Report Special Edition. www.cn.undp.org/content/china/en/home/library/human_development/national-human-development-report-special-edition.html.

⁹ Рассчитано автором по: Barro-Lee Educational Attainment Dataset. www.barrolee.com.

¹⁰ Рассчитано автором по данным Министерства образования Китая и Национального статистического бюро. Одна из причин, по которой этот показатель относительно низок, заключается в том, что значительная часть взрослой рабочей силы, родившихся в 1970–1980-х годах, не получила полного среднего образования и не будет продолжать получать среднее образование.

Источник: рассчитано автором по: Barro and Lee Data, 2018. www.barrolee.com; Общие сведения. Министерство образования КНР. ru.moe.gov.cn; Data. National Bureau of Statistics of China. www.stats.gov.cn; The World Inequality Database on Education. www.education-inequalities.org.

Рис. 1. Доля трудоспособного населения КНР, достигшего определенного уровня образования в 1950–2018 гг.

в китайском научном дискурсе, в частности, по мнению профессоров Университета Цинхуа – Й. Луо, Ф. Гуо и Цз. Ши, не только технологические, но и институциональные изменения необходимы для сокращения неравенства в образовании по критерию доходов домохозяйств и принадлежности семьи к городу и деревне [3].

Оценка качества базового образования

В качестве методологического инструментария для диагностики развития базового (школьного) образования в КНР применим международный образовательный тест PISA, по итоговому показателю которого Китай в 2018 г. занял 1 место в мире¹¹. Анализируя отдельные составляющие данного теста, стоит отметить, что 4 из 34 субъектов КНР (Пекин, Шанхай, Цзянсу, Чжэцзян) в среднем имеют высокие

¹¹ PISA 2018 Results. OECD iLibrary. www.oecd-ilibrary.org/education/pisa-2018-results-volume-i_5f07c754-en.

баллы по чтению (555), математике (591) и естественным наукам (590), лидируя среди 79 участвующих стран и регионов¹². Но после усреднения значений всех провинций КНР, согласно расчетам Всемирного банка, применительно к качеству образования в Китае, общий показатель качества образования – унифицированные результаты тестирования (УРТ)¹³ – составил всего 456 баллов. Китай занял 66-е место среди 168 стран, что всего на 33 балла выше, чем в среднем в странах с доходом выше среднего, и на 10 баллов выше, чем в среднем по Восточной Азии и Тихоокеанскому региону (включая Японию, Южную Корею, Сингапур и т. п.) при значительном отставании от России (535 баллов и 24 место в мире)¹⁴.

По результатам анкетирования школьных учителей и учеников (PISA 2018) по таким показателям, как уровень поддержки учеников учителями, энтузиазм учителей в работе, дисциплинарный климат в образовании, Китай занял соответственно 22, 14 и 4 место в мире¹⁵. Можно сделать вывод о том, что китайские учителя и ученики часто поддерживают активные взаимодействия, являющиеся общей чертой многих высокоэффективных систем образования [4].

Согласно данным PISA 2015, учащиеся в 4 субъектах КНР учатся 27 часов в неделю вне школы (2-е место в мире), что на 10 часов выше, чем в среднем по ОЭСР. Среди них более 85% прибегают к услугам репетиторов. Более 60% учеников вынужденно занимались с репетиторами для повышения школьной успеваемости и только 37% посещали дополнительные занятия как хобби¹⁶. По данным исследования В. Чжана и М. Брэя, в 2018 г. в средних школах Шанхая среди учащихся 2 класса 53,8% занимались дополнительно с репетиторами, а в 9 классе – уже 74,4%, что несколько ниже, чем в отчете PISA [5].

Стоит сказать о корреляции успеваемости школьников с уровнем семейного дохода (возможностью найма репетитора, покупки дополнительных учебных пособий). Хотя 12% учащихся из неблагополучных семей в 4 субъектах КНР смогли войти в первый квартиль по успеваемости в средних школах, семейное происхождение серьезно влияет на

¹² Максимально возможный бал составляет 625.

¹³ Унифицированные результаты тестирования (Harmonized Learning Outcomes – HLO) рассчитываются с использованием коэффициента пересчета для сравнения международных и региональных стандартизированных тестов достижений, включающий в себя такие авторитетные тесты, как PISA, TIMSS, PIRLS, SACMEQ, LLECE и PASEC.

¹⁴ Human Capital Project. www.worldbank.org/en/publication/human-capital (accessed 23.06.2020).

¹⁵ Применительно к данным показателям в исследовании PISA 2018 участвовало 77 стран.

¹⁶ PISA 2015 Results. OECD iLibrary. www.oecd-ilibrary.org/education/pisa-2015-results-volume-i_9789264266490-en.

ожидания учащихся в определении траектории их дальнейшего обучения. В 2018 г. доля учеников старшей школы, планирующих поступать на бакалавриат, из семей с наиболее высоким и наиболее низким доходом составила 93,5% и 62,9% соответственно [6]. Также отметим, что в целом КНР, как и большинство стран Юго-Восточной и Восточной Азии, отстает по эффективности школьного обучения чтению (44-е место в мире), математике (46-е место) и естественным наукам (54-е место)¹⁷.

Показатели развития высшего образования

Как отмечается в исследовании Л. Орлиэнса, в 2010-е годы высшее образование КНР завершило переход от элитарности к доступности [7]. В 1977 г. в вузах Китая было 625,3 тыс. студентов, а общий уровень охвата высшим образованием¹⁸ составлял менее 1%. К 2018 г. количество студентов вузов достигло 38,3 млн (1-е место в мире). Такой рост числа студентов за 1977–2018 гг. был обусловлен как демографическими и социально-экономическими факторами, так и государственной образовательной политикой¹⁹.

Согласно нашим расчетам, в Китае насчитывается 2663 вуза (в США – 4313)²⁰. Около трети из них прошли аккредитацию на образовательные программы магистратуры, аспирантуры и докторантуры. В 2018 г. в Китае было 84 млн граждан, получивших диплом о высшем образовании, что примерно эквивалентно населению Германии, и составило 8,6% экономически активного населения КНР (см. рис. 1), в то время как в США данный показатель составил 35%²¹.

Быстрый рост населения, получившего высшее образование, не привел к снижению качества данного образования. В 2010 г. 15 китайских университетов входили в число 400 лучших вузов мира (рейтинг QS), а также 3 вуза вошли в 100 лучших университетов. В 2019 г. число китайских вузов в QS-рейтингах²² выросло до 29 и 7 университетов соответственно. В России аналогичный показатель вырос с 3 до 6 вузов в QS-рейтинге 400 лучших университетов мира, и только МГУ вошел

¹⁷ PISA 2018 Results. OECD iLibrary. www.oecd-ilibrary.org/education/pisa-2018-results-volume-i_5f07c754-en.

¹⁸ Включая обычные колледжи и университеты, высшие профессиональные школы, колледжи для взрослых, научно-исследовательские учреждения.

¹⁹ Ministry of Education. Overview of educational achievements in China in 2018. en.moe.gov.cn/documents/reports/201910/t20191022_404775.html.

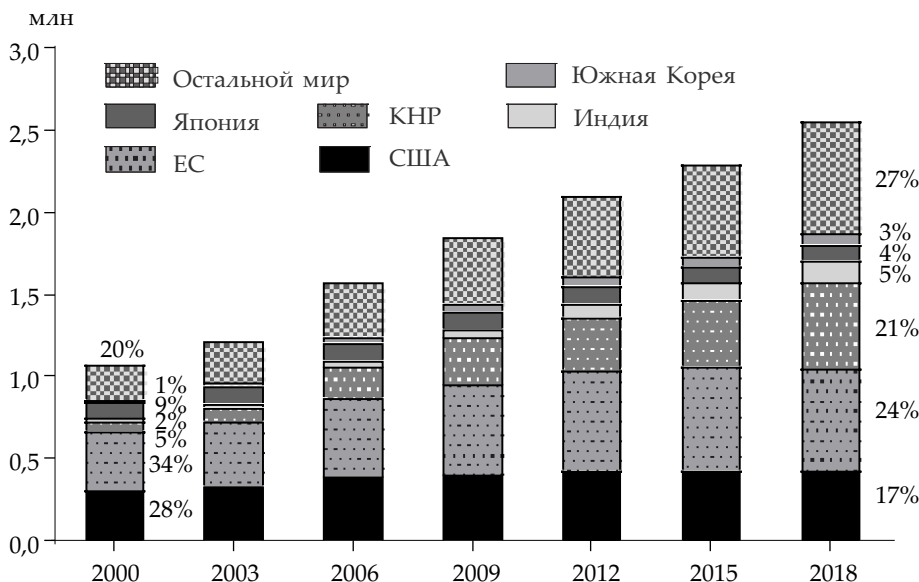
²⁰ Там же.

²¹ College Graduation Statistics. educationdata.org/number-of-college-graduates.

²² QS World University Rankings; The World University Rankings; Academic Ranking of World Universities.

в 100 лучших вузов мира²³. Япония и ЕС сохранили прочные позиции в данных рейтингах, в то время как в США показатели упали – с 112 (Топ 400) и 46 (Топ 100) в 2010 г. до 98 (Топ 400) и 38 (Топ 100) в 2019 г.²⁴

В 2000–2018 гг. доля китайских статей, включенных в базу данных Scopus по науке и технике, резко увеличилась – с 5% до 21%, превысив долю США (17%) и уступая только ЕС (24%). Следующие страны с большим вкладом: Индия (5%), Япония (4%) и Южная Корея (3%). На остальной мир приходится только 27% (см. рис. 2)²⁵.

Источник: рассчитано автором по: NCSES – Глобальные научные и технологические возможности. nces.nsf.gov.

Рис. 2. Региональное распределение публикаций в изданиях, индексируемых в Scopus (2000–2018 гг.).

²³ Прочные позиции КНР в данном рейтинге обусловлены демографическим и финансовым превосходством. В частности, в Китае реализуется «Проект 211», разработанный Министерством образования КНР в 1995 г., предусматривающий приоритетное финансирование около 100 ключевых вузов, которые должны готовить элитных специалистов для осуществления национальных проектов развития в экономической и социальной сферах.

²⁴ Рассчитано автором по: QS World University Rankings. <https://www.topuniversities.com/qsworld-university-rankings>; The World University Rankings. www.timeshighereducation.com/cn/world-university-rankings; Academic Ranking of World Universities. www.shanghairanking.com.

²⁵ Global Science and Technology Capabilities. nces.nsf.gov/pubs/nsb20201/global-science-and-technology-capabilities.

Как было отмечено, в QS-рейтинг 100 лучших вузов мира попали 7 китайских университетов. Но в то же время в рейтинг самых инновационных университетов (Reuters 100), основанный на общем количестве и успешности патентных заявок, а также на рейтинге коммерческого воздействия, измеряемом по индексам цитирования, вошли только 4 китайских университета – Университет Цинхуа (41), Пекинский университет (55), Университет Чжэцзяна (86), Шанхайский транспортный университет (100). Таким образом, Китай занял 7 место по количеству вузов в рейтинге Reuters 100, уступив Южной Корее и Японии²⁶. По количеству одобренных патентных заявок у 4 китайских университетов нет абсолютного отставания, в частности, показатель университета Цинхуа и Пекинского университета лучше показателей некоторых из 10 самых инновационных вузов мира. Но с точки зрения коммерческой отдачи 4 китайских университета в данном рейтинге показали значение ниже среднего показателя индекса на 25%²⁷. Другими словами, Китаю необходимо уделять больше внимания монетизации инноваций.

За 2010–2018 гг. расходы правительства на образование одного студента вуза увеличились почти с 9,6 тыс. юаней до 21,0 тыс. юаней (в текущих ценах)²⁸. Общая стоимость материально-технического обеспечения в вузах выросла с 227,9 млрд юаней до 609,5 млрд юаней в текущих ценах. Если выполнить расчет в постоянных ценах, то стоимость материально-технического обеспечения выросла в 3 раза при среднегодовом темпе роста 9,1%, что выше среднегодового темпа роста капиталовложений по КНР в 2010–2018 гг. (7%).

Инвестиции в систему образования и ее воздействие на экономический рост

В 2012–2018 гг. государственные инвестиции в образование в Китае составили 4,1% ВВП в год²⁹. В 2016 г. общий объем семейных расходов на дошкольное и базовое образование в Китае составил 1,9 трлн

²⁶ Reuters. The World's Most Innovative Universities 2019. www.reuters.com/innovative-universities-2019.

²⁷ Коммерческая отдача (commercial impact score) – показатель того, как часто фундаментальные исследования, проводимые в том или ином учреждении, влияют на коммерческую научно-исследовательскую деятельность.

²⁸ Министерство образования, Национальное бюро статистики, Министерство финансов. Статистический отчет об использовании национальных фондов образования КНР в 2010 г. www.moe.gov.cn/srcsite/A05/s3040/201112/t20111223_128871.html; Статистический отчет об использовании национальных фондов образования в 2018 г. www.moe.gov.cn/srcsite/A05/s3040/201910/t20191016_403859.html.

²⁹ The State Council of the People's Republic of China. www.gov.cn/xinwen/2018-10/15/content_5330938.htm.

юаней (2,48% от ВВП в 2016 г.) [8]. Это также означает, что семейные расходы на образование составляют 3/8 общих расходов на образование в Китае. Всего Китай расходует на образование не менее 6,5% ВВП.

Помимо государственных капиталовложений, необходимо отметить частные инвестиции в сферу образования. В 2017 г. в Китае было 15 стартапов-единорогов, из которых 2 в сфере образования – языковая платформа Vipkid и платформа репетиторов Yuanfudao. Как отмечается в исследовании Цз. Пена, стремительному успеху данных приложений способствовал демографический фактор и ослабление рыночных позиций традиционного (офлайн) образования в Китае [9].

Несмотря на масштабные инвестиции в образование, они не являются достаточными для его дальнейшего устойчивого развития. Это проявляется, в частности, в том, что вклад образования в рост душевого ВВП в КНР составляет, по нашим расчетам, только 2/3 от аналогичного показателя в США. Также нужно вновь отметить неравенство образовательных возможностей учащихся по региональной принадлежности и по уровню доходов домохозяйств. Так, в 2016–2017 гг. средние семейные расходы на дошкольное и начальное и среднее образование составили 4000 юаней в год в сельской местности и в 2,5 раза больше в городских районах – 10000 юаней в год [8]. Значительно различаются условия и качество образования в западных и восточных провинциях, городских и сельских школах. По результатам оценки качества образования, основанной на методологии PISA и УРТ, в 30 субъектах КНР наблюдается значительное отставание от 4 других – Пекина, Шанхая, Цзянсу, Чжэцзян.

Для выявления взаимосвязи между образованием как базовым фактором формирования человеческого капитала и душевым ВВП была построена модель множественной регрессии для выборки из 150 стран. Для характеристики человеческого капитала были использованы показатели средней продолжительности образования (MYS) и ожидаемой продолжительности обучения (EYS). Но учитывая, что эти показатели недостаточны для оценки уровня развития человеческого капитала [10], в модель добавлен фактор качества образования (HLO). Согласно построенной нами модели, человеческий капитал в значительной степени коррелирует с душевым ВВП и может формировать 78% изменения ВВП на душу населения:

$$\begin{aligned} LOGGDP_i &= 6,061 + 0,221 \times MYS_i \times HLO_i + 0,143 \times EYS_i \\ (P = 0,00) \quad (P = 0,00) \quad (P = 0,00) \\ AdjR^2 &= 0,78; N = 150 \end{aligned}$$

где $LOGGDP_i$ – логарифм душевого ВВП страны (i -й) в 2018 г. по ППС в постоянных международных долларах 2017 г.; MYS_i – средняя продол-

жительность обучения (в год); HLO_i – унифицированные результаты тестирования (УРТ) в % (полученные баллы/максимально возможный балл); EYS_i – ожидаемая продолжительность обучения (в год); $AdjR^2$ – скорректированный показатель детерминации (принимает значения от 0 до 1; чем выше, тем лучше); P – уровень статистической значимости параметров регрессии (принимает значения от 0 до 1; чем ниже, тем лучше).

На основе данной модели был рассчитан индекс адаптации человеческого капитала и экономики (ИАЧКЭ) для той же статистической выборки из 150-ти стран:

$$ИАЧКЭ_i = PGDP_i / RGDP_i = e^{LOG GDP_i} / RGDP_i,$$

где: $RGDP_i$ – реальный подушевой ВВП страны (i -й) в 2018 г. по ППС в постоянных международных долларах 2017 г.³⁰; $PGDP_i$ – расчетное значение подушевого ВВП страны (i -й), полученное путем потенцирования полученного логарифма подушевого ВВП страны в модели регрессии.

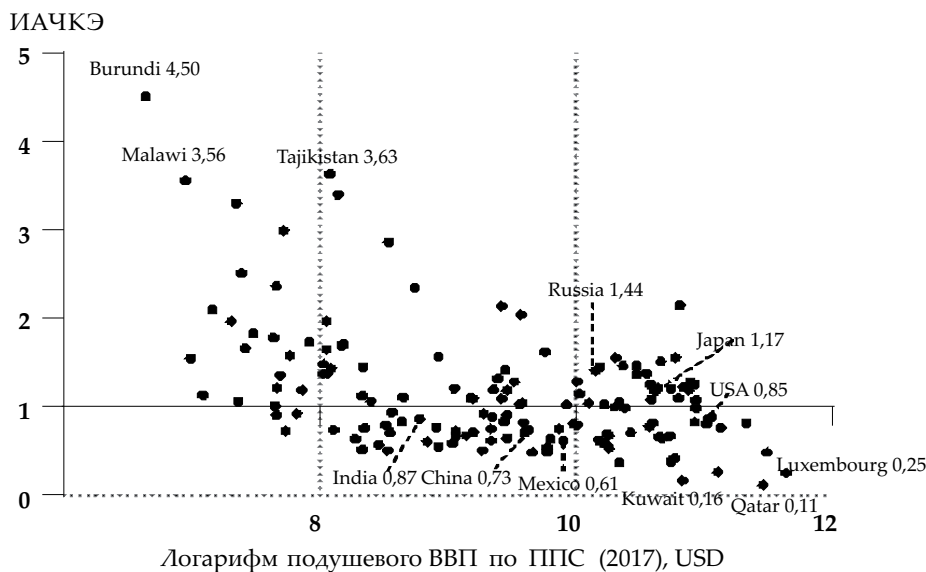
ИАЧКЭ представляет собой соотношение реального ВВП на душу населения и аналитического ВВП на душу населения, полученного в нашей модели. Данный индекс представляет собой уровень соответствия между уровнем человеческого капитала страны и ВВП на душу населения. Чем ближе значение индекса к 1, тем лучше соответствие между данными показателями. Кроме того, значение данного индекса обратно пропорционально влиянию образования как фактора человеческого капитала на подушевой ВВП.

Три страны с самым высоким значением ИАЧКЭ – Бурунди (4,50), Таджикистан (3,63) и Малави (3,56). Их подушевой ВВП должен быть выше своего текущего значения, что показывает, что человеческий капитал не оказывает достаточного экономического эффекта либо развитие экономики этих стран ограничено иными факторами. Если значение индекса ближе к 0, то страна неэффективно инвестировала в человеческий капитал в период роста доходов населения. Самые близкие к нулю показатели у Катара (0,11), Кувейта (0,16) и Люксембурга (0,25). Следовательно, подушевой ВВП в этих странах может не иметь значимой зависимости от образования (см. рис. 3).

Среднее значение ИАЧКЭ в странах с высоким, выше среднего, ниже среднего и низким уровнем доходов составляет 0,93, 0,95, 1,22 и 1,97 соответственно. ИАЧКЭ в Китае составляет 0,73, что немного выше, чем Мексике (0,61) и ниже, чем в Индии (0,87) и США (0,85). Если

³⁰ Рассчитано автором по данным Всемирного банка. data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD.

результаты тестирования PISA во всем Китае будут на таком же высоком уровне, как в 4 провинциях-лидерах, то, согласно нашей модели, ИАЧКЭ будет равен 1,03. Таким образом, по уровню адаптации экономики и человеческого капитала Китай превосходит большинство развивающихся стран, но немного отстает от развитых стран-лидеров.

Источник: рассчитано автором по: World Bank Open Data. data.worldbank.org. indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD.

Рис. 3. ИАЧКЭ и реальный подушевой ВВП разных стран

Новая стратегия развития образования в Китае

Стратегию развития китайской системы образования определяют демографические и экономические факторы. Успех ее реализации во многом является заслугой Коммунистической партии Китая (КПК), которая отдала приоритет образованию как драйверу экономического развития страны, провела и продолжает проводить последовательные реформы в данной сфере [11]. Так, в 2019 г. Центральный комитет КПК и Госсовет обнародовали документ «Модернизация образования в Китае до 2035 г.», представляющий собой дорожную карту по модернизации и оптимизации системы образования для достижения прогресса в наращивании инновационного потенциала и повышении уровня образования в КНР. В дополнение к этому отметим, что конфуцианская культура стимулирует китайцев уделять повышенное внимание обучению детей. В то же время в целях преодоления Китаем как внутренних (старение населения, неравенство в образовании, высокие

семейные расходы на образование), так и внешних проблем (противостояние с США, санкции на научно-технологический обмен и др.) можно, с учетом результатов проведенного исследования, предложить следующие рекомендации.

Во-первых, КПК, на наш взгляд, необходимо признать важность образования при определении приоритетов финансирования национальных проектов в 2021–2025 гг.³¹ Средний объем государственных инвестиций в образование в странах с высоким уровнем доходов составляет 4,9% ВВП³². Если Китай хочет войти в данную группу стран, он в том числе должен увеличить объем инвестиций в образование. Кроме того, привлечение новых инвестиций необходимо, в первую очередь, в провинции КНР с низкими уровнями образования для снижения регионального неравенства в развитии образования.

Во-вторых, реформу системы образования необходимо ускорить. За счет этого демографический дивиденд Китая удастся быстрее трансформировать в институциональный дивиденд. По мере того, как Китай в экономическом развитии переходит от статуса развивающейся страны к развитой, это становится долгосрочной задачей не только в образовании, но и в экономике.

В-третьих, уровень научно-технического прогресса и фактор пандемии Covid-19 продемонстрировали Китаю и всему миру, что современное образование должно шире использовать цифровые технологии и новые способы обучения. В самом образовании необходимо больше внимания уделять информационным направлениям, исследованию Big Data, машинному обучению нейросетей и другим аспектам искусственного интеллекта [12]. В данном контексте Китай может упростить процедуры аккредитации новых учебных программ вузов, поощрять инициативы по запуску высокотехнологичных образовательных стартапов.

Китай имеет ряд весьма важных ресурсов, чтобы адекватно реагировать на вызовы мировой экономики и перейти от догоняющего развития в образовании к опережающему уже в недалекой перспективе. Если Китай должным образом применит весь спектр финансовых, управленческих, технологических и других ресурсов, то он сможет преодолеть проблемы в развитии образования и достичь цели обеспечения всеохватного и справедливого качественного образования, а также поощрения возможности обучения на протяжении всей жизни для всех.

³¹ Национальным народным конгрессом КНР утверждаются пятилетние планы национального экономического развития. В 2021 году будет утвержден план на 2021–2025 гг.

³² По данным: UNESCO Institute of Statistics. uis.unesco.org.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jiang Y., Pang L., Sun J. Early childhood teacher education in China // Early childhood education in Chinese societies. Springer, Dordrecht, 2017. P. 85–100.
2. Yuan Guiren. A Hundred-Year Plan, Education First: Review of the Reform and Development of Education Since the 16th National Congress of the Party // People's Publishing House. 2012. P. 11.
3. Luo Y., Guo F., Shi J. Expansion and inequality of higher education in China: how likely would Chinese poor students get to success? // Higher Education Research & Development. 2018. T. 37. №. 5. P. 1015–1034.
4. Xin Tao. Interpretation of PISA2018: Global Vision and China's Performance // Primary and Secondary School Management. 2020. № 1. P. 6–8.
5. Zhang W., Bray M. Micro-neoliberalism in China: public-private interactions at the confluence of mainstream and shadow education // Journal of Education Policy. 2017. T. 32. №. 1. P. 63–81.
6. Zhao Qian, Zhang Jiahui, Chang Yinghao. The result review and policy implications of "International Student Assessment Project 2018" // Educational Research. 2019. № 12. P. 26–35.
7. Orleans L.A. Soviet influence on China's higher education // China's Education and the Industrialised World. Routledge, 2017. P. 184–325.
8. Wei Yi. 2017 China Educational Finance Household Survey: Current Status of China's Household Educational Expenditure // China Educational Finance. 2018. № 2–3. (In Chinese).
9. Peng J. An Analysis of Online Education Business Model // International Conference on Education Studies: Experience and Innovation (ICESEI 2020). Atlantis Press, 2020. P. 319–324.
10. Eric A. Hanushek. Quality Education and Economic Development // Education in the Asia-Pacific Region: Issues, Concerns and Prospects. 2020. Vol. 55.
11. Zhong Z. et al. What the US (and rest of the world) should know about higher education in China // Change: The magazine of higher learning. 2019. T. 51. №. 3. P. 8–20.
12. Yang X. Accelerated Move for AI Education in China // ECNU Review of Education. 2019. T. 2. №. 3. P. 347–352.

REFERENCES

1. Jiang Y., Pang L., Sun J. Early childhood teacher education in China // Early childhood education in Chinese societies. Springer, Dordrecht, 2017. P. 85–100.
2. Yuan Guiren. A Hundred-Year Plan, Education First: Review of the Reform and Development of Education Since the 16th National Congress of the Party // People's Publishing House. 2012. P. 11.
3. Luo Y., Guo F., Shi J. Expansion and inequality of higher education in China: how likely would Chinese poor students get to success? // Higher Education Research & Development. 2018. T. 37. №. 5. P. 1015–1034.
4. Xin Tao. Interpretation of PISA2018: Global Vision and China's Performance // Primary and Secondary School Management. 2020. № 1. P. 6–8.
5. Zhang W., Bray M. Micro-neoliberalism in China: public-private interactions at the confluence of mainstream and shadow education // Journal of Education Policy. 2017. T. 32. №. 1. P. 63–81.

6. Zhao Qian, Zhang Jiahui, Chang Yinghao. The result review and policy implications of "International Student Assessment Project 2018" // Educational Research. 2019. № 12. P. 26–35.
7. Orleans L.A. Soviet influence on China's higher education // China's Education and the Industrialised World. Routledge, 2017. P. 184–325.
8. Wei Yi. 2017 China Educational Finance Household Survey: Current Status of China's Household Educational Expenditure // China Educational Finance. 2018. № 2–3. (In Chinese).
9. Peng J. An Analysis of Online Education Business Model // International Conference on Education Studies: Experience and Innovation (ICESEI 2020). Atlantis Press, 2020. P. 319–324.
10. Eric A. Hanushek. Quality Education and Economic Development // Education in the Asia-Pacific Region: Issues, Concerns and Prospects. 2020. Vol. 55.
11. Zhong Z. et al. What the US (and rest of the world) should know about higher education in China // Change: The magazine of higher learning. 2019. T. 51. №. 3. P. 8–20.
12. Yang X. Accelerated Move for AI Education in China // ECNU Review of Education. 2019. T. 2. №. 3. P. 347–352.

ABOUT THE AUTHOR

Shi Shaodong – Post-graduate student, Institute of Asian and African Studies, M.V. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia
shi919871055@gmail.com

DYNAMICS AND PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATIONAL SYSTEM IN THE PRC

The paper analyzes the dynamics and quality of development of basic and higher education in China in 1950-2019. The successes of extensive growth and qualitative problems of the Chinese education system are revealed. The dynamics of investments in education in China is analyzed and a new estimated indicator is proposed – the index of adaptation of human capital to the economy. To achieve this goal, a regression model was built, which confirmed the positive correlation of education as the most important factor in the growth of human capital and per capita GDP. On the basis of the research carried out, recommendations are proposed for the formation of a new strategy for the sustainable development of the Chinese education system.

Keywords: *education of China, human capital, educational investment, duration of study.*

JEL: E24, F01, H52, I20-I29, J24, O53.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л.В. ЗЕЛЕНОВСКАЯ

кандидат экономических наук, ученый секретарь
ФГБУН Институт экономики РАН

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН В 2020 г.

DOI:10.24412/2073-6487-2021-1-175-181.

В 2020 г. Институт экономики проводил научно-исследовательскую деятельность в соответствии с Программой фундаментальных научных исследований государственных академий наук (ПФНИ ГАН) на 2013–2020 гг. по трем направлениям: 167. *Исследование динамики соотношения глобального и национального в социально-экономическом развитии и оптимизация участия России в процессах региональной и глобальной интеграции*; 168. *Разработка концепции социально-экономической стратегии России на период до 2050 г. (Дерево целей и система приоритетов)*; 171. *Развитие методологии макроэкономических измерений*.

Научные исследования велись по 13 темам в рамках базового бюджетного финансирования, а также по грантам РФФИ.

Основные результаты научной деятельности

167. *Исследование динамики соотношения глобального и национального в социально-экономическом развитии и оптимизация участия России в процессах региональной и глобальной интеграции*

Коллективная монография «Трансформация моделей экономики в странах постсоциалистического мира» (Отв. ред. М.О. Тураева, Л.Б. Вардомский // М.: ИЭ РАН, 2020) посвящена исследованию новых форм и моделей капитализма, сформировавшихся или формирующихся в постсоциалистических странах в ходе их общественно-экономической трансформации. Сделана попытка проанализировать эти преобразования, основываясь на формах и способах интеграции постсо-

циалистических стран в мировую экономику, специфических сочетаниях факторов их внутреннего социально-экономического развития и наличии (или отсутствии) в них особых типов институциональной комплементарности. Показано, что рассматриваемые страны постсоциалистического мира отличаются по масштабам и глубине системной трансформации, а мировой экономический кризис, многократно усугубившийся пандемией COVID-19, неизбежно ведет к необходимости поиска новых ниш на мировых рынках и в глобальных цепочках добавленной стоимости.

В коллективной монографии «Торговая политика России и стран Восточной Азии: поиск путей для взаимовыгодного сотрудничества» (Отв. ред. И.А. Коргун, С.Ф. Сутырин // М.: ИЭ РАН, 2020) рассмотрены актуальные **проблемы** торговой политики стран Азии. Отмечаются основные тренды протекающих в регионе торговых и инвестиционных процессов, выделяется значение преференциальных соглашений для внутри- и межрегионального экономического сотрудничества. Происходящие трансформации осмысляются с точки зрения интересов России, как их можно было бы использовать для налаживания взаимовыгодных отношений с азиатскими партнерами.

Коллективная монография «Кризис в Европейском союзе: последствия для стран Центрально-Восточной Европы» (Отв. ред. Ю.К. Князев, Н.В. Куликова // М.: ИЭ РАН, 2020) посвящена разворачивающемуся в Европейском союзе системному кризису, многочисленные признаки которого стали особенно заметными в последнее пятилетие. Выявляются его глубинные и текущие причины, а также конкретные проявления во внутривластной, международной, экономической и социальной сферах. Анализируются последствия кризисной ситуации в Евросоюзе для стран Центрально-Восточной Европы, являющихся членами этого интеграционного объединения или кандидатами на вступление, причем как в целом по ним, так и по отдельности. В обобщающих главах особое внимание сделано на исследовании актуальных проблем экономического и социального развития региона, внешнеэкономических связей, финансовой и кредитно-банковской сферы.

Сборник научных трудов «Экономика Польши и России перед лицом вызовов промышленной революции 4.0» (Отв. ред. И.С. Сеницина // М.: ИЭ РАН, 2020) издан по материалам российско-польской конференции, посвященной проблемам технологической модернизации и перехода к новой, инновационной, модели развития; вопросам изменений модели капиталистической экономики, происходящих под влиянием цифровой революции, а также степени подготовленности экономик Польши и России и их институциональных систем к предстоящим в ходе промышленной революции 4.0 системным изменениям.

168. Разработка концепции социально-экономической стратегии России на период до 2050 г. (Дерево целей и система приоритетов)

Сборник научных трудов «Формирование интегрированной системы «город–село» как фактор структурной модернизации российской экономики (памяти Л.В. Никифорова. Под ред. Н.Ю. Ахапкина // М.: ИЭ РАН, 2020), посвященный памяти Л.В. Никифорова, в исследованиях которого тема интеграции города и села занимала одно из центральных мест, рассмотрены вопросы развития сельских территорий России. Проведен анализ осуществляемых государством мер по развитию сельского хозяйства, предпринимаемых с начала двухтысячных годов. Представлены результаты исследования структурной организации городской и сельской экономики, по отдельным характеристикам проведен их сравнительный анализ. В свете концепции интегрированной системы «город - село» рассмотрено состояние и перспективы сельского туризма. Дана обобщенная оценка развития села и сельского хозяйства на разных этапах российской истории.

171. Развитие методологии макроэкономических измерений

В коллективной монографии «Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма» (Под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга // СПб.: Алетей, 2020) представлен новый подход к построению экономической теории современного государства. Проведенный исторический и политэкономический анализ позволил проследить эволюцию места и роли государства в рыночной экономике, выделить ряд основных его моделей и сформулировать фундаментальное положение о превращении современного государства из субъекта рыночного пространства в его организатора – модель «государства-плеймейкера». Предложенный подход опирается на теорию опекаемых благ и общую концепцию провалов смешанной экономики, что позволило с новых позиций взглянуть на категорию государственного патернализма и выявить риски его негативных последствий.

Коллективная монография «Экономические теории в пространстве и времени» (Под ред. В.С. Автономова, А.Я. Рубинштейна // СПб.: Алетей, 2020) подготовлена на основе материалов I-ой Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики «Экономическая наука: забытые и отвергнутые теории» и посвящена отвергнутым или забытым экономическим теориям, интерес к которым возродился в новые времена, и которые по-прежнему представляют собой достойный объект научного исследования.

В коллективной монографии «Мезоэкономика: элементы новой парадигмы» (Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер // М.: ИЭ РАН, 2020) обобщаются итоги развития мезоэкономических исследований, представленных в современной англоязычной и русскоязычной лите-

ратуре. Выявлена и обоснована внутридисциплинарная структура современной мезоэкономики, включающая «мезоэкономику структур четкой локализации» (преимущественно отрасли и регионы); «мезоэкономику сетевых структур»; «институциональную мезоэкономику» и «мезоэкономику общественного воспроизводства». Представлены разработки в области «институциональной мезоэкономики» – наиболее мощного на сегодня направления мезоэкономических исследований, развиваемого в России и за рубежом, а также результаты, полученные в рамках нового оригинального направления «мезоэкономики общественного воспроизводства», опирающегося на положения новой теории воспроизводства капитала и институциональные представления о денежном обращении.

В коллективной монографии «Формирование цифровой экономики в России: вызовы, перспективы, риски» (Под ред. Е.Б. Ленчук // СПб.: Алетейя, 2020) цифровая экономика рассматривается как новая парадигма экономического развития. Проанализированы основные мировые тенденции развертывания процессов цифровизации, дана характеристика условий и особенностей формирования цифровой экономики в России. Раскрыта роль цифровизации в структурной модернизации и повышении конкурентоспособности российской промышленности. Определены приоритеты цифровизации в различных областях деятельности – промышленном комплексе, государственном управлении, финансовой сфере, образовании, здравоохранении и на рынке труда. Системно рассмотрены не только перспективы, но и риски масштабной цифровизации.

В коллективной монографии «Институты государственного управления в контексте стратегических вызовов российской экономики» (Под ред. И.И. Смотрицкой, С.В. Козловой // СПб.: Алетейя, 2020) рассмотрены проблемы формирования и развития институциональной среды для повышения качества управления государственным имуществом и государственными ресурсами. Исследуется комплекс теоретических, методологических и практических проблем трансформации институтов государственного управления в условиях глобальных стратегических вызовов. Показаны возникающие фундаментальные риски в контексте существующих институциональных ограничений, выделены сложившиеся институциональные предпосылки низкой эффективности государственного управления. Предлагаются новые концептуальные подходы к развитию модели управления государственным имуществом и публичными закупками.

Коллективная монография «Новая пространственная стратегия для России» (Отв. ред. Е.М. Бухвальд, А.В. Виленский // ИЭ РАН, 2020) углубляет представления о сущности, приоритетах и инструментах государственного регулирования пространственного развития экономики

России. Рассматриваются такие вопросы, как место пространственного стратегирования в единой системе стратегического планирования; роль национальных проектов в социально-экономическом развитии регионов; роль инвестиционных и инновационных процессов в формировании новой модели пространственного развития российской экономики, особенности социального развития российских регионов; проблемы развития малого и среднего предпринимательства как особого инструмента пространственного развития; роль местного самоуправления в формировании пространственной структуры экономики России.

В сборнике научных трудов «Эволюция иерархических структур в экономике и экономический рост» (Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер, У. Витта // М.: ИЭ РАН, 2020) представлены доклады XIII Международного Пушинского симпозиума (6–7 сентября 2019 г.). Обсуждаются теоретические и модельные подходы к исследованию сложных иерархических и сетевых структур, эволюция сложной (макро-, мезо-, микро-) экономики в условиях цифровой трансформации, исследуются инструменты взаимодействия государства, общества и бизнес-структур, способствующих устойчивому экономическому росту. Освещается мировой опыт экономических реформ, анализируются методология, практика и проблемы реформирования таких крупных иерархических структур, как Евросоюз, экономика России, Китая и Индии.

Научно-организационная деятельность ИЭ РАН

В целях координации научных исследований и активизации внедрения результатов научно-исследовательских разработок в практику Институтом экономики в 2020 году был проведен ряд научно-организационных мероприятий:

Конференции и симпозиумы:

- Международная научная конференция «Сопряжение интеграционных процессов в Европе и Азии» (Москва, 27 февраля 2020 г., совместно с Фондом Конрада Аденауэра. Конференция проводилась в рамках мероприятий, посвященных 90-летию ИЭ РАН);
- Научная конференция «Торговая политика стран Восточной Азии и интересы России» (Москва, 21 апреля 2020 г., совместно с экономическим факультетом СПбГУ. Конференция проводилась в рамках мероприятий, посвященных 90-летию ИЭ РАН);
- Научная конференция «Российско-вьетнамские экономические отношения перед лицом новых вызовов» (Москва, 4 июня 2020 г., конференция проводилась в рамках мероприятий, посвященных 90-летию ИЭ РАН);

- XI Международная Кондратьевская конференция «Возможные сценарии будущего России и мира: междисциплинарный дискурс» (Москва, 20–21 октября 2020 г., совместно с Международным фондом Н.Д. Кондратьева);
- Научно-практическая конференция «IV Сенчаговские чтения. Социально-экономическая безопасность: сфера государственного регулирования и область научного знания» (Москва, 27 октября 2020 г., конференция проводилась в рамках мероприятий, посвященных 90-летию ИЭ РАН);
- Международная научная конференция «Современные проблемы экономического роста в странах Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы», посвященная памяти С.П. Глинкиной (26 ноября 2020 г.);
- IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020» (21–25 декабря 2020 г., совместно с Новой экономической ассоциацией, Экономическим факультетом и Московской школой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова).

Круглые столы:

- Международная торговля как фактор изменений в российской экономике (Москва, январь, круглый стол проводился в рамках мероприятий, посвященных 90-летию ИЭ РАН);
- Экономика России под воздействием пандемии COVID-19: меры экономической политики и перспективы развития (Москва, июнь, круглый стол проводился в рамках мероприятий, посвященных 90-летию ИЭ РАН);
- Белорусский кризис: причины и последствия (Москва, октябрь).
- В отчетный период продолжали работу научные семинары Института экономики РАН: «Теоретическая экономика» (рук. – д.ф.н. А.Я. Рубинштейн, международный семинар ИЭ РАН и Новой экономической ассоциации); «Теория и моделирование воспроизводственных процессов в экономике» (рук. – академик РАН В.И. Маевский, д.с.н. С.Г. Кирдина-Чэндлер), «Институциональная теория и ее приложения» (рук. – д.э.н. О.С. Сухарев).

Экспертная деятельность

В 2020 г. Институт экономики сотрудничал в области экспертной деятельности с органами исполнительной и законодательной власти, министерствами и ведомствами: Советом Федерации ФС РФ, Государственной Думой ФС РФ, Советом безопасности РФ, Министерством науки и высшего образования РФ и др.

Продолжал работу Экспертный совет ИЭ РАН по проблемам корпоративного управления компаниями с государственным участием.

Издательская деятельность

В 2020 г. Институтом экономики издано более 25 научных трудов (монографий, брошюр, сборников научных трудов, докладов). В серии «Научные доклады Института экономики РАН» изданы доклады:

- А.В. Верников «Концепция институциональных ловушек: попытка применения к анализу нового института»;
- В.В. Доржиева, С.А. Ильина «Финансовые институты развития как фактор структурной модернизации»;
- П.А. Ореховский «Социализм и левая утопия в XXI веке (К. Крауч, Т. Пикетти, Н. Срничек, А. Уильямс и др.)»;
- «Пространственное развитие российской экономики: закономерности и государственное регулирование»
- А.Я. Рубинштейн «Патернализм и социальная полезность: нормативный анализ опекаемых благ»;
- «Социальные стимулы и барьеры международной интеграции (европейский и постсоветский опыты);
- О.С. Сухарев «Структурная и технологическая динамика российской экономики»;
- Г.Д. Толорая, И.А. Коргун, В.О. Горбачева «Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки»;
- Б.А. Хейфец «Каким маршрутом пойдет Россия по одному непростому китайскому пути»;
- Б.А. Шмелев «Украинский кризис: уроки для России».

Продолжалось издание научных журналов «Вестник Института экономики Российской академии наук», «Вопросы теоретической экономики», «Мир перемен».

Международное сотрудничество

В 2020 г. Институт экономики продолжал работу на основе двусторонних долгосрочных соглашений о международном сотрудничестве с партнерами зарубежных стран (Белоруссия, Индия, Казахстан, Китай, Корея, Куба, Польша, Узбекистан, Таджикистан, Грузия).

Ученые ИЭ РАН участвовали в международных мероприятиях, организованных научными центрами и организациями зарубежных стран.

И.В. КАРАВАЕВА

доктор экономических наук, профессор, руководитель сектора
экономической безопасности ФГБУН Институт экономики РАН

**РИСКИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ДИСКУССИЯ
НА МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «IV СЕНЧАГОВСКИЕ ЧТЕНИЯ.
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
СФЕРА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
И ОБЛАСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ»**

DOI:10.24412/2073-6487-2021-1-182-189.

Четвертый год подряд Институтом экономики РАН и Российской академией естественных наук (РАЕН) проводятся международные научно-практические конференции, посвященные памяти выдающегося ученого – доктора экономических наук, профессора, академика РАЕН, заслуженного экономиста России В.К. Сенчагова, которому в 2020 г. исполнилось бы 80 лет. Ежегодно на конференциях (Сенчаговских чтениях) затрагиваются наиболее актуальные вопросы экономической и социально-экономической безопасности, идет конструктивная дискуссия по актуальным направлениям развития теоретических исследований и их практического применения в сфере безопасности национальной и региональной экономики.

Организационные сложности, связанные с пандемией COVID-19, сдвинули традиционные сроки чтений, которые состоялись не в апреле, как было запланировано, а 27 октября 2020 г., и впервые проводилась в режиме онлайн видеоконференции. В работе конференции принял участие широкий круг российских и зарубежных ученых и специалистов, представляющих 5 научно-исследовательских институтов РАН, НАН (Республики Беларусь), 34 высших учебных заведения России, научные организации Республики Беларусь и Республики Казахстан. Общее количество зарегистрированных участников составило 130 человек, в их числе было 39 докторов экономических наук и 33 кандидата экономических наук. На пленарном заседании конференции присутствовало 37 человек, были заслушаны и обсуждены 12 научных

докладов. Доклады и тезисы участников пленарного и секционных заседаний конференции опубликованы и продолжают публиковаться в научных рецензируемых журналах, обеспечивающих информационное сопровождение конференции: «Экономическая безопасность» (leconomic.ru/journals/ecsec) и «Развитие и безопасность» (ds.nntu.ru).

Открывая конференцию, д.э.н., директор Института экономики РАН Е.Б. Ленчук обратила внимание, что вопросы экономической и социально-экономической безопасности как на национальном, так и на региональном уровнях приобретают сегодня все большую значимость. Постоянно обостряющаяся геополитическая ситуация формирует новые тренды интеграции России в быстро трансформирующуюся мировую экономику и требует поиска внутренних драйверов развития, перехода к модели экономического роста, основанной на прорывных технологиях и инновациях. Поэтому проводимая экономическая политика должна быть направлена на развитие страны, на ее глубокую технологическую и социально-экономическую модернизацию. В таких условиях крайне важно обеспечить разработку полноформатной стратегии на долгосрочную перспективу, сформировать инструменты ее реализации. Развитие должно происходить на основе внедрения самых передовых технологий и инноваций нового технологического уклада. Именно фактор технологического развития сегодня во многом определяет конкурентоспособность и процветание нашей страны, а технологическая независимость определяет национальную безопасность России.

Член-корреспондент РАН, д.э.н., первый заместитель директора Института экономики РАН М.Ю. Головнин в своем докладе затронул проблему внешних вызовов экономической безопасности России в условиях кризиса, связанного с пандемией COVID-19. В докладе была дана оценка основных направлений воздействия пандемии на механизмы и условия взаимодействия России с ее ведущими экономическими партнерами и отмечено качественное изменение ряда направлений и характера внешних угроз национальной безопасности.

В ходе научной дискуссии было отмечено, что пандемия COVID-19 усилила существующие и обусловила возникновение новых проблем, препятствующих устойчивому региональному развитию. Среди них на одно из первых мест вышла проблема обеспечения медико-биологической безопасности, непосредственно сопряженная с проблемами экономической и социальной безопасности конкретных территорий. Один из важных ее аспектов – прогнозирование и мониторинг пандемий и эпидемий, что должно стать составляющей системы обеспечения социально-экономической стабильности как на федеральном, так и территориальном уровнях. Именно эту тему раскрыл в своем докладе д.ф.-м.н., профессор, действительный член РАН, директор Института

экономики и управления Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева С.Н. Митяков. Представив графические данные и прогнозные значения распространения пандемии COVID-19 в России, он наглядно показал, каким образом моделирование и имитационные исследования, основанные на эпидемиологических данных, могут помочь оценить результативность мер контроля и как они могут быть использованы для оценки эффективности вакцинации. При этом в ситуации, когда заболеваемость расползается из столиц в отдаленные регионы, особое значение приобретает моделирование развития эпидемиологической ситуации на основе реальных данных, которые ежедневно публикуются в открытых источниках. Как отметил С.Н. Митяков, эти модели можно настроить с точки зрения их адаптивных параметров и использовать для прогнозирования заболеваемости в краткосрочных периодах. Долгосрочное прогнозирование, по его мнению, «более проблематично, поскольку, с одной стороны, вирус имеет свойство мутации, а с другой, – внутренние условия могут меняться из-за человеческого фактора (изменение режимов самоизоляции, проведение массовых мероприятий и т. д.)».

В докладе д.э.н., профессора, зав. кафедрой предпринимательства и экономической безопасности Пермского государственного национального исследовательского университета, врио руководителя Центра экономической безопасности Института экономики УрО РАН М.Н. Руденко рассматривались вопросы диагностики социально-экономической безопасности региона как «функции регулирования процессов развития региона». Были представлены инструменты такой диагностики, которые охватывают диапазон критериев, индикаторов и показателей, позволяющих аналитически интерпретировать «состояние и тенденции развития экономических систем регионов». М.Н. Руденко считает необходимым расширение исследований в области создания инструментов диагностики социально-экономической безопасности на уровне конкретных субъектов Российской Федерации и разработку и официальное утверждение различного рода индикаторов складывающегося уровня безопасности в экономической и социальной сферах, использование научно обоснованных инструментов соответствующей диагностики. Докладчик также отметил, что «основными проблемами, выявленными в ходе диагностики в Пермском крае, являются низкий темп роста производства, снижение темпов роста денежных доходов и убыль населения».

Вопросам методологии исследования экономической безопасности полиэтнического региона был посвящен доклад д.э.н., профессора кафедры экономической безопасности, учета и финансов Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова Н.Л. Курепиной. Она отметила, что применительно к регионам со сложным этни-

ческим составом населения «рекомендуется при анализе применять теоретические и эмпирические методы этносоциологии, этнополитологии, других наук, изучающих процессы, происходящие в этносфере во взаимосвязи с исследованием всех современных аспектов экономической безопасности». Каждый регион – это, как правило, сложная в этнокультурном смысле общность. Регионы могут существенно различаться по уровню полиэтничности, по своим этнокультурным и этноконфессиональным характеристикам, и было бы неправильно игнорировать эти обстоятельства. Н.Л. Курепина подчеркнула, что, с одной стороны, экономическая уязвимость, экономическое неблагополучие региона могут негативно отразиться на социально-экономическом положении, самочувствии тех или иных этнических групп, их взаимоотношениях, а, с другой стороны, тревожность, напряженность и тем более конфликты в сфере межэтнических коммуникаций могут отрицательно сказаться на состоянии экономики и экономической безопасности. Дополнительное обращение к возможностям этнодисциплин методологически способно помочь выявить, каким образом фактор полиэтничности находит отражение в экономических процессах, в том числе касающихся экономической безопасности регионов.

В докладе д.э.н., профессора, руководителя сектора экономической безопасности, главного научного сотрудника Института экономики РАН, действительного члена РАЕН И.В. Караваевой на тему «Критерии социально-экономической безопасности: адаптивность к новой реальности» было обращено внимание на то, что в условиях эпидемиологического кризиса происходит активный процесс перераспределения значительного объема производственных, финансовых, управленческих и иных ресурсов с экономических на социальные цели. Включение в систему национальной экономической безопасности в качестве неотъемлемой и даже приоритетной составляющей социального фактора становится базовым условием поддержания этой безопасности. Для формирования адекватной изменившейся действительности стратегии экономической безопасности необходима система законодательно утвержденных оценочных показателей. И некая методическая и информационная база таких показателей (целевых и предельно допустимых значений) уже создана на основе разработок Минэкономразвития РФ¹. При этом важно, чтобы разработка и законодательное утверждение показателей экономической и социально-экономической безопасности на федеральном и субфедеральном уровнях шло параллельно.

В современных условиях правильной методикой стало бы информирование органов власти субъектов Федерации об утвержденных

¹ Минэкономразвития РФ разработало показатели экономической безопасности». www.znak.com/2019-04-01 (дата обращения 30.10.2020).

общероссийских целевых и предельно допустимых критериях экономической и социально-экономической безопасности (паспортов целевых и предельно допустимых значений) с поручением разработать на их основе адаптивные для данного региона показатели. Очевидно, что общероссийские критерии в каждом конкретном регионе рационально применять выборочно и дополнять специфическими для данной территории оценками, отражающими экологические, этнические, демографические, инфраструктурные и прочие особенности и традиции региона. Очевидно также, что опыт такой работы и кадровый потенциал для ее проведения отсутствуют. Но сам процесс привлечения к этой работе субъектов Федерации начинать необходимо.

В докладе д.э.н., профессора, руководителя Центра федеративных отношений и регионального развития, главного научный сотрудника Института экономики РАН Е.М Бухвальда были рассмотрены правовые основы стратегирования экономической безопасности Российской Федерации. По мнению докладчика, подход к формированию содержательной стороны документов по оценке экономической безопасности производственной и социальной сфер развития регионов России и дополняющего их соответствующего инструментального аппарата должен быть пересмотрен в направлении конкретизации основных положений, а также обеспечения согласования с национальными целями развития и иными приоритетами социально-экономического развития Российской Федерации. Для этого Е.М Бухвальд предлагает ввести в Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» систему основных понятий безопасности и ее обеспечения, сделав эту систему понятий обязательной для всех профильных документов. Также было предложено четко определить систему стратегических документов в области национальной безопасности, то есть закрепить систему «субстратегий» безопасности (экономической, экологической, общественной, продовольственной, информационной) и зафиксировать положение о том, что обеспечение национальной, и в частности, экономической безопасности страны входит совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов. Должны быть определены основные рамки полномочий субъектов Федерации при их участии в осуществлении политики экономической безопасности. Кроме того, в законе необходимо закрепить требование о том, что все принимаемые документы стратегического планирования федерального и субфедерального уровня должны содержать раздел, показывающий, в какой мере реализация этого документа будет способствовать обеспечению требований экономической безопасности.

Результаты исследования бюджетного регулирования на региональном уровне, являющегося важным и актуальным фактором обеспечения национальной безопасности России, были представлены

к.э.н., зав. лабораторией, старшим научным сотрудником Вологодского научного центра РАН М.А. Печенской-Полищук. Была выдвинута гипотеза, что обеспечению экономической безопасности способствует развитие регионального бюджетного потенциала. Основное внимание в выступлении было уделено формированию налогового потенциала и привлечению межбюджетных трансфертов. Докладчик отметила, что налоговый потенциал 60% регионов РФ не участвует прямым образом в экономическом росте и развитии их социальной сферы, поскольку становится объектом централизации налогов от экономической деятельности. При этом формирование налогового потенциала региона осуществляется практически вне связи с уровнем его социально-экономического развития, что вызывает необходимость предоставления регионам межбюджетных трансфертов.

В докладе д.э.н., профессора, главного научного сотрудника Института экономики РАН А.В. Виленского были подняты вопросы развития малого и среднего предпринимательства как фактора обеспечения социально-экономической безопасности геостратегических территорий России. Особое внимание докладчик уделил проблемам ситуационных изменений в развитии предпринимательской деятельности в условиях пандемии.

Большой интерес вызвали у участников научной конференции доклады, ориентированные и на проблемы общенационального уровня: д.э.н., руководителя Центра исследований проблем государственного управления, главного научного сотрудника Института экономики РАН И.И. Смотрицкой на тему «Цифровая «зрелость» государственного управления как условие обеспечения экономической безопасности России» и д.э.н., главного научного сотрудника Института экономики РАН, профессора Финансового университета при Правительстве РФ Б.А. Хейфеца – «Технологическая безопасность – важнейший приоритет национальной безопасности в условиях новой промышленной революции».

Участники конференции, развивая позицию членов дирекции ИЭ РАН, посчитали необходимым особо отметить, что сегодня просматривается органическая взаимосвязь проблем глобальной, национальной и региональной экономической безопасности и усиливается нестабильность развития на всех уровнях экономики. В сложившихся условиях российские регионы сталкиваются не только с иными, чем ранее, вызовами и угрозами, но и лавинообразным нарастанием новых противоречий и конфликтов как общенационального, так и специфического внутрирегионального значения. При этом риски регионального развития и в реальной экономике, и в социальной сфере приобретают новые направления, зачастую критического характера, и усугубляются такими факторами, как:

- отсутствие корректной методической основы решения актуальных вопросов экономической и социальной безопасности в регионах, а также необходимой системы плановых стратегических и нормативно-методических документов по вопросам скоординированного решения проблем экономической безопасности конкретных территорий Российской Федерации;
- усиление финансово-инвестиционных рисков, связанных с сохранением принципов действующей финансовой и бюджетной политики, которые формируют условия, сдерживающие рост отечественной экономики и снижают возможности эффективного воздействия комплексного бюджетирования;
- сохранение и в условиях пандемии нарастание рисков и угроз социальной безопасности, связанных с продолжающимся углублением имущественного расслоения общества, сокращением роста доходов и комфортности жизни граждан, что превратилось в глобальную проблему, препятствующую устойчивому социально-экономическому развитию регионов.

По результатам работы IV-х Сенчаговских чтений принята резолюция, в которой особое внимание было уделено характеристике вызовов экономическому и социальному развитию российских регионов в условиях пандемии COVID-19. Участники конференции отметили, что для ответа на эти вызовы необходимо серьезное теоретико-методологическое обоснование причин сформировавшихся угроз, постоянный мониторинг и анализ возникновения макроэкономических рисков, создание механизмов их типологии и классификации, разработка подходов к оценке уровня экономической безопасности, проводимой бюджетной политики в рамках формирующегося института государственного стратегического планирования. Были сформулированы следующие выводы и выдвинуты предложения практического характера:

- в условиях вызванного пандемией кризиса социальный фактор должен восприниматься уже не как некое дополнение к обеспечению экономической безопасности регионов, а как ее неотъемлемая и полноценная составляющая. В сложившихся условиях также возрастает роль экологических, культурологических, этнических факторов в определении состояния экономической безопасности территорий;
- необходимо развивать исследования в сфере разработки критериев экономической безопасности, ведя их параллельно на федеральном и субфедеральном уровнях. Исследования должны ориентироваться на утвержденные целевые экономические и социально-экономические показатели национальной безопасности и безопасности территорий. Соответственно, формируемые

с учетом результатов этих исследований прогнозы и стратегии должны включать меры, направленные на преодоление причин, препятствующих достижению целевых показателей безопасности. Логичным завершением данного процесса должно стать формирование в разрабатываемых Правительством РФ прогнозах социально-экономического развития, проектах федерального бюджета, национальных программах и долгосрочных стратегиях специальных разделов, где будут представлены целевые значения показателей экономической безопасности;

- обеспечение экономической и социально-экономической безопасности региона должно стать прямой обязанностью органов государственной власти соответствующего субъекта Федерации. Реализация этого положения в практике управления потребует существенных правовых новаций. Прежде всего это касается Федерального закона № 390-ФЗ «О безопасности», в котором необходимо зафиксировать, что обеспечение национальной, и в частности, экономической безопасности страны входит в совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов. Должны быть определены основные институциональные рамки участия субъектов Российской Федерации в осуществлении политики экономической безопасности (подготовка ими соответствующих стратегий и/или иных документов, выполняющих аналогичные функции). Задачу обеспечения экономической и социально-экономической безопасности на региональном уровне необходимо рассматривать как неотъемлемую составляющую реформирования органов управления субъекта Федерации;
- для обеспечения эффективности реализации муниципальной составляющей национальных проектов РФ, экономической безопасности территории и повышения качества жизни населения муниципальные органы власти должны развивать практику внедрения проектного управления как альтернативы муниципальным программам. При этом, стимулируя развитие научных исследований, ориентированных на оценку и разработку мер защиты экономической безопасности регионов, следует учитывать необходимость в научном обосновании деятельности системы муниципальных контрольно-счетных органов, реализующих мероприятия внешнего финансового контроля, в том числе аудит реализации муниципальной составляющей национальных проектов. На муниципальном уровне в первую очередь необходимо разработать методологическую основу и модели взаимодействия с другими участниками национальных проектов и системой внешнего финансового контроля.

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 18.02.2021.
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № 486-21

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП
Редакция журнала
«Вестник Института экономики Российской академии наук», 2021

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru